

АЛЕКСЕЙ ГРИШИН

ВТОРАЯ ДОРОГА

ВЫБОР ОФИЦЕРА

ПУТЬ ОФИЦЕРА

РЕШЕНИЕ ОФИЦЕРА

БФ-коллекция

Алексей Гришин

**Вторая дорога: Выбор офицера.
Путь офицера. Решение офицера**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гришин А.

Вторая дорога: Выбор офицера. Путь офицера. Решение офицера /
А. Гришин — «Издательство АСТ», 2021 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-136673-5

Попаданцами бывают: – юные девушки – они прекрасны, в них влюбляются императоры; – спецназовцы, они круты и сами становятся императорами; – молодые менеджеры, никто здесь, там они – ого-го! А если в магический мир попадает ветеран контрразведки, никогда не бывавший в боях? Теперь он юный наследник богатого феодала, перед которым открыты все пути. Но так ли богат выбор в бешеном водовороте событий и интриг? И чем поможет опыт, что предстоит узнать, что преодолеть, а от чего отказаться, чтобы заплатить за право пройти свою вторую дорогу?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136673-5

© Гришин А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Выбор офицера	6
Предисловие	6
Начало	8
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	26
Глава V	35
Глава VI	42
Глава VII	46
Глава VIII	52
Глава IX	56
Глава X	68
Глава XI	85
Глава XII	104
Глава XIII	111
Глава XIV	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Алексей Гришин

Вторая дорога

© Алексей Гришин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выбор офицера

Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

О. Генри

Предисловие

Это произошло чуть больше года назад на традиционной встрече с сослуживцами.

Седые пузатые дядьки под водочку и селедочку вспоминали прожитые годы. Громовой смех и третий тост, дружеские подколки и старые сплетни – все шло как обычно. В этом общении легко оживают прошедшие приключения, вновь, пусть и на короткое время, чувствуешь себя молодым лейтенантом, который, наконец, дорвался до настоящего дела, не верит в существование непреодолимых преград и готов свернуть горы – только укажите какие.

Когда общий разговор ожидаемо разбился на болтовню нескольких компаний, меня отозвал старый знакомый, с которым мы долгие годы делили один кабинет.

– Леша, а знаешь, как меня недавно разыграли? – спросил он, наполняя рюмки.

Поскольку разыграть этого хитрована на моей памяти не удавалось никому и никогда, естественно, я заинтересовался.

– Ты только представь, три месяца назад мы с женой собрались въезжать в новую квартиру. Точнее, новой она была для нас, мы ее купили у одной одинокой женщины, а свою оставили сыну – тот как раз женился. Перед переездом я, как положено, проверил сантехнику, работу электрики, телефона.

– И что? – признаюсь, мне уже хотелось свернуть разговор, мало ли кто куда въезжает – у нас же налито.

Собеседник понял, предложил выпить за старые времена, а закусив, продолжил:

– Так вот ты представляешь, точно помню, что при выходе я дверь закрывал, и когда через день вошел в квартиру, дверь была закрыта, но на подоконнике в кухне лежала рукопись на нашем языке. Я в иностранных ни в зуб копытом, но вот заело – кто и зачем тень на плетень наводит. Слушай, ты на пенсии, один хрен бездельничаешь – посмотри, что это и на фига мне это подбросили. – И он передал сверток размером с очень большую книгу.

Поскольку делать мне действительно было нечего, я согласился, пообещав рассказать о первых результатах недели через три.

Утром, вспомнив разговор, решил посмотреть, что же мне вручили. В свертке оказалось несколько... скорее тетрадей, но каких-то странных, даже фактура бумаги была незнакома. Тетради были исписаны чернилами уверенным твердым почерком, причем по-французски. Только язык какой-то странный, хотя в общем понятный. Примерно так же я в свое время воспринимал белорусский – вроде бы и близко к русскому, и слова знакомые, но чтобы понять – надо постоянно вчитываться, искать аналогии, что с непривычки здорово утомляет.

Возиться с таким текстом было откровенно лень, но поскольку обещал – надо что-то делать. Я позвонил знакомому криминалисту и попросил посмотреть кусок бумаги с надписью и сказать о нем что-нибудь умное. Результат договорились обсудить в пивной, где можно выпить настоящий «Гиннесс».

Через пару недель после получения образца – куска бумаги с текстом, оторванного от последней страницы, криминалист сообщил, что результаты интересные, но говорить о них насухую будет нарушением традиций, потому ждет меня в условленном месте уже сегодня.

В баре после пары общих фраз он перешел к делу.

– Леша, ты где это откопал?

– Ты не согласишься – нашел, а что, это серьезный антиквариат?

– Нет, не надейся. Но штука действительно интересная, – он приложился к кружке, смакуя пиво и, по-моему, издеваясь надо мной. – Значит, слушай. Бумага и чернила сделаны сравнительно недавно, может полгода назад, не дольше.

– Ну и что тут интересного? Тоже мне, великий эксперт Кибрит. Я тебя всегда рад видеть, но чего торопить-то было?

– Леша, ты не дослушал. Сделано все действительно недавно, но по четким средневековым рецептам. Моя оценка – шестнадцатый – семнадцатый век, Европа. И никакой попытки искусственного старения! Ты где такого фальсификатора нашел? Недавно у меня на экспертизе были якобы антикварные бумаги, сделанные группой мошенников, так их два доктора наук консультировали, но все равно идентичности не получилось, а вот искусственное старение – было. А у тебя, если это состарить, точно никто подделки не увидит, гарантирую.

На следующий день я позвонил сослуживцу, чтобы отчитаться о результатах и заодно поинтересоваться продавщицей квартиры – должна же она знать изготовителя этого труда?

Трубку подняла жена и сухим голосом сообщила, что сослуживца я смогу увидеть через два дня на Пехотной улице в шестиграннике. Есть в Москве такое место, где чекисты последний раз встречаются – траурный зал нашего госпиталя.

На поминках рассказал вдове о тетрадах. Она ответила, что ее это не интересует и ими можно распорядиться по моему усмотрению.

От пенсионерского безделья я начал переводить рукопись и незаметно увлекся. Конечно, разумный человек не может воспринимать написанное всерьез. Так, чья-то игра ума. Тем более что даже в переводе рукопись выглядела как набор официальных рапортов и справок, изредка разбавленных размышлениями автора.

Однако в какой-то момент я попробовал представить себя в схожих обстоятельствах. Поступил бы я так же? Вряд ли, но точно знаю людей, которые могли действовать и думать именно так.

Поэтому позволил себе дописать за автора диалоги, смягчить официальный стиль рукописи, привести к нашим единицы измерения, названия месяцев. И предложить вашему вниманию получившийся роман, в котором, конечно, не отразился век, но современный человек изображен довольно верно. Как я надеюсь.

Начало

Боль...

Боль который день. Она стала привычной. Жена добра и предупредительна, только не смотрит в глаза. Мы вместе тридцать лет – я не могу не видеть следы слез. Дочки заходят в комнату, что-то увлеченно говорят, я улыбаюсь мудро и доброжелательно. Надеюсь.

Все ясно. Как было ясно папе в той онкологической клинике. Я понял его тогда. Мои близкие, конечно, не глупее. Они тоже знают, что это конец. Только вряд ли они поверят, что страха нет, а есть спокойствие, даже умиротворенность. Это неожиданно – боль и спокойствие одновременно.

Хотя... В самом деле, прожил долго, хотя и не очень. Не свято, но честь офицера спокойна. Олигархом не стал, но жильем жену и детей обеспечил. В общем, не зря приходил в этот мир.

А что – счастье было, горе было, дело... дело тоже было. Серьезное, мужское, на пределе всех сил и способностей, что подарила тебе природа. Мы не рисковали своими жизнями, хотя не раз приходилось посылать на смертельный риск других. Тех, кто не был нам ничем обязан – просто верил нашим словам, верил нашему делу. Ни в меня, ни в моих друзей никогда не стреляли, но почему тогда почти никто из нас не перешагнул шестидесятилетний рубеж? Что же, если такова плата за счастье делать настоящее дело – мы согласны.

Интересно, если бы в тот осенний день, когда молодого ученого пригласили в отдел кадров и интеллигентный мужчина в сером костюме предложил круто поменять судьбу... если бы тогда он рассказал об этой цене, отказался бы я? Не думаю, скорее сказал бы то же – спасибо.

Тем более что мне как раз и грех жаловаться – шестидесятилетний юбилей был месяц назад, а значит, я все же попал в число счастливиц.

Жаль – ненадолго. Боль... Что-то разорвалось в сердце... Пора?! Господи, прими душу раба твоего! Боже, как же я жизнь люблю!.. Вспышка!!!

Глава I

Не понял. Откуда вонь? Такого даже в уличных сортирах не бывает. И я все еще жив, а боль ушла. Господи, как хорошо. Хрен с ней с вонью, зато можно поспать... Кажется, лежу на каменном полу – очень мягко и удобно.

Снилась домашняя суета – старшая дочь опять собралась замуж, хотя вроде она еще не разводилась?

Проснулся от бьющего в глаза света. Странно, человек, который однозначно умер, оказывается в мрачной комнате с узким незастекленным окном, более всего похожим на бойницу средневекового замка. Это что – чистилище такое? Или сразу ад?

Пол, стены, низкий сводчатый потолок сложены из крупных, едва обработанных серых камней. Из стен и из потолка торчат какие-то ржавые крючья, скобы, петли. Дверь сколочена из грубо струганных досок, почерневших от времени. Пол с уклоном к центру комнаты и в сторону внешней стены, образует желоб, ведущий к отверстию, куда, видимо, должны стекать экскременты. Ключевое слово – должны, потому что не очень к этому стремятся. Отсюда и вонь до головокружения.

И я за ногу к стене прикован! Мать твою... Я же на этой привязи ни до окна, ни до двери добраться не могу.

Только до огромной деревянной кровати, что стоит напротив окна. Высокой, где-то метр от пола, с колоннами и коробом для балдахина. Правда, самого балдахина нет. Деревянные детали покрыты изящной резьбой, отполированы и покрыты лаком. А вместо матраса – тюфяк, набитый сеном, и запах от него...

И до стола. Монументального, сколоченного из толстых досок. Попробовал поднять – бесполезно, его сюда явно богатыри заносили. И никакой другой мебели.

На столе – миска с чем-то жидким. Проверять содержимое нет ни малейшего желания. Рядом кувшин, явно с вином. Рискнул попробовать – а ничего так, весьма.

А ведь и миска, и кувшин – серебряные! Я, конечно, не эксперт, но похоже, очень похоже.

Ничего себе микс. Гибрид выгребной ямы, музея средневековья и... пожалуй, скотобойни? Иначе зачем этот желоб и крючья?

Может, я спятил? Возможно, причем в буйном варианте. В самом деле, что это за дикость – живого человека на цепь сажать, где права пациента! С другой стороны, сюда никто из правозащитников не торопится. Сюда вообще никто не торопится – я проверял. Звал, матерился – без толку.

Или у меня галлюцинация? Интересная такая галлюцинация, приправленная доносящимися из окна криками на, похоже, французском языке.

И еще это поразительное спокойствие! Жизненный опыт подсказывает, что я должен орать отнюдь не благим матом и, наверное, биться об стену, а не анализом своего бреда заниматься. Понял! Эскулапы этой психушки меня аминазином¹ под макушку закачали, а галоперидолом² пожадничали, скряги. Поэтому психоза нет, а бред есть. Красочный такой бред, данный мне в самых разнообразных ощущениях.

Что же, на радость психиатрам продолжим исследование, может, потом кто в диссертации использует. Итак, первый симптом – тело явно не мое. Кожа гладкая, пресс прокачан, щетины на лице не чувствую. Руки и ноги крепкие, суставы не болят.

¹ Аминазин – психотропный препарат, обладающий успокаивающим действием.

² Галоперидол – психотропный препарат, обладающий антигаллюциногенным действием.

Далее, на нас длинная рубаха, именно рубаха, из грубой холстины. Ни ремня, ни веревки, ни тем более нижнего белья и носков. И, кажется, я эту рубаху того, этого, не успел поднять вовремя. Воистину тяжек труд санитара.

В общем, вывод один – я жив, ибо *Cogito, ergo sum*³, как говаривал старина Декарт. Что не может не радовать. Однако где я, что со мной и почему я, собственно, *sum*, понять пока невозможно. А значит, надо держать себя в руках и ждать дополнительной информации. Хотя держать себя в руках в такой ситуации и при таком амбре – задача для упертого йога.

Что же, попробуем ему уподобиться – садимся в позу лотоса и изображаем медитацию. О! Я смог это сделать без труда! Так, энтузиазм ожидания растет. Правда, терпение кончается, но кого это волнует?

Примерно через час, если судить по солнцу, дверь открылась и здоровенный мужик, одетый как средневековый крестьянин на старинных картинах, заменил миску. При этом смотрел на меня как кролик на удава, даже миску оставил на самом краю стола, так что мне до нее едва-едва дотянуться можно. Чем это я бедолагу так напугал, а главное – когда? А ведь его кулаками можно быков валить. Однако все страньше и страньше.

Ближе к вечеру, когда нетерпение стало перерастать в панику, а голод и жажда напрочь убили брезгливость и обоняние, дверь отворилась. Именно отворилась, медленно и торжественно, а в мое узилище вошел вельможа, лет сорока, похожий на героев пьес Лопе де Вега⁴. Светло-оранжевый, богато украшенный вышивкой короткий дублет⁵, разрезные рукава, сквозь которые проглядывает белоснежная рубашка, широкий кружевной воротник и кружевные манжеты, темно-коричневые штаны и светлые узкие сапоги, доходящие до колен. Образ придворного вельможи дополняли темно-русые коротко постриженные волосы, тонкие усы и едва обозначенная борода. А взгляд, а осанка – за его спиной чувствовались многие поколения великих предков. Он даже не вошел – вошествовал! И тут же выскочил как ошпаренный, крича и зажимая нос.

Вторая попытка захода была уже осторожной и, видимо, оттого удачной. Вельможа аккуратно закрыл дверь, прикрыл нос платком и внимательно посмотрел на меня. Между нами возникло облачко желтого прозрачного тумана. Ни запаха, ни тепла, ни холода – ничего от него не исходило. Хотя определить здесь запах...

– Здравствуйте, – обратился он. Точнее, его слова возникли у меня в голове, вслух же не было произнесено ни звука. Так, галлюцинации нарастают, срочно нужны санитары! А с другой стороны, любопытно, чем этот глюк кончится – раньше никогда с ума не сходил – какой интересный опыт.

А в голове опять зазвучало:

– Судя по вашему виду, вы впервые столкнулись с мыслеречью. Но вы понимаете меня? Если да – кивните.

Ну что делать – кивнул, жалко что ли.

– Хорошо, тогда продолжим. Если хотите что-то сказать – скажите мысленно или вслух на родном языке – я пойму.

– Не сказать, а спросить. Где я, кто вы и что вообще здесь происходит? Согласитесь – вопросы естественные.

– Разумеется, и я постараюсь на них подробно ответить. Только давайте договоримся, вы выслушаете меня спокойно, по возможности без эмоций и резких движений.

³ *Cogito, ergo sum* – Мыслю, следовательно существую, – философское утверждение Рене Декарта, фундаментальный элемент западного рационализма Нового времени.

⁴ *Lope de Vega* – испанский драматург, поэт и прозаик, 1562–1635. Наиболее известные в России пьесы – «Учитель танцев», «Собака на сене».

⁵ *Дублет* – мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе в XIV–XVII веках. Это был первый образец одежды, который плотно сидел на теле. Первые дублеты были до середины бедра, позже они стали укорачиваться.

– Отсутствие эмоций гарантировать не могу. Зато насчет резких движений можете не волноваться – на такой цепи только лаять можно. И то осторожно, чтобы не побили.

– О цепи поговорим потом – вначале о главном. Вы сейчас в другом мире, отныне и навсегда.

А вот после этих слов мне стало плохо. Очень плохо. Красивый, однако, выбор между сумасшествием, хорошим таким, уверенным, и тем, что я «услышал».

На автомате подошел к столу и от души приложился к кувшину. Вино вернуло способность думать. Ну, или галлюцинировать – потом разберусь в терминах. В любом случае сейчас нужна информация.

– Какой другой мир? Другая галактика? Вселенная? Бред! Объясните!

– Но для того чтобы я смог объяснить произошедшее понятными для вас образами, прошу вспомнить о ваших представлениях о мире и мироздании.

– А разве вы не читаете мысли?

Вельможа грустно усмехнулся:

– Увы, только те, которые вы сами желаете до меня донести и ясно формулируете. Но даже это забирает массу сил, потом их придется долго восстанавливать. Так что, если не хотите просидеть здесь еще дней десять-пятнадцать, постарайтесь мыслить максимально четко, кратко и информативно.

– Мироздание, максимально, информативно – какие интересные слова. Вы философ, астроном или все же психиатр?

– Я тот, кто пытается вам помочь. Только последнее уже я не понял. Мы с вами сейчас воспринимаем не слова друг друга, а образы, которые уже сами облекаем в понятную нам речь. Я не знаю, какими словами ваше сознание определяет мои мысли. Поэтому не отвлекайтесь, делайте то, что вам говорят.

Легко ему «сказать». Ну вот как можно ясно и кратко сформулировать теорию мироздания, причем экспромтом? С другой стороны – придется, тем более что обстановка весьма способствует и пробуждает энтузиазм.

Желание поскорее покинуть это узилище, по-видимому, родило во мне талант астронома-популяризатора. Представил себе земной шар, Луну, Солнечную систему, в общих чертах Вселенную, оперируя остатками знаний, полученных в школе и институте.

Мне было видно, как явно сгущается туман между нами, а собеседник заметно устает. Надеюсь, остановиться удалось вовремя.

– Да, тяжелая это работа, – мысленно произнес вельможа. Туман вновь стал прозрачным.

– Извините, а вот такая беседа, как сейчас, много сил у вас занимает?

– Нет, только восприятие образов, а беседовать я могу долго, но вот находиться в ваших хоромах – нет. Так что просто слушайте. Как я понял, ваши ученые рассматривают Вселенную как бесконечное непрерывное трехмерное пространство. Возможно, это и близко к реальности, но предупреждаю на будущее: никогда, ни при каких обстоятельствах, никому не рассказывайте то, что показали мне. Был тут один, утверждал, что материальный мир бесконечен. Сожгли его, – вельможа скривился, видимо вспомнил эту процедуру, – но вот то, что наш мир не единственный, мы знаем. Более того, не единственный, где обитают люди.

Совсем беда. Если он сейчас скажет, что их космические корабли запросто бороздят просторы Вселенной, разговор надо заканчивать. Есть вещи, которых не может быть, потому что не может быть никогда. Это я твердо знаю – учился, блин.

Однако мой визави продолжил:

– Я вижу, вы мне не верите. А знаете, в чем главное отличие наших миров? В нашем имеется такое явление – магия.

– Магия?! У нас это слово обозначает выдуманную отдельными фантазерами способность людей изменять материальный мир без материального воздействия, как они представ-

ляют – силой мысли. Никаких доказательств ее существования никогда не поступало. Ну, кроме свидетельств о божественных деяниях, но это, видимо, тема другого разговора.

– Действительно, оставим богов в стороне, поговорим о реальности. Вот прямо сейчас мы разговариваем. Мы понимаем друг друга, не произнося звуков.

– Это меня и пугает. Слишком похоже на сумасшествие.

– Возможно, но попробуйте допустить, что вы здоровы. Хуже от этого точно не будет.

– Ладно, примем как гипотезу. Тогда – что такое магия и, все же, главное – что со мной и где я?! – Черт возьми, послать бы его по всем матерям – вот полегчало бы! Жаль, не поймет. Или поймет, не дай бог...

А вельможа вежлив безукоризненно. Издевается, гад.

– О природе магии мы и сами ничего не знаем. Однако некоторые люди могут видеть ее проявления и заставлять ее работать. Как вы говорите – воздействовать на материальный мир. Вы, кстати, ничего странного не наблюдаете?

– Ну, вижу как будто желтое облако между нами.

– Отлично, заклинание сработало как надо! Но об этом потом – сейчас о вас, – вельможа с энтузиазмом потер руки. – Те люди, которые могут работать с магией, а я, как вы понимаете, тоже к ним отношусь, составляют элиту нашего общества и имеют преимущественные права перед другими людьми. Один из нас – барон де Безье, владелец этого замка и прилегающих земель.

– Замок – это хорошо, я думал – больница для умалишенных или, на худой конец, тюрьма.

– Можем поменять, если будете перебивать. Итак, у барона жена, два сына и две дочери. Старший – наследник, надежда и опора, недавно получил тяжелую травму головы, повредился умом и вчера должен был умереть. В принципе, на правах друга семьи, скажу, что скотина он был преизрядная, ну да подробности вы еще узнаете. Однако именно таких почему-то безумно любят матери. Дошло до того, что баронесса буквально сама оказалась на пороге смерти. Кончина сына, скорее всего, свела бы в могилу и ее. Вот, собственно, и причина, по которой я, по просьбе барона, провел ритуал Замены личности. В момент смерти сына я вызвал из параллельного мира душу другого умирающего, как оказалось, вашу, и вселил ее в тело юного барона.

– Вы Бог?

– Не богохульствуйте, – даже в мысленном «голосе» собеседника прозвучало раздражение – ритуал Замены – сложная, но реальная медицинская операция, не имеющая ничего общего с божественным провидением.

– Но если этот сын был безумен – значит, и я сумасшедший! Какие бы души ни менялись – поврежденные нейроны мозга остались поврежденными. Я просто физически не смог бы думать.

– Повреждены что?

– Нейроны, клетки, из которых состоит мозг.

– Мозг состоит из клеток? Хм... Никогда не слышал. Надо будет этим заняться – возможно, вы и правы. Потому что при Замене вначале излечивается тело. Излечивается полностью. Только потом исчезает личность.

– Что?! Парень излечился?! А потом умер, находясь в сознании и понимая, что происходит?! – Господи, что же он пережил! Наверное, то же, что и пассажиры падающего лайнера – понимание неизбежности конца и абсолютное бессилие. Не дай бог такого!

– Он был в полном сознании. Он понял, что происходит, и принял свою судьбу как мужчина – только со мной попрощался, если вас интересуют подробности. Начавшийся ритуал Замены не может быть ни прерван, ни отменен. Да, еще передал привет вам.

– Мне?

– Точнее, он попросил того, кто его заменит, прожить хорошую жизнь. За него.

– И это скотина преизрядная?! Я правильно понял?

– Да, именно так. Умирал другим человеком, только ритуал уже был запущен. Я ничего не мог изменить. Хотите поёрничать?

– Нет. Хочу понять его отца. Знать, что твой ребенок не просто умрет, а умрет в полном сознании, как приговоренный... Как он решился на такое? Как вообще человек может на это решиться? Он вообще – человек?

– Человек, уверяю вас. Просто о сути Замены личности мало кто знает. Только те, кто умеет с этим заклятием работать. Барон и сейчас не узнал – все время ритуала мы были с Жаном вдвоем. Этот грех я полностью принял на себя. Теперь вот и с вами разделил. Вы хотите, чтобы все это оказалось напрасным? Если нет – я продолжу.

– Извините, я вас внимательно слушаю.

– Тогда продолжаю. Одним из граничных условий вызова была способность к магии – именно поэтому вы видите стоящий между нами туман. Так у вас визуализируется магическая составляющая нашей беседы. (Круто завернул! Это он так «сказал» или я так «услышал»?) Кроме этого, требовалась психологическая гибкость, устойчивость и способность к адаптации при радикальном изменении обстановки. Раз вы до сих пор не свихнулись, беседуете со мной и даже пытались язвить, значит и с этим у вас неплохо. Еще одним требованием было непреклонное следование законам чести и развитое чувство благодарности. К сожалению, соблюдение этих условий мы сейчас проверить не можем – остается только надеяться, что и здесь я ничего не напутал.

Да, если бы я под этот портрет подходил, с меня бы иконы писали. Интересно, он сам таких встречал? Но перебивать больше не буду, а то застряну в этих апартаментах еще на пару недель, если вообще не навсегда. Не хочу.

– Далее, – с видом профессора на университетской лекции продолжил вельможа, – ритуал Замены не является преступлением, просто потому что проводился последний раз лет сто назад – слишком сложен, опасен и, соответственно, дорог. Запрет просто забыли наложить. Да и не особо он нужен – желающих и так нет. О главном я вам рассказал. Кроме того, никогда не знаешь, кто придет на вызов. Бывали, знаете ли, случаи, когда вместо порядочных людей получали таких мерзавцев и смутьянов, что ими до сих пор детей пугают. Например, последний призванный попытался вырезать свою новую семью – захотелось ему стать единственным наследником. Слава богу, вовремя остановили. Поэтому, хотя формального запрета нет, но Замена властью и церковью сильно не приветствуется и в наших общих интересах сохранить произошедшее в тайне. Кстати, и призванного и вызвавшего мага сожгли заживо, так сказать в назидание. Заказчика не тронули – его этот путешественник по мирам убил первым. Так что без обид, но если в дурь попрете – костер вам раем покажется. Поверьте, я умею, мне положено.

С этими словами господин взялся за ручку двери, и, уходя, добавил:

– Ну вот пока и все. Обдумайте то, что я сказал, а завтра продолжим наш разговор.

– Эй, подождите, а что-то можно сделать с обстановкой – хотя бы грязь убрать и снять цепь?!

– Три дня назад юный барон убил убиравшегося здесь слугу. Других добровольцев пока не нашли.

– А какой сейчас год и в какой мы стране?

– 1615 от Рождества Спасителя, а страна – Галлия, которой правят юный король Эдмонд IV и регентствующая до его совершеннолетия королева-мать Екатерина, – «сказал» вельможа и вышел за дверь. Я услышал звук запирающегося замка.

Глава II

М-да... Подумать действительно было о чем.

Если это все же не бред, а я не желаю, чтобы это был бред, то в своем мире я умер. Окончательно и бесповоротно. Однако эту мысль надо не только сформулировать, но и принять. А вот с этим плохо. Как можно представить, что никогда не увидишь жену, дочерей? Потерять их сразу, навсегда. Господи, дай нам встретиться хотя бы в снах!

Мысли путались, признание случившегося и одновременно недоверие к собственному сознанию смешались в совершенно безумный клубок. Горе потерь и счастье жизни, надежда и безнадежность, все сразу. Я перестал ощущать себя, время. Лишь отстраненно отмечал, как за окном сгустились сумерки, наступила ночь.

Однако так распускаться недопустимо! В конце концов, из меня когда-то готовили ученого. Не получилось, но какие-то знания остались! Так что попробуем осознать и исследовать ситуацию.

Для начала примем рабочую гипотезу. Предполагать, что я спятил, неинтересно, с этим всегда успеется. Значит, будем считать, что я действительно в другом мире. Тогда раскисать нельзя никак. Тем более что мои близкие в любом случае сейчас живы и здоровы.

А вот мне, если гипотеза верна, выпал невероятный, безумный шанс прожить еще одну жизнь. Долгую или короткую, счастливую или несчастную, но ЖИЗНЬ! А такой подарок заслуживает только благодарности, какой бы ни была цена. Впрочем, в рамках той же гипотезы, цена определена. Жизнь несчастного мальчишки. И его пожелание... нет, требование, приказ.

Прожить хорошую жизнь. Что он имел в виду? Веселую, полную удовольствий? Не думаю. Тогда что? Боюсь, отвечать на этот вопрос я буду до конца этой новой жизни. Потому что когда мы встретимся там, наверху, мне придется отчитаться. И у меня должны быть аргументы.

А чтобы они были, надо войти в этот мир. И, для начала, узнать хотя бы свой возраст. Судя по ощущениям и отсутствию щетины на лице, мне лет тринадцать – четырнадцать.

Дальше, какие у де Безье планы, как он их собирается реализовать и как к ним относиться? Ведь не мог же барон заварить такую кашу, не имея вообще никакого плана?

Ну и, в конце концов, надо просто дождаться следующего визита этого мага. Кстати, а кто он? По крайней мере, его заявление об умении и обязанности делать бо-бо как-то напрягло – он что – палач? Нет, я-то ему все равно благодарен, но базар надо фильтровать тщательно, а то применит сгоряча какой-нибудь круциатус, или как там у Волан-де-Морта? Так что сидим тихо, как мышь под веником, и ждем развития сюжета.

А чтобы дожить до волнующей встречи, надо бы подкрепиться и не сблевать – что там в миске? Оказалось, молоко и хлеб, правда, изрядно размокший. Ну да чай не графья. Бароны. Обалдеть!

А что известно о баронах семнадцатого века? В Европе – низшая ступень титулованной аристократии, владеющая тем не менее собственными землями. Помнится, Портос мечтал стать бароном, иметь карету с гербом. И во исполнение этой мечты кучу народа поубивал. А мне все это приплыло в руки задаром, а где бывает бесплатный сыр? То-то.

Хм, а ведь Безье – это что-то знакомое, кажется, есть такой городишко и в нашем мире, где-то я о нем читал. Ну да ладно, потом вспомню.

После таких размышлений я уснул. Спасибо молодому организму – все-таки юность неприхотлива.

Утром в камеру вошли вельможа-маг и мужчина также лет сорока, черноволосый, с серебром на висках. Маленькая испанская бородка, какие носили во времена позднего Возрождения, придавала ему вид не столько величественный, сколько театральный. Эдакий клас-

сический дворянин из спектакля или даже оперетты. Одет примерно как и маг, но предпочитает скромные черно-коричневые тона. Видимо, это и был мой новый отец – барон де Безье.

Выглядел он, мягко говоря, не бодро. Лицо осунувшееся, круги под глазами, явно провел не одну бессонную ночь. В глазах настоящий страх, и, пожалуй, страх естественный. Вот как можно заговорить с сыном, зная, что на самом деле это совершенно другой, незнакомый тебе человек? Действительно страшно.

Маг создал между нами уже знакомое желтое облако и демонстративно отошел в сторону.

Я ограничился вежливым кивком головы. В такой ситуации чем меньше говоришь и действуешь – тем легче собеседнику. А допустить его до нервного срыва нельзя – второго разговора может и не быть.

После длительной паузы я «услышал»:

– Кто ты?

Интересно, и как я должен отвечать? Но надо быть вежливым и очень пушистым. Во избежание.

– Что вас интересует? Мое имя, моя профессия, моя семья?

– Титул и профессия.

Интересно, и что я должен ответить? Здесь физик может означать колдун, а чекист – вообще неизвестно что. Пожалуй, лучше опустить подробности.

– Титулы у нас не приняты, имел воинское звание – полковник. Профессия – полицейский.

При последнем слове лицо барона скривилось.

– Полицейские, – «сказал», как выплюнул, – не имеют званий, как и не имеют чести.

– В той полиции, где служил я, они имели именно воинские звания и воинские же понятия офицерской чести. Полиция – она разной бывает. И отношение к ней – разным.

– Ладно, в полковники чернь не выходит, – ворчливо «сказал» де Безье. – Что собираетесь делать здесь?

Оп-па, приплыли. Он что, действительно ни о чем не думал, когда на ритуал соглашался? Я что теперь, должен объяснять ему, какой он идиот? Притащить в свой дом незнакомому человеку, не зная заранее, что с ним здесь делать – это как называется?

Впрочем, маг говорил, что у барона жена была при смерти – может, поэтому у него крышу снесло? Попробуем танцевать от этой печки.

– Как здоровье вашей супруги?

У де Безье потеплел взгляд.

– Слава богу, лучше. Когда ей сказали, что сын... – он явно споткнулся на этом слове, – будет жить, она заснула впервые за неделю.

– Знаете, барон, я так понял, что своей жизнью я обязан именно баронессе. Просто иначе вы никогда бы не пошли на ритуал Замены. Так?

– Да.

– Поэтому предлагаю считать главной задачей на сегодня ее скорейшее выздоровление, остальные вопросы полагать второстепенными. Их мы сможем обсудить позже, когда хоть немного друг к другу привыкнем. Я сам отец, представляю, как тяжело вам. Поверьте, мне ненамного легче. Поэтому давайте сейчас сосредоточимся на помощи баронессе.

В лице барона появилась заинтересованность. Это уже хорошо, но теперь надо перед ним четко сформулировать цель и обозначить пути ее достижения. Тогда о наших отношениях он и думать будет меньше. Главное, чтобы он воспринял меня как партнера, в идеале – соратника. Это, пожалуй, единственная возможность выстроить отношения, перестать быть даже не бельмом в глазу, а вечным упреком, от которого любому нормальному человеку так хочется избавиться.

– Для начала, господа, я приношу извинения, если в разговоре с вами нарушаю этикет. Например, я даже не знаю, как правильно обращаться – барон или господин барон и можно ли ограничиваться титулом.

Затем повернулся к магу.

– А как следует обращаться к вам? К сожалению, вчера я не догадался задать этот вопрос – был слишком растерян.

Тот ободряюще улыбнулся. А хорошая у него улыбка, открытая.

– Ничего страшного, я могу представить ваше состояние тогда, да, наверное, и сейчас. Позвольте представиться – виконт Транкавель, личный врач регентствующей королевы-матери Екатерины. Можете обращаться «господин виконт». Кстати, и обращение «господин барон» будет предпочтительней.

– Что ж, господа, я так понял, что своего плана разрешения создавшейся ситуации вы пока не имеете – я прав?

– У нас просто не было времени на его составление – все надо было делать очень быстро, – явно смутившись, ответил виконт. Ага, некогда – да я здесь уже два дня нахожусь. Все можно было обдумать при желании, а вот с ним-то, вероятно, и проблемы, с желанием. Один и так сотворил почти запрещенный ритуал и дополнительной ответственности брать на себя явно не желает. Другой же не отошел от шока и, следовательно, найти более-менее реальное решение попросту не в состоянии.

Ну что же, уважаемые феодалы, попробую предложить вам свой опыт. Делаем задумчивое лицо, берем мхатовскую паузу и...

– В любом случае, господа, мы все заинтересованы в том, чтобы не только баронесса, но и окружающие не заметили произошедшей Замены. Тогда прошу рассказать подробнее, что на самом деле произошло и почему мы разговариваем здесь? – я рукой указал на окружающую обстановку.

Ответил мне Транкавель.

– Юный барон получил тяжелое сотрясение мозга после падения с лошади. Сутки находился без сознания, затем очнулся, но вот с сознанием... Простите, барон, но я действительно должен ему это рассказать. Юноша потерял рассудок. Он даже говорить перестал, рычал, как зверь. Вы помните, я сказал, что он убил слугу? Так вот, он перегрыз ему горло! Перестал пользоваться туалетом, ну это вы и сами видите. Семья не могла позволить, чтобы об этом стало известно, пришлось перевести его сюда.

– А почему сюда? Что это за комната?

– Сами не догадались, полицейский? Это пыточная.

– Какая богатая пыточная! Бедолаг что, на полированном столе разделяют? Или на этом тюфяке к кровати привязывают? Лично я от его вони уже готов во всем признаться.

– Это вы сейчас пошутили? – великолепно заломив бровь, спросил виконт.

– Извините, нервы.

– Не понял? Наверное, естественное волнение? Тогда ладно, тогда продолжим. Юного барона поселили здесь потому, что это единственная комната, где есть такой желоб, – он указал на пол, – по которому можно хоть как-то поддерживать хоть какую-то чистоту. И обезопасить его здесь было проще, есть к чему-нибудь приковать. Слугам сказали, что барон болен и в этой комнате его легче лечить.

Так, исходная диспозиция понятна.

– И давно вы начали его лечить?

– Я только позавчера приехал, осмотрел пациента и сразу провел ритуал Замены – ждать было невозможно.

– Господин виконт, что вы сказали баронессе о его состоянии?

– Только то, что Жан будет жить, а остальное в руках Божьих.

Что же, тут особой фантазии не требуется, можно вывернуться.

– Скажите, а приходилось ли вам сталкиваться со случаями полной потери памяти и ее последующего восстановления?

– Потеря памяти при травмах, даже полная, явление не столь редкое, но вот полное восстановление... Я о таком не слышал. Впрочем, здесь как повезет – теоретически все возможно. Однако, идея мне нравится – не вызовет у баронессы вопросов, подарит надежду! А по мере исполнения надежды, она будет поправляться, – Транкавеля явно охватил энтузиазм. – Как, барон, согласны? И семейные тайны наружу не выйдут, и для вашей жены это реальная возможность выздоровления.

– Надеюсь, что вы правы, виконт. Я, безусловно, доверяю вашему опыту и знаниям, я надеюсь, что этот полицейский сумеет вывернуться, но ведь главное – чтобы она поверила. Вот я-то теперь что должен делать?

– Делать будем вместе. Сейчас мы с вами идем к баронессе и сообщаем, что ее старший сын, к сожалению, потерял память. Вплоть до того, что разучился говорить. К счастью, этот недуг мне знаком, как его лечить я знаю. Кроме того, юный барон перестал быть опасным и его можно положить на нормальную кровать в нормальном помещении. А вы, юноша – да-да, привыкайте, полковник, молодой человек Жан Огюст барон де Безье четырнадцати лет от роду, вы должны сыграть полную потерю памяти. И сделать это лучше ведущих актеров королевского театра Галлии – сможете?

– Обязан, куда деваться. Только позвольте две просьбы. Во-первых, мне необходимо помыться, поскольку терпеть последствия этого, – я показал рукой на обстановку в камере, – выше моих сил. Во-вторых, вероятно, баронесса захочет меня увидеть. Господин барон, я прошу, чтобы вы при этом держали ее за руку, я ни в коем случае не должен ошибиться. Кстати, как правильно сын обращается к матери? Случаем не «таман»? – слово я произнес вслух.

В ответ виконт также вслух задал какой-то вопрос. Понять бы еще какой...

– Увы, – это я уже мысленно, – на сегодня «таман» – предел моих возможностей.

– Что ж, это ваши трудности и вам придется их преодолеть. Да, и «таман» будет правильно, – сказал Транкавель, явно заканчивая разговор.

– Последний вопрос – в какой местности находится Безье?

– В Окситании, – ответил виконт, после чего убрал стоявший между нами желтый туман и они с бароном вышли из камеры.

Вспомнил! Я читал о Безье. В моем мире это юг Франции, провинция Лангедок. Город был разрушен крестоносцами в самом начале крестового похода против альбигойской ереси. Были убиты тысячи жителей, кровь лилась рекой. Но в книге упоминалось виконтство Безье, которое впоследствии перешло под власть короны. А здесь, значит, бароны де Безье? В общем, вопросов море, но сейчас не до них. Делаем благодное лицо идиота, садимся на пол, где почище, и ждем санитаров.

Через какое-то время в камеру вошли трое верзил, явно перебарывая свой страх. Двое крепко взяли меня под руки, а третий, видимо кузнец, снял цепь. Затем отвели во двор, раздели и засунули в бочку с теплой водой. Слава богу, смог потереть себя руками – хоть как-то смыть грязь и вонь.

После купания меня одели в белоснежные штаны и рубашку, отвели наверх в небольшую, но светлую комнату с незастекленными окнами и уложили в широкую кровать, застеленную чистым бельем. Красота! По-моему, я сразу уснул.

Проснулся от того, что в комнату вошли. К счастью, хватило выдержки не сразу открыть глаза. Взял себя в руки, вспомнил ситуацию, сделал наивно-глупое лицо и только потом взглянул на вошедших. У кровати стояли барон и бледная осунувшаяся женщина, которую он держал за руку. Ясно – мама. Улыбаюсь.

– Маман?

Счастливого «АХ!», обморок, занавес! Баронессу уносят, барон уходит, даже не взглянув в мою сторону.

Разговор, которого Жан не слышал

Вечером в гостиной донжона за большим кувшином вина сидели барон де Безье и виконт Транкавель. К вину прилагался огромный кусок вареной телятины, жаркое из голубей и три чашки с различными соусами. Следуя строгим требованиям утонченного этикета, знатные господа лихо отрезали куски мяса и птицы своими кинжалами, руками макали их в понравившийся соус и отправляли в рот. Никто из них ни разу не схватился за мясо двумя руками, что свидетельствовало о высокой культуре участников трапезы.

Июньское солнце еще не зашло за горизонт, мягкий свет, заполнивший комнату, располагал к мирной, спокойной беседе.

– В интересную историю вы умудрились меня втравить, дорогой барон! Я с уважением отношусь к вашей супруге и заплаченным вами деньгам, но что мы будем делать дальше? Когда я соглашался на эту авантюру, да, мой друг, именно авантюру, я представить себе не мог, что вы даже не пытались составить какой-либо план на будущее!

– Шарль, ради нашей дружбы, прекрати выкать. Я и так чувствую себя идиотом. Ну да, туго у меня было с головой. Но ты сам представь – у меня одновременно умирали Жан и жена. Каким бы мерзавцем ни был Жан – но он же мой сын, наследник. Сколько сил я потратил, пытаюсь сделать из него дворянина и будущего главу семьи. Да, он постоянно издевался над братом и сестрами, мог без повода избить любого встречного человека, о его необузданной страсти к женщинам и даже мальчикам мне рассказывали совершенно отвратительные вещи, которые и повторять-то противно. Но ведь он был моим сыном! А баронесса в нем вообще души не чаяла, никаким рассказам о его художествах не верила.

Барон безнадежно махнул рукой, залпом допил вино из своего кубка и продолжил:

– А знаешь, отец Гюстав рассказал мне буквально за день до трагического случая, что принял исповедь сына, которая, вероятно, впервые была искренней и горячеей. Жан на Библии поклялся впредь жить по заповедям Божиим и законам рыцарства. Вроде как явился к нему сам дьявол и стал искушать отречься от Истинной веры. Не знаю, кто его и как искушал, но парень, казалось, действительно изменился, ты представляешь, как после этой вести мы с женой были счастливы? И тут сразу это нелепое падение с лошади! Вот как лучший из известных мне наездников на ровной дороге мог упасть с лошади, да еще и разбить голову о единственный придорожный камень в долине? Я не верю в несчастный случай, но и других объяснений у меня нет.

– Дьявол, искушать? Очень интересно. Ты не рассказывал мне этого, а здесь ведь есть о чем подумать. Можешь узнать подробности у святого отца?

– Даже пытаться не буду, он и так рассказал много – тайна исповеди, сам понимаешь, – барон огорченно развел руками.

– Понимаю, но тебе же надо понять, что случилось с Жаном, а эти события могут быть связаны. Идея! Пусть это выяснит наш знакомый! – воскликнул Транкавель. – Он все-таки имеет право знать о своих покаяниях, тем более об искушении дьяволом.

– Ну, это в любом случае произойдет не скоро – когда он еще язык выучит.

– Лучше уж поздно. И все же жаль, что я не знал этого раньше.

– Когда бы я рассказал? Не до того мне было. И тут еще беда с супругой! Ты помнишь, что нас повенчали, когда ей было 13 лет? Меня даже на свадьбе не было – я попал в плен к островитянам и ждал выкупа. В обряде венчания вместо меня участвовал твой же брат⁶. Впервые я увидел ее только через два года после свадьбы и влюбился так, как не описано ни

⁶ Обычай, реально существовавший в Испании и на юге Франции.

в одном романе! Я оставил королевскую службу, чтобы служить только ей, заработал денег и даже смог приобрести замок и поместье, и именно для нее. И вдруг она умирает от горя, а я ничем не могу помочь! Что толку от моих денег, если на все свои богатства я не могу купить хотя бы одну ее улыбку? Вот единственное, о чем я думал, когда обращался к тебе за помощью! Какие еще проблемы, какие трудности?! Сегодня она впервые за много дней уснула и улыбалась во сне, а значит, все уже было не зря!

– Я понимаю, – успокаивающе сказал Транкавель, – но поскольку все уже сделано, и сделано, надо сказать, неплохо, давай все же вспомним, что мы мужчины и дворяне, и нам не пристало пускать дела на самотек.

Виконт встал и энергично зашагал по гостиной, как часто поступают люди, ухватившие интересную мысль, но еще не сформулировавшие ее окончательно.

– Давай посмотрим, что получилось в результате. В образе Жана мы получили взрослого, битого жизнью человека, который смог чего-то добиться в прошлой жизни. Именно битого, другие в полиции полковниками не становятся. Причем, похоже, в его мире эта организация отличается от того сборища трусов, интриганов и взяточников, которое называем полицией мы. А значит, его знания могут оказаться весьма полезными для Галлии. Строго между нами – по поручению королевы-матери я раз в неделю беседую с юным королем о государственном устройстве страны. Его величество имеет горячее желание взять власть в свои руки, что при его энтузиазме неминуемо повлечет перекройку всех государственных институтов, в том числе, думаю, и полиции. И уж тут тот, кто сможет предложить монарху-реформатору опыт нашего гостя, сможет сделать неплохую карьеру. А совершеннолетие короля уже через четыре года. Смекаешь, к чему я?

– Ты ведь знаешь, что меня не интересует столичная жизнь, мне вполне хватает дел и доходов в Безье. Но по дружбе и из чувства благодарности я помогу, чем смогу. Через два года я отправлю его учиться в Клиссон. Он, конечно, вряд ли поступит, но там ты сможешь взять его под свою опеку. А дальше все будет зависеть от тебя.

– Это достойный подарок! Ты действительно ничего не хочешь взамен? – спросил Транкавель, хитро прищурившись. – Тебе никогда не удавалась роль наивного провинциала – для этого ты слишком богат.

– Удавалась, и еще как! Если бы ты знал, сколько выгодных сделок я заключил благодаря ей, сколько денег заработал, – барон мечтательно улыбнулся. – Только ты на нее не клоешь. Ну и ладно. Действительно, я жду от тебя ответной услуги. Мне необходим достойный повод для лишения его наследства. И я рассчитываю получить его в течение ближайших трех-четырех лет – сможешь?

– Постараюсь, во всяком случае, приложу к этому все силы. Только подробно пиши мне о его жизни здесь и заранее предупреди, когда он выедет в Клиссон. Прежде всего, меня будут интересовать его сильные и слабые стороны, увлечения и привязанности – только обладая этими знаниями, я смогу с ним чего-то добиться.

– Договорились! Теперь я спокоен – все, за что ты берешься, получается! И почему мы до сих пор трезвы? Эй, кто там, еще кувшин вина!!!

Отступление автора

Среди доставшихся мне тетрадей одна полностью оказалась посвящена описанию мира, в который попал наш герой. С тщательностью, достойной истинного ученого или дотошного следователя, в ней описывались география и история; оружие, технологии и финансовая система; господствующие религии и традиции. Вся эта информация, вероятно, чрезвычайно интересна исследователям, но безумно скучна для читателя.

Однако я счел необходимым привести из нее хотя бы краткие выдержки, без которых трудно понять логику последующих событий. Итак...

Глава III

Вот таким образом я и оказался в волшебном мире, очень похожем на наш XVII век – великий век хитроумных властителей и коварных заговорщиков, прекрасных авантюристок и лихих мушкетеров.

Физическая, да и политическая карты здесь практически совпадают с нашими. Галлия примерно соответствует Франции, на западе Кастилия, на севере Великая Островная Империя (по сути, Англия), на юго-востоке множество городов-государств на территории нашей Италии, крупнейшим из которых является граничащее с Галлией герцогство Савойя. На северо-востоке – находящаяся под властью Кастилии Фландрия и самостоятельная Зеландия, примерно в границах наших Нидерландов, на востоке Союз вольных городов соответствует нашей Швейцарии.

Разумеется, наличие магии оказало свое влияние. Много в этой истории совпадало с нашей, но были и важные отличия, прежде всего, именно из-за наличия магии. Причем все остальные законы природы здесь, похоже, действуют. В том числе и закон сохранения энергии. Когда маг колдует, он использует свои силы. Если переборщит – может получить полное истощение организма, вплоть до летального исхода. Есть возможность накапливать энергию в амулетах, но создавать их могут только сверходаренные маги, которых на всю страну единицы. Так что обычному дворянину колдовство в бою поможет, но не сильно. С десятком подготовленных бойцов он все равно не справится.

Тем не менее, как и у нас в Европе, дворянство изначально формировалось из лучших воинов, которыми, разумеется, становились маги. При этом в бесчисленных сражениях произошел естественный отбор. В боях выживали сильнейшие. Они же и получали земли, титулы, все как у людей. Видимо, поэтому и история аналогична.

Как и в нашем мире, была длительная война с Островной Империей за Галльский престол. Поколениями друг друга резали. Страну разорили до руин. И после славной победы король этого кладбища Эдмонд II Победитель решил, что хватит экспериментов с престолонаследием. А то еще чернь какой бунт учудит, или родственники заговорами начнут баловаться. Тем более что и сам он был могучим магом, и служили ему в тот момент три сильнейших мага этого мира – так повезло. Потому вскоре после колесования очередного амбициозного родича собрал король этих троих магов и сотворили они великое колдунство. Как уж это получилось, сейчас никто и не знает, как говорится, секрет утерян, но была создана уникальная система защиты галльских королев.

Теперь их нельзя было убить. Никак. Они могли умереть от болезни, погибнуть в результате несчастного случая, от шальной пули. Но вот от умышленных действий – нет. Было два покушения, но душегубы упали мертвыми, как только схватились один за кинжал, другой за яд. И одновременно с ними представилось несколько потенциально заинтересованных лиц, в том числе и весьма родовитых. Народ ситуацию оценил, выводы сделал.

И обеспечивали безопасность королев те самые три мага и их потомки.

Соответственно, эти Хранители, как их здесь называют, являются по сей день виднейшими лицами королевства, герцогами, с колоссальным авторитетом и влиянием. Но опять же, непосредственно участвовать в политической жизни страны они не могут. Собственно, и земли у них, что называется, в кормлении. Деньги и титулы Хранители имеют, но фактически руководят назначаемые королем комиссары. Оно и понятно – эти герцогства ранее находились в прямом королевском владении и разорение их по бюджету двора ударит немилосердно.

Конечно, авторитет Хранителей столь велик, что суды фактически повторяют их пожелания, да и в Парламенте – да, есть в Галлии и такое чудо! – им буквально в рот смотрят. Но формально все выглядит пристойно, можно сказать демократично.

И только у этих Хранителей магические способности могут передаваться и дочерям.

У всех остальных способность к магии передается исключительно по мужской линии. Но только в том случае, если мать – дочь магов. Чуть чужая кровь затесалась – все, никакой магии у ребенка.

Почему это так – никто не знает. Я думаю, что ген магии рецессивный. Поэтому редко, но рождаются маги и у простых людей – законы генетики никто не отменял. Но это только мое предположение.

Вообще, магию изучать пробуют – но результат нулевой. Все умения получены методом научного тыка. Вроде все дворяне видят проявления магии, как я видел туман, возникший между мной и Транкавелем. Кто-то лучше, кто-то хуже, но предложить более-менее внятную гипотезу природы колдовства пока никто не смог. Непонятно, от чего отталкиваться, поэтому просто заучивают: делай так – получишь это. Даже меня научили магией камни бросать и огонь зажигать, правда, на этом мои успехи и закончились.

Теперь о баронстве Безье. Замок – монументальное сооружение на крутом берегу реки Орб, находится примерно в километре от города. Построенный по всем законам фортификации, он производит впечатление мрачной неприступной твердыни. Постоянно в нем находятся лишь дружина, для которой построена отдельная казарма, и несколько слуг – остальные живут в городе.

Внутри крепости высится просторный четырехэтажный донжон, наверху которого и проживает семья де Безье.

Когда-то люди селились около замка, надеясь на защиту его стен. Но примерно за триста лет до моего появления сеньоры Безье, кстати Транкавели, поддержали Окситанского герцога, объявившего себя независимым и от Галлии, и от Святой церкви, что было грубой ошибкой. Если с королем окситанцы еще могли бы справиться, то отпускать богатейший приход и многочисленную паству церковь не собиралась. В результате, как и в моем мире, в Окситанию были направлены войска, которые с помощью специализированных костров, колов и прочих интересных инженерных средств и сооружений доходчиво объяснили окситанским дворянам всю глубину их заблуждений.

Многие знатные роды тогда либо пресеклись, либо, как Транкавели, были изгнаны из своих поместий, а их феодалы отошли в собственность короля.

Ну и чтобы чернь тоже не забывала, кто в доме хозяин, несколько городов просто уничтожили. Народ особо не резали, но дома спалили подчистую. Попал под эту раздачу и Безье. И вот с тех пор горожане стараются держаться подальше от господского замка, как говорится – во избежание.

Нынешний барон тоже Транкавель, но был простым шевалье. Однако умел хорошо зарабатывать деньги, на которые выкупил у короны и родовой замок, и нынешний титул, и виноградники, и оливковые сады.

А город живет своей жизнью, и никак от барона не зависит. Уважают его, конечно, но не как сеньора, а как справноho хозяина, который и работой обеспечит, и, если что, защитить сможет. Поскольку баронская дружина спуска разбойникам не дает и по местным дорогам можно путешествовать не боясь нападения, что в стране большая редкость.

С окружающими отношения у меня выстроились достаточно быстро, особенно после того, как смог говорить на галлийском языке, очень похожем на наш французский. Барон, правда, меня сторонится, зато мать просто счастлива. Сестры-близняшки Шарлотта и Сибилла девяти лет от роду раньше меня боялись. Предыдущий владелец тела, оказывается, их и ударить мог, даже кинжалом уколоть – развлекался барчук, видите ли. Как только его сами родители не прибили? Зато сейчас девчонки готовы ходить за мной как привязанные – я им на ночь сказки рассказываю. А когда про Золушку рассказал – вообще щенячьему восторгу предела не

было. И то сказать – почти Средневековье. Ни Шарля Перро, ни братьев Гримм. Какие радости у детей?

С двенадцатилетним братом Гастоном сложнее. Я ведь старший, значит наследник. Его же будущее – или в армию, или на гражданскую службу. В любом случае судьба ловца удачи. Я наследовать категорически не собираюсь – заполучить вторую жизнь, да еще и все имущество семьи, причем весьма богатой, на такое свинство я категорически не способен. Но Гастон помешан на ратных подвигах, звоне шпаг и грохоте орудий, с чем я и борюсь без устали. Мотаюсь вместе с ним по баронству. Якобы за компанию, а на самом деле, чтобы брат в этот бизнес вникал. Обзавелись с ним командой смешленных ровесников из крестьянских детей, учим их помаленьку и грамоте, и оружием владеть. В перспективе надежное пополнение и дружины, и администрации – у кого к чему склонность и способности обнаружатся.

Зато от них реально знаем, что в хозяйстве творится. Сам барон в это дело не шибко лезет, управляющему доверяет. Только из бумаг не все видно – местные старосты лапшу на уши вешают – любо-дорого. Крестьянский труд пока через себя не пропустишь – не поймешь, но мы же дворяне, нам не по чину.

Однако управляющего я уже на мухлеже поймал, благо опыт есть. Тут десятичной денежной системы нет. Ходят золотые экю, стоящие 3 серебряных либры, медные су – 1/20 либры и медные динарии – 1/12 су. Не так сложно, как во Франции в то же время, но тоже рай для махинаторов. Учет-то ведется в либрах, а запутать пересчет монет – дело несложное. Чем наш клиент и занимался, но был пойман.

В соответствии с местной традицией набили с братом ему морду, заставили все вернуть, пообещали кастрировать – надеюсь, осознал.

Но не это стало для меня главной заботой. Учеба! Дитя двадцатого века, я оказался абсолютно не приспособлен к жизни в веке семнадцатом. Кому, скажите на милость, нужны здесь остатки знаний по квантовой оптике или умение водить автомобиль? Может быть, когда-нибудь кому-нибудь пригодится знание криминалистики, но до этого светлого дня надо еще дожить, желательно не свернув себе шею при падении с лошади. Поэтому верховая езда и, конечно, фехтование. Без рапиры и в люди выходить неприлично. Все-таки XVII век – расцвет бретерства, дворяне режут друг друга с дорогой душой, и уметь отбиться от этих забияк надо.

А для войны – шпага. Я с ней пробовал тренироваться – пока без толку. Может, для тех, кто на коня сел раньше, чем ходить начал, она и хороша, но вот мне никак не с руки. Не думаю, что в свалке она мне сильно поможет.

Однако здесь повезло – у барона в дружине нашелся поляк Адам, с саблями чудеса творит. Уговорил его учительствовать. Барон все не мог понять, зачем мне эта экзотика. А как ему объяснишь, что сабля – вершина боевых клинков, в период, когда воины доспехи облагчать стали? Это только в будущем опыт войн подскажет, мне же прогрессорствовать без толку: всех аргументов – только опыт Адама, но этого явно мало. Так что просто сказал, что мне так удобнее, и пошел учиться.

Еще нашел в оружейной восточный лук – сложносоставной, рекурсивный, с костяными накладками и тягами из воловьих жил – сказка. Тут уже сам учиться начал – когда-то в молодости увлекался этой забавой. Конечно, луки двадцать первого века отличаются от местных, как винторез от аркебузы, но теорию я знал, дело только за практикой.

И еще одно необходимое условие выживания – религия. Практически один в один христианство, даже символ веры близок и Святая Троица присутствует, но и отличий много. При чем в именах и формулировках, в которых ошибиться нельзя – тут с ересью строго. В лучших традициях Торквемады⁷.

⁷ Торквемада – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании. Отличался особой жестокостью.

Ко всему прочему, телу четырнадцать лет, гормоны гуляют по организму, а сифилис – по стране. Не зря его в нашем мире галльской болезнью называли. Так что вспоминаем Адриано Челентано в «Укрощении строптивого» и идем колоть дрова. Или на турник. Не для того мне тот мальчик свою жизнь отдал, чтобы ее на всякую гадость променять. Потому что лечить инфекционные болезни здесь не умеют. Рану заживить, кость срастить, все, что связано с ускоренной регенерацией – это маг делает запросто. Даже выбитый зуб вырастит. Но вот если сепсис пошел – кирдык. Тут один король так умер – прыщ в ухе вскочил, загноился и все, гангрена. А королю лет семнадцать было, он и года не правил. Полостные операции тоже не делают, даже самые простые. Аппендицит страшнее пули – от той хоть умрешь быстро. Хотя анестезию делают великолепно. Местный палач по пьянке в кабаке жаловался – сильного мага пытаться бесполезно, все равно боли не чувствует.

Зато свежий воздух и здоровое питание. Замок расположен в стороне от города, так что воздух действительно свежий. Молодец барон – вопросы санитарии решил по высшим стандартам средневековья – навоз на поля вывозят, а люди отхожими местами пользуются, которые периодически, по мере заполнения, переносятся.

Ну и главное, в отличие от Руматы Эсторского⁸, у меня права на снобизм по отношению к местным нет категорически. Так только, на легкую иронию. Мне-то отсюда никуда и никогда не вырваться.

Разговор, которого Жан не слышал

– Гийом, я так счастлива, так счастлива! Как дворянин и человек чести, ты просто обязан немедленно признать, что ничего не понимаешь в людях вообще и в детях в особенности! Сколько раз я тебе говорила, что Жан – прекрасный, умный, а главное добрый мальчик, что ему просто надо немного подрасти? И что я слышала в ответ? Нет, ты вспомни, вспомни! – Сейчас тебе должно быть стыдно! Потому что ты оказался не прав, а я права. Барон де Безье, я жду ваших признаний!

– Дорогая, я каждый день признаюсь тебе в любви. Я готов признаваться в этом два, три раза в день, каждый час, каждую минуту. И если ты надеешься, что годы повлияли на мою страсть...

– Барон, уберите руки, немедленно прекратите меня целовать... Я же потом сама платье не застегну, что подумают служанки?..

– Они не подумают – они точно знают, что я не могу на тебя спокойно смотреть и никогда не смогу, даже не надеюсь. Потому что я самый счастливый муж, который сумел получить самую лучшую жену на свете!

– Может быть, и лучшую, но и самую вредную – мне сегодня ничего нельзя, вот! И еще неделю нельзя будет. А вам в наказание, господин барон, я повелеваю эту неделю ходить облизываться, страдать и думать о том, как вы были несправедливы к своему старшему сыну. – Пусть это будет ваша расплата за попытку не соглашаться со мной!

– Как истинный рыцарь, я с покорностью и смирением снесу любое наказание от дамы своего сердца, даже столь жестокое! А если серьезно, я так рад видеть тебя счастливой. Все-таки Шарль великий врач и прекрасный друг. Друг приехал по первой просьбе и успел в последнее мгновение, а врач совершил чудо. И действительно, после этого Жан изменился. Может, здесь тоже Транкавель помог?

– Конечно же, нет! Жан был таким всегда, только он скрывал свою доброту под маской безнравственности. Что делать – современные дети не похожи на нас. Они почему-то стесняются своих лучших чувств.

⁸ Румата Эсторский – герой книги братьев Стругацких «Трудно быть богом».

– Да уж. Стеснительность всегда было его третьим именем. А Доброта – четвертым. На самом деле, дорогая, я думаю, его изменила близость со смертью. Может, я и ошибаюсь. И уж конечно, ты всегда права, не замахивайся на меня ложкой – я ее боюсь!

– Правильно, да убоится муж жены своей! Кстати, какие у вас с ним планы на будущее?

– Думаю, через год пошлю его в Клиссон, дальше – как сложится. Может быть, вернется сюда, может, останется в большом мире. Ты же видишь, что заниматься хозяйством он не желает.

– Что же, положимся на промысел господний, зато целый год я и девочки будем наслаждаться его обществом. Если бы ты слышал, какие истории он придумывает и рассказывает им на ночь! И ведь вроде бы простые сказки, но только после них дочки становятся настоящими дворянками быстрее, чем после общения с самыми строгими учителями. Да, дорогой, у нас прекрасные дети. А знаешь почему?

– ?!

– Потому что у меня самый лучший муж, которого я безумно люблю. Иди ко мне, я пошутила насчет «нельзя».

Глава IV

Измученный постоянной учебой и тренировками, я и не заметил, как настал день «моего» шестнадцатилетия. Великий праздник! Если бы не барон. Именно на этот день его вызвали на аудиенцию к сюзерену – графу Тулузскому, куда, по протоколу, полагалось прибыть с супругой. Уверен, что за этот вызов де Безье заплатил секретарю графа отнюдь не одно экю.

Ну не складывались у нас отношения. И исправить это невозможно. Думаю, и я на его месте вел бы себя не лучше. Так что проскушал за столом, обрадовался горе дорогуших, но абсолютно ненужных подарков, а потом с братом и сестрами сели на коней и просто поехали кататься. И вот это уже был праздник! Ехать не по делам, а просто так, куда глаза глядят...

Барон вернулся через неделю и сразу же поставил меня в известность, что теперь начинается взрослая жизнь. Первое же, что мне предстоит – научиться входить в состояние Старкада – был такой знаменитый воин типа наших берсерков⁹, которых свои боялись. Так вот в этом состоянии у человека на порядок увеличивается сила, скорость и реакция. Фактически в бою он становится непобедимым. Даже смертельно раненный может довольно долго сражаться в том же темпе – видимо, следует запредельный выброс адреналина. Одна беда – в старкаде ему все равно кого убивать. Понятие своих и чужих полностью исчезает – все вокруг превращаются в жертв. И остановиться такой воин может только сам, причем не по своей воле, а пока, как говорят здесь, «не напьется крови». Я так понял – пока весь адреналин не сгорит.

Но только когда я после долгих трудов все же в это состояние вошел – понял, какая это страшная штука, оружие действительно последней надежды.

Сила в теле немереная, в сердце даже не ярость – дикая, первобытная жажда крови, желание услышать хруст костей, крики жертв и животная страсть убивать, убивать, убивать...

Перед тем как в старкад входить, мне в руки меч дали – старинный бастард¹⁰, и никакой защиты. А вокруг все дружинники, свободные от дежурства, вооружены, как положено, в полных доспехах. У них задача – уцелеть, ибо справиться с воином в старкаде заведомо невозможно. Так вот, я всех убил. И чем больше убивал – тем больше мне это нравилось, больше хотелось убивать, причем не просто убивать. Зачем отрубать жертве голову, когда можно отрубить руку? Или ногу? Я хотел видеть агонию, слышать предсмертные крики. Бастард я держал впервые, но какое же прекрасное это оружие! Как ровно он прорезает доспехи, как смачно входит в человеческое мясо! Как приятно под ним хрустят кости!

Когда очнулся – вокруг кровь, все, с кем два года я тренировался, болтал в минуты отдыха, все лежали не просто мертвые – на куски мною порубленные. Я тупо смотрел на свою окровавленную одежду, окровавленные руки, окровавленный меч – готов был сойти с ума от ужаса и ненависти к самому себе.

Вдруг окружающий мир дрогнул, поплыл, я уже решил, что сумасшествие состоялось. Но потом кровь на одежде и куски мяса на земле исчезли, дружинники зашевелились, а в руках оказалась простая палка. Очень легкая и прочная. Подбежавший барон помог сесть на землю, заставил выпить огромный кубок вина, сам устроился рядом и стал рассказывать.

Оказывается, со мной провели стандартную процедуру демонстрации этого чертового старкада. Давным-давно маги поняли, что впасть в это состояние может любой способный к магии человек, однако последствия всегда бывали страшными. Тогда и было принято решение обучать этому дворянских детей с тем, чтобы исключить случайное вхождение. И параллельно показывать, к чему старкад может привести. Проще говоря, во время всего этого действа я

⁹ *Берсерки* – норманские воины, отличались в бою храбростью, граничившей с безумием. Считается, что сражались под воздействием галлюциногенов. Часто в пылу боя убивали своих соратников.

¹⁰ *Бастард* – полоторучный меч.

находился в магически измененном пространстве, словно в галлюцинации. В руках у меня была палка, которая казалась мне мечом. Если я кого-то бил – то это был просто сильный удар палкой, а казалось, что я отрубаю куски тел, из ран льется кровь. Такая вот иллюзия, неотличимая от реальности. Жестоко, зато желание баловаться старкадом отбивает навсегда.

Да, потом пять дней отлеживался – каждая мышца и каждая связка болела. И отъедался – сколько уж я там килограммов за это упражнение скинул – не знаю, но жрал эти дни в три горла, наестся не мог.

Когда оклемался, барон заставил меня поклясться на священном писании, что использовать старкад буду только на государственной службе и только в крайнем случае. А мне с писанием шутить никак нельзя, даже не из страха – просто нельзя и все.

Когда клялся – обратил внимание на хорошее настроение барона, чем и решил воспользоваться.

– У нас никак не получается поговорить с глазу на глаз, а, наверное, надо. Вы согласны?

– И о чем же? – все-таки недовольно проворчал де Безье.

– Нам надо определиться с будущим.

– Какое будущее! Ты влюбил в себя мою семью, а что дальше? Оставить все тебе? Твоим детям, которые нам чужие? А что будет с моими детьми – нищенствовать их пошлешь?!

К сожалению, чего-то подобного я и ожидал. Но неопределенность точно до добра не доведет. Сейчас он ничего не делает, видит же, как меня баронесса и дочери любят. Но вот в будущем... Нравы здесь простые, а человеческая жизнь ценится дешево. Так что лучше обо всем сказать открыто, чем ждать, что само рассосется.

– Господин барон, вообще-то это близко к оскорблению. Вы действительно меня за свинью держите? С чего вы решили, что в благодарность за вторую жизнь я намерен и наследство отхватить?

– С того, что по-другому – никак! Лишение наследства старшего сына возможно только в случае его бесчестия. Причем именно бесчестия, после которого с тобой даже разговаривать никто не станет. А заодно и с нами – с твоей семьей. Такой твоя благодарность будет? Собираешься маленьких девочек насиловать? Так учти, что простолюдинки для этого дела не подойдут, дворянки нужны. Да за такое я тебя сам четвертую!

– Спокойно, спокойно. Вы чего себе напридумывали? Неужели нельзя просто мне самому написать отказ от наследства? Ну не хочу я в сельском хозяйстве копать. Может, я о воинской службе мечтаю.

– А кого это волнует? Оставляй управляющего с доверенностью и вперед к подвигам. Вот если погибнешь геройски – тогда да, может и Гастону достаться, если детьми к тому времени не обзаведешься. И только так! У нас ведь майорат, от него отказаться нельзя. Только со смертью. Слушай, может сам повесишься, через годик?

– Грех это смертный, сами знаете.

– Ладно, ерунду сказал. Но не знаю я, что делать, не вижу выхода!

Действительно проблема. Единственный вариант – лишение наследства. Однако причина, с одной стороны, должна быть веской, с другой – не унижающей родовую честь де Безье. И что тут можно придумать?

– Да и нужен ты здесь, – неожиданно продолжил барон. – Ты положение в стране представляешь?

– Примерно. Король и королева-регент правят мудро. Парламент им во всем помогает. Подданные платят налоги, ходят в церковь и не бунтуют. Вроде все спокойно? – ну не интересовался я здесь политикой, и, как оказалось, зря.

– Если бы спокойно. Лет пятьдесят назад приползла к нам зараза – ересь островная, которую святые отцы благополучно прозевали. Хватились, когда уже поздно было – почти четверть Галлии за еретиками пошла. Воевали с ними, но добить не удалось. Лет десять назад подписали

с реформистами мир, по которому оставили им территории, на которые святой церкви ходу нет. Так вот территории эти недалеко от нас. Ближайший город – Монпелье, как раз под ними. Со своим гарнизоном. Теперь они упорно стремятся и наших крестьян в свою веру обратить, а попутно и пограбить. Поэтому на счету каждый мужчина, умеющий держать шпагу в руке, чтобы и крестьян защитить, и убыток компенсировать.

Что ж, все знакомо. Как тот папуас говорил: «Плохо – это когда сосед у меня корову украдет, а хорошо – это когда я у него». Но не мне же судить. Тем более если Безье действительно под угрозой. Да и не верю я церковным реформаторам. Это вначале – откажемся, братия, от лишнего в учении и воспримем правила строгости и скромности. А в конце проституция и наркотики Амстердама, венчание однополых браков, даже венчание животных. Проходили. На фиг. Ибо не фиг.

А Гийом Маттье барон де Безье... Он мужик правильный, на пустые слова не ведется. Мужчины не болтают, мужчины делают, а какие сейчас с меня дела? Нам с ним, видимо, вместе драться придется, там и будем доказывать, а так – чего действительно зря воздух сотрясать.

И вот в начале июля приехал к нам в гости родной брат баронессы – шевалье де Брам. Да с охраной аж из девяти человек. Баронесса мне о нем много рассказывала – и какой он добрый, и какой он умница, и как своих трех дочерей любит – фактически идеал рыцаря. Ну, естественно, она же замуж в пятнадцать лет вышла, каким еще может быть старший брат у такой девчонки. Встречались они после этого раз в год летом, только в прошлом не сложилось – чем-то он был очень занят.

А что значит гость у барона – пьянка без перерывов. Гость либо трезвый, либо мертвый, полутонов традиция не позволяет.

Вот и сейчас здравицы орут, да петь начали. Только о том, что есть ноты, им не сказали. Мелодия ничто, энтузиазм – все! Кто не спрятался – они не виноваты!

Поскольку мне за их столом делать нечего, пошел к дружинникам.

А там добры молодцы в фехтовальном манеже стали силушкой меряться, без оружия. Смотреть на этот цирк без смеха невозможно. Нет, дружинники бойцы грамотные, тренированные, но это когда с оружием, тогда и подсечку провести могут и кулаком в рыло съездить. Но без него – типичные деревенские увальни, когда силы много, а толку мало. Толкаются, стараются нахрапом повалить противника. Ну и хорошо – не покалечат друг друга. Зато всем весело.

А вскоре к ним и дядины дружинники присоединились – видать, подурачиться всем охота. Тоже руками машут, как мельницы крыльями, сквозь хохот ярость демонстрируют.

И тут меня как током ударило. Стоп, стоп, стоп. Да ведь ребята – подготовленные рукопашники. У оружных бойцов и пластика, и передвижения другие, годами тренировок и схваток вколотенные. От них не избавишься, если только специально не учиться. А тут впереди левая нога (у фехтовальщика без щита – правая), ноги расставлены не широко, согнуты лишь слегка, центр тяжести посередине, подбородок опущен, чего ни фехтовальщики, ни деревенские драчуны никогда не делают. Опять же руки на месте. И движения плавные, скользящие. Видно, что наших в любой момент могут раскидать, как котят.

Это где же воины такому научились и, главное, зачем? В бою с вооруженным противником не поможет, там другие навыки нужны, а с безоружным чего драться? Проткнул его и пошел дальше, ибо дружинник всегда при шпаге.

Однако стоять такие бойцы, как редкие самородки, должны дорого, де Браму они явно не по карману. Достаток здесь принято демонстрировать породистым конем, дорогим оружием и богатой одеждой, перстнями шикарными, прочими побрякушками ювелирными. Мужчины стараются себя как елку новогоднюю нарядить, особенно когда в гости едут.

Только вот у де Брама кобыла – без слез не взглянешь, одет тоже так себе. Никаких перстней нет и в помине и шпага самая обычная, в простых ножнах и на дешевой перевязи.

Я его торжественный въезд в замок пропустил, интересно, а его команда на каких росинантах разъезжает? Сходил на конюшню и обомлел – этих коней и графу иметь не стыдно. Это что же, сам гол как сокол, а охране деньги лопатой отсыпает? А зачем? Времена мирные, разбойников в наших краях забыли, когда и видели.

Так, бегом к баронессе за информацией. Ой, не нравится мне все это. Профессиональное чутье подсказывает, что надо разяснить ситуацию до конца. А что такое это чутье – всего лишь перенос на конкретные обстоятельства жизненного опыта, который я синяками и шишками заработал, так-то.

В это время гостеприимная баронесса сидела в трапезной и с умилением наблюдала, как любимый брат с любимым мужем упорно и целенаправленно надираются. Говорить они еще могли, но разговаривать уже нет. И это еще полдень не наступил! Что же к вечеру будет?

При этом сама баронесса была абсолютно трезва, чем я поспешил воспользоваться.

– Матушка, вы, видно, скучали по своему брату? – тут главное любимую тему задеть, дальше женщине собеседник не нужен – нужен слушатель. Внимательный и чуткий, как я.

И началось – какой он хороший, добрый, вежливый. Тут я не удержался – с откровенным сомнением посмотрел на это чудо средневековой интеллигенции, которое упало с лавки, сблевало и теперь пыталось залезть обратно.

Однако дальше пошла действительно важная информация. Оказывается, шевалье владеет даже не замком – деревней, обнесенной деревянным частоколом. Расположена она километрах в шестидесяти к северо-западу от нас. При ней небольшой виноградник, с которого, однако, делают превосходное вино.

С точки зрения обороны деревня ничего не стоит – ибо защитники из крестьян никакие, на укрепление стен и даже найм дружины денег у де Брама никогда не было, ибо надо копить дочерям на приданое. А их три и все на выданье.

Раньше он в Безье приезжал с женой и дочерьми, причем всегда без охраны. Смеялся еще, что поездка в Безье безопаснее похода на ночной горшок – меньше шансов споткнуться. Но ведь с тех пор ничего не изменилось.

Дело ясное, что дело темное, пришлось прервать разговор с баронессой, сказав, что пора на занятия, и идти к Адаму, потому что самому эту проблему не решить, барон пьян, а брат молод – только дров наломает. Хотя на разговор его тоже пригласил – сейчас всякая помощь может потребоваться. Строго говоря, дальнейшие мои действия были практически стандартными – сбор полной информации, касающейся потенциально опасной ситуации.

Кратко описал проблему. У шевалье в неукрепленной деревне остались жена и три дочери. Против обыкновения он их с собой не взял, а вот девять дружинников привел. Нанял их неизвестно на какие деньги, причем, судя по лошадям, платит им больше, чем сам зарабатывает. Да, и эти орлы очень специфическими навыками обладают.

– И какой вывод вы делаете, господин сержант? – это я уже Адаму.

– Действительно странно это, ваша милость. Давайте для начала посмотрим, как наши гости оружием владеют. Сейчас у нас занятия, постараемся и их втянуть.

– Договорились. Кстати, Гастон, где сейчас наши юные молодцы?

– Около замка учатся шпагами махать.

– Пусть немедленно берут коней, конюхов я предупрежу, и летят по своим деревням. Я хочу знать обо всех посторонних, кого видели вчера и сегодня. Неважно, вооруженных или безоружных, мужчин или женщин, молодых или старых, благородных или нет. О каждом. Это донеси до ребят особенно четко – люди обычно отвечают не на тот вопрос, который им задали, а на тот, который они слышали. Сам опроси всех дежуривших на воротах, выясни, кто из посторонних находится в замке. Слуги гостей, дети, крестьяне – учесть каждого, самого незначительного. Действуй.

В конюшнях проблем не возникло, и наши сорванцы умчались добывать оперативную информацию. Дружинники же шевалье удачно расположились около площадки, где занимались наши воины. Сидели и смотрели, но как-то очень внимательно. Хотя, может, это моя паранойя, но известно же, что параноики дольше живут. Так что не будем спешить к психиатру.

Тем временем Адам взвинтил темп тренировки, завел наших бойцов, а под азарт троих гостей на площадку вытянул. Сначала они дурака валяли, но все же спортивный дух взял свое, и показали эти трое класс работы учебным мечом. Высокий, надо сказать, класс – один на один с ними только Адам мог справиться. Так что теперь, я должен верить, что эта элита захолустному дворянчику служит?

Затем выслушал Гастона и вернувшихся ребят. И вновь результаты меня совсем не порадовали.

Во-первых, выяснилось, что с отрядом шевалье в замок прибыл мальчишка, которого де Брам представил как своего слугу. Больше его никто в замке не видел. Причем то, что это именно мальчишка лет двенадцати, охранники на воротах определили по росту, одежде и босым ногам. Лица его под широкополой соломенной шляпой никто не разглядел.

Во-вторых, утром с северо-запада в сторону замка проехал отряд вооруженных всадников, человек двадцать. Однако до замка они до сих пор не доехали. Можно предположить, что расположились в лесу, что в паре километров от нас. Проехать мимо незамеченными они не могли, стража службу знает.

– Теперь подытоживаем. Шевалье привел в замок девять высокочеловеческих бойцов, оплачивать которых ему не из чего и незачем. В замок с ними пришел якобы мальчишка-слуга, которому просто некому прислуживать. Де Брам всегда без слуг приезжал, а слуга у дружинников – вообще нонсенс. Да и где вы видели босых слуг? Это же позор для господина! Оплачивать элитную охрану, а слугу держать босым – не бывает такого. Вдобавок, около замка пасется отряд из двадцати вооруженных всадников.

Еще раз переговорил с Адамом, выложил последнюю информацию.

– Ерунда получается, господин барон. Только ведь сейчас шевалье об этом не спросишь и вашему отцу не расскажешь – пьяные они. Скорее всего, нет в этом ничего страшного, только мне деньги платят за то, чтобы я всегда к худшему готовился. Так что давайте мы сегодня и завтра усиленное дежурство организуем – хуже точно не будет.

Правильно он рассудил, только вот не совсем.

– Хуже действительно не будет, а будет ли лучше? Предположим, только предположим, что шевалье затевает гадость. Увидят его ребята твое усиление, ничего не сделают и завтра тихо уедут. Но ты уверен, что все на этом успокоится? Деньги на гадость уже потрачены, и немалые, неужели кто-то согласится их просто на ветер выкинуть? И чего нам тогда ждать? И когда? Нет, если они что плохое задумали, надо им так настучать по зубам, чтобы они дорогу сюда навсегда забыли. А если ничего не замышляют – нечего их недоверием обижать. Согласен?

– Согласен, ваша милость, только вот как это сделать? Мудреное что-то у вас получается.

– Ну, если мудреное – ты рядом, поправишь. Пока же обеспечить охрану пьяных дворян. Только пусть ребята будут готовыми к тому, что шевалье внезапно протрезвеет. В любом случае по замку без сопровождающих он перемещаться не должен ни в каком состоянии. В крайнем, подчеркиваю, крайнем случае свяжите его – вроде как с перепоя он в буйство впал. К баронессе также приставить двоих сопровождающих. Девчонок запереть в их комнате и поставить охрану, – пусть хоть оборутся – я потом лично извинюсь.

– Как хотите, ваша милость, но я не самоубийца. С баронессой сами договаривайтесь, иначе она меня точно со свету сживет. Нет, что хотите, но к баронессе идите сами, – а ведь и вправду испугался, рубака бесстрашный, даже руками замахал. Видать, умеет баронесса себя поставить, если такого головореза в кулаке держит.

– Ладно, уговорил, герой ты наш. Но шевалье с бароном и девчонки на тебе по-любому. И, Адам, а ведь если ночью ничего не случится, мы с тобой двумя дураками будем выглядеть.

– Я, ваша милость, лучше сто раз дураком готов выглядеть, чем один раз покойником. Так что давайте все делать, как условились.

В этот момент во дворе раздался стук копыт и скрип колес – что за черт? Оказалось, дуэнья собралась сестер везти на прогулку. Ну, прямо вовремя, когда рядом неизвестный отряд рыщет. Нет, сегодня такая поездка может оказаться бесполезной для здоровья. Поэтому отвел кучера в сторонку, тихо попросил срочно и незаметно сломать повозку.

– Что вы, господин барон, меня же накажут.

Пришлось, мило улыбаясь и по-доброму глядя в глаза, пообещать, что иначе при выезде из ворот ему на голову упадет случайный булыжник, которыми я не промахиваюсь. Поверил, побежал выполнять приказ. Буквально через минуту раздалась охи и ахи по поводу сломанной оси и возмущенные крики дуэньи из-за сорванной прогулки. Ну и ладушки, пусть девчонки пока в замке посидят.

Сам тем временем прикинул расклад на случай, если мои опасения, не дай бог, оправдаются.

Что мы имеем? Гарнизон замка сорок человек. Надежные, обученные люди. Взять замок штурмом – серьезная войсковая операция, а возможных противников всего человек тридцать. Но десяток их уже в замке. Значит, может готовиться диверсия. Но и это не страшно. Против сорока готовых к нападению воинов девять бойцов и один пьяный дворянин явно не пляшут. Однако что за мальчишка в замке? Взрослый маг – исключено, на воротах не лопухи, у взрослых и комплекция и пластика другая – заметили бы. Диверсант-убийца? Тоже вряд ли. Для его подготовки годы нужны, опять же по возрасту не подходит. Юный маг? Не опаснее нас с Гастоном, смешно, ей-богу.

В общем, этот мальчишка, который, возможно, является ключевым элементом плана нападающих, создает им преимущество внезапности. Объявлять его розыск бессмысленно. Не факт, что найдем, а операцию сорвем гарантированно. И планируется она явно на эту ночь, потому что в том болотистом лесу, где, скорее всего, и прячется тот отряд, никакому войску долго не высидеть – комары сожрут. На себе испытал. Да и ночь сегодня подходящая – безлунная. Для нападающих это не проблема – хороший маг над замком в любой момент люстру повесит, а в такую погоду скрытно подойти к крепостной стене – самое то.

Следовательно, надо подготовить недобрым гостям свой сюрприз.

– Адам, я вот что предлагаю. Сегодня ночных часовых поставь как обычно. Только предупреди ребят о возможной атаке с тыла, да проверяй их почаще. А вот остальных надо скрытно разместить так, чтобы могли подстраховать группу охраны ворот. За скрытность отвечаешь лично – не дай бог гости увидят. Задача – обеспечить блокирование гостей в случае попытки открыть ворота изнутри. Я пока подыщу позицию, с которой простреливаются подходы к воротам и вход в донжон.

– Получается – две смены караула по шесть человек – надо демонстрировать обычный режим охраны замка, два человека на вход в донжон, пятнадцать – на подстраховке, трое на охране шевалье, трое на охране баронессы и дочерей, с ними будет господин Гастон, четверо – в резерве. Годится, господин барон?

– Трое на де Брама – не мало?

– Не сомневайтесь, те, кого я поставлю, справятся.

– Ладно, тебе виднее. С подъемным мостом и решеткой что делать будем? Подъемник решетки работает, я знаю.

– Ваша милость, какой мост? Его лет сто не поднимали. Я думаю, что уже и поднимать нечем. Войны же нет. А решетку на эту ночь действительно можно использовать.

– Все-таки подождем. У механизма ночной пост предусмотрен, если будет нападение, тогда пусть и опускают. Согласен?

– Вполне.

– Хорошо. Да, и гостей разместить в отдельном помещении, которое надо подготовить. Желательно, чтобы там был только один выход. Я пока поищу, где самому расположиться, и успокою баронессу и девчонок.

Позиция для лучника нашлась напротив донжона, на крыше кухни. Высота была достаточная, чтобы простреливать все пространство у ворот, а также крыши других построек, при этом труба от кухонной печи позволяла укрываться от ответных выстрелов – пистолеты у противника наверняка есть.

Осталось успокоить баронессу. Она была у дочерей и вместе с ними возмущалась излишней, по их мнению, опекой охраны. Пришлось соврать о появившейся шайке разбойников, уверить, что завтра их поймают и все успокоится. На прощанье рассказал про кота в сапогах, чем сорвал восторженные визги девчонок и счастливую улыбку их матери.

И уже уходя:

– Мама, барон устал, за замок отвечаю я. Пожалуйста, помогите мне – не выходите из комнаты, не выпускайте сестер ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось.

– Нельзя даже воспользоваться потайным ходом? – с лукавой улыбкой спросила баронесса.

– Хорошо, если, не дай бог, почувствуете опасность – уходите. Но только в этом случае. Главное – из него безопасно выбраться сможете?

– Да, там несколько выходов.

– Все-таки без крайней нужды из замка не выходите – неизвестно, где эта банда шастает – наткнетесь, и как вас потом выручать?

– Не беспокойся, сын, я дочерьями рисковать не буду. Все-таки получается из тебя рыцарь, а мне здесь никто не верил! – на этот раз в ее словах прозвучала настоящая гордость. Что ж, хоть одного человека я сделал счастливым, надеюсь там, наверху, мне плюсики поставили. Понимаю, что этого мало, бесконечно мало, но все-таки.

Однако какие наши годы, только бы из этой заварушки с честью выбраться. А значит, нечего расслаиваться – дело делать надо.

Пошел к Адаму проинспектировать жилье для дорогих гостей.

Оказалось – все готово. Было в замке помещение, где при необходимости могли переночевать слуги, обычно жившие за пределами замка. Расположено оно в донжоне, но выход из него только один и как раз на площадь перед воротами. Лежанки там были, а Адам распорядился дополнительно туда стол с лавками поставить.

Прислуживать должна была разбитная служанка Сесиль. В официальных документах СССР таких называли женщинами с пониженной социальной ответственностью. Так вот у Сесиль эта самая ответственность была где-то на уровне Марианской впадины. Признавала она только мужчин из замка, но уж им в ласке никогда не отказывала. В городских кабаках была популярная тема – обсуждать местных бедолаг, которых она с носом оставила.

И ведь вроде не особо красавица, а ни один мужик не мог пройти мимо нее спокойно. Этому научить нельзя, это от Бога. Может, правда, и от дьявола, но тут главное, чтобы такая мысль какому-нибудь упертому священнику в голову не пришла. В нашем-то мире всякие были случаи. Здесь, правда, святые отцы к истерикам не склонны. Требования к морали высокие, но на костер – только за ересь. И то понятно – на территорию реформистов их власть не распространяется, а перегнешь палку – народ туда и рванет. Хотя, по слухам, у реформистов попы тоже гуманизмом не страдают.

Но я отвлекся.

Так вот, перед Сесиль была поставлена задача зайти к «гостям» несколько раз и определить изменения в их поведении на предмет опьянения. Вина им нанесли немерено, но злодеи могли его не пить, а выливать, и пьяными только притворяться. Однако такой детектор, как Сесиль, обмануть невозможно. Она эти вещи инстинктивно чувствует – никогда не ошибается.

Ну и с заходом солнца операция началась.

Шевалье с бароном валялись в трапезной, богатырскими дозами вина на корню пресекая попытки своих организмов протрезветь.

«Гости» зашли в подготовленное для них помещение, где сразу набросились на вино и закуски. Вот только всерьез или притворялись – пока непонятно.

Наши расположились по местам. Адам молодец, развел бойцов на позиции так, чтобы возможный наблюдатель ничего не заподозрил. Ходили по двору и дружинники, и челядь, причем все явно по делам, потом постепенно дружинников становилось все меньше и меньше. Мало ли, скорее всего, спать отправились.

У меня в гардеробе был черный костюм – надел его и черные сапоги. Не ниндзя, но в темноте сойдет. Лицо и руки по законам жанра сажей вымазал, погасил на кухне огни – прислуге там ночью делать нечего, взял лук и стрелы и выбрался на крышу, был там лючок. Залег, жду, наблюдаю. Благо не впервой, пригодились навыки прошлой жизни.

Часа через полтора, когда полностью стемнело, из донжона вышел Адам, обозначив себя, как договаривались, движением факела. Обычный обход караулов.

А дальше принципиально – если факел будет раскачиваться вертикально – дружинники де Брама перепились и, скорее всего, к агрессивным действиям неспособны. Не гарантия, конечно – мало ли какими микстурами их могли снабдить, да и неизвестный мальчишка до сих пор не объявился, но все же поспокойней.

Но факел закачался в горизонтальной плоскости, значит, сбываются наши худшие опасения. С добрыми намерениями ни один местный вояка пьянку имитировать не будет – напьется честно и от души.

Принято, кладем стрелу на лук и ждем дальше.

После смены караула, то есть через два часа, в гостевом помещении все успокоилось, вроде как «гости» уснули. А еще часа через три, если судить по сменам караула, на занимаемую мной крышу кто-то бросил кошку. Не живую, а абордажную. Слава богу, зацепил ее не за меня, а за какой-то выступ. Вот этого я не предусмотрел – из оружия у меня только лук. И воспользоваться им будет непросто – я же лежу, боясь пошевелиться – подшумлю, и мой гость просто отменит операцию. Забирается-то он с той стороны, с которой очень легко скрыться в хозяйственных постройках. А там ищи ветра на конюшне.

Ладно, предоставим ему инициативу, постараемся сработать вторым номером.

Кстати, гость грамотный, одет как ниндзя¹¹ – в черный свободный костюм из легкой ткани, размывающей силуэт, и черную мягкую обувь. Лицо и руки тоже не белеют. На фоне звездного неба, благо облаков нет, видны мягкие точные движения. Но зачем замирать в неестественных позах, зачем двигаться неестественным шагом? Это что за вундеркинд? Где и когда он этому научился – тут же не Япония, здесь с пеленок растить диверсантов не принято. Или принято? Неважно. Важно – что он собирается делать. Если еще и маг серьезный...

И тут оказалось, что серьезный. У него в руках почти мгновенно образовались два мутно-прозрачных красных шара. Один, поменьше, влетел в помещение, где находился механизм опускания решетки. Из окна с грохотом вырвался огонь, словно сработал выстрел «Шмеля»¹². Решетка дернулась вниз и замерла. Ясно, механизм опускания сломан.

Второй шар ударил в ворота, прогремел взрыв, от которого они просто распахнулись.

¹¹ Ниндзя – разведчик, диверсант и наёмный убийца в средневековой Японии.

¹² «Шмель» – реактивный пехотный огнемет.

Черт, да он с этой позиции один всю баронскую дружину положит. Остальные диверсанты и не потребуются.

Между нами метров пять. Пока у него все внимание на ворота, у меня есть шанс. Все-таки быстро стрелять из лука я научился, а лук под рукой. Только не вышло ничего. Как уж маг успел увидеть и среагировать, я даже не представляю, но он выставил навстречу стреле руку, и она сгорела. А я ведь уже вслед за стрелой бросился и уклониться не успевал.

Но то ли маг выдохся, то ли растерялся, но я до него добрался, схватил за одежду, а дальше услышал натуральный девчоночий визг. Но кулак-то мне уже было не остановить, и прилетело ему (или все же ей?) по репе со всей пролетарской ненавистью. Так, что с крыши сбросило. В левой руке только шапка осталась. Подбежал к крыше – нет никого, видимо даже не нокдаун – успела убежать, стерва.

И искать ее некогда – надо своих поддержать. Но внутри по большому счету и без меня управились – де Брамовых людей уже добивали. Зато я, как в тире, смог расстрелять тех, кто снаружи побегал в замок. Шесть человек, как с куста. Остальные не сунулись.

Наши потери – один дружинник убит, четверо ранено, в том числе двое тяжело, но надежда на выздоровление есть. Убитый – как раз с поста у подъемника решетки. Сгорел заживо.

В общем, у нас виктория. Но что с юной магией? Поиски по горячим следам ничего не дали. Собаки довели до конюшни, а там след потеряли. Куда она делась – так и осталось неизвестным. Утром поиски повторили, но с тем же грустным результатом.

Зато экстренные допросы раненых врагов прояснили картину. Говоря современным языком, диверсионный отряд из специально обученных полицейских Монпелье под командованием неизвестного дворянина, к которому подчиненные обращались «господин лейтенант», напала на поместье де Берга, взяла в заложники его семью и заставила провести в наш замок боевую группу с задачей открыть ворота для основного отряда. Шевалье сказали, что цель – получение выкупа, но на самом деле диверсантам был отдан четкий приказ – вырезать в замке всех и ждать дальнейших распоряжений.

Мальчишка-слуга присоединился к отряду перед самым замком, его даже специально ждали. К сожалению, командир боевой группы в ночном бою был убит, так что на этом информация о моем противнике обрывалась.

Таким образом, в результате ночного боя шестеро нападавших были убиты, в том числе двое мною. Девять ранены, в том числе шестеро – тяжело. Пятнадцать человек, в том числе «лейтенант», ушли. Кстати, убил я впервые за обе жизни. И не мазал при этом, как мне кажется, только потому, что воспринимал противников как мишени в тире или зверей на охоте. Уже потом, когда увидел трупы вблизи, мне стало плохо, но к тому времени дело было сделано.

Де Брама взяли под охрану, только говорить с ним было бесполезно. Немного протрезвевший шевалье выл и катался по полу своей комнаты. Ничего не говорил – только выл. С трудом удалось понять, что его жена и дочери захвачены и диверсантов он привел, пытаясь спасти их жизни.

Так что ответы на все вопросы надо было искать в Бrame.

Глава V

Ночью я не смог уснуть. Набегало кратковременное забытие, но потом мысли упрямо, вновь и вновь возвращались к прошедшим событиям. Как в надоедливом кино, раз за разом вспыхивал огонь в окне поста над воротами и страшно, по-звериному кричал сгоравший заживо человек. Снова бежали люди, и снова я стрелял, только теперь уже понимая, что убиваю. И надоедливые мысли, от которых невозможно избавиться. Все ли было сделано верно? А если бы я поступил так? А если по-другому?

Схватка на крыше прокрутилась в голове раз сто и не для анализа, просто не мог переключиться на что-то другое. Так бывает после стресса, тем более когда дело не закончено. Это даже привычно, но от этого не легче.

И девчонка – кто она? Откуда этот наряд? Закос под ниндзя у средневековой барышни – бред зеленой лошади, если бы сам не видел. А оставшаяся у меня в руках шапка? Даже не шапка, а черная маска с прорезью для глаз, но как сделанная! Аккуратно обметанные края, окантовки тоже черные, но другого тона, даже вокруг головы черная атласная лента пришита, на манер самурайской повязки! Эдакий гламурный диверсант, в смысле диверсанта.

Кроме этого, «лейтенант»... Я ведь точно его видел, даже попал... По крайней мере один из раненых смог вытащить из себя стрелу за древко, что вообще-то невозможно – в этом случае наконечник остается в теле. Но здесь сработала магия, я свечение ясно видел. А дворянин в отряде был один, пленные об этом в один голос сказали.

Рассвет я встретил как избавление от этой пытки бессонницей. Можно было заняться делом и первое – узнать хоть что-то об этой последовательнице древних японских спецназовцев. Однако, если в этом мире Япония похожа на нашу, то сейчас их кланы могут существовать. Но все равно, слишком все было... театрально, что ли, не было присущей синоби¹³ простоты и функциональности. Зачем было изображать киношного мальчишку-слугу, столь отличающегося от слуг реальных? Можно было сделать проще и достовернее? Запросто. Тогда зачем театр?

На оставленной мне на память маске обнаружил несколько волосков – спасибо и на этом. Анализ ДНК я, конечно, не проведу, но рассмотреть их в микроскоп можно. Здесь этот прибор уже изобрели, и барон даже подарил его супруге, как милую игрушку.

Так вот, волосы незнакомки были длиной сантиметров пятьдесят, черные, но у самых корней – белые. То ли седые, то ли наша гостья блондинка. Старушка отпадает сразу – они так не двигаются, а, главное, так не визжат. У меня же тогда уши заложило. Да и еще, какая женщина в этом мире может колдовать? Только дочь Хранителя! И вот тут становится совсем не до шуток, так что о своих догадках надо молчать как рыба об лед. Во избежание.

Кстати, стрела, которую лейтенант из себя вынул... Я ее нашел – валялась около стены. Почему она? А только на ее наконечнике засохла кровь. Вспомнил прошлое, нашел сажу и мягкую кисточку, попытался выявить отпечатки пальцев – без толку, не было ничего. Но стрелу сохранил. Так, на всякий случай, в силу привычки. Нашел для нее футляр, в нем и оставил – вдруг пригодится.

Утром отряд в двадцать человек под командой протрезвевшего барона выехал в Брам. Шевалье ехал с нами. Бледный, с синяками вокруг глаз, за ночь поседевший и постаревший лет на двадцать. Добрались засветло. Дорога вышла из поворота, и нашим взорам открылся частокол вокруг деревни, открытые ворота, надвратная балка, а на ней висят четыре женщины. Мать и три дочери. И все жители деревни убиты. Мечами и кинжалами. Трое грудных мла-

¹³ Синоби – другое название ниндзя.

денцев брошены в дорожную грязь, как использованные тряпки. Сопротивляться не пробовал никто. Даже не пытались бежать, даже не защищали детей.

Мертвые лежали – в лужах застывшей крови в домах, на улицах и в огородах. Мужчины, женщины, старики, дети. На лицах застыли страх, ужас, боль. Те, кто еще два дня назад смеялся, радовался жизни, строил планы на будущее – все были убиты хладнокровными, не знающими жалости и сострадания профессионалами. Судя по состоянию тел, все были убиты полтора-два дня назад, то есть сразу после того, как де Брам с диверсантами выехали в Безье. Значит, они были приговорены еще на стадии планирования операции.

Я многое видел в той жизни, меня трупам не удивил. Но я ходил, смотрел и запоминал. И впервые клялся отомстить. Я знаю, что месть греховна, что собрался мстить – готовь две могилы. Все знаю, но такие люди не должны жить. Это не теологический спор, не горячка религиозного экстаза, которая охватила Париж в Варфоломеевскую ночь. Не средневековая жестокость, кровью объединявшая страны и народы. Это хладнокровное убийство для запугивания. Не смейте с нами спорить, не смейте нам противиться. Покоритесь, как овцы на бойне, – может быть, мы убьем вас не сейчас.

И грабили. Взрослых вначале пытали, видимо, чтобы выдали все ценное, только потом убивали. Я видел вырванные ногти, страшные ожоги.

И это сделали полицейские. Те, кто по самой сути своего дела должен защищать, очищать мир от такой мрази.

С этого момента у меня появилась цель. Ответить должны не только исполнители. Ответить должен организатор, тот, кто отдал приказ. Пусть не сейчас, ничего, я умею не спешить.

А шевалье де Брам повезло – он сошел с ума. Тихо слез с лошади, тихо сел на травку и стал тихо хихикать.

– Люси, дочки, пойдете в лес за ягодами! Ну что же вы, скорее! Я знаю прекрасные места! Там такие вкусные ягоды!

Потом вскочил и побежал в поле.

– Догоняйте! А вот и не догоните! Люси, дочки, смотрите, здесь так красиво!

Пришлось связать.

Бедная баронесса, как ей это пережить.

Бедный барон – как он будет ей об этом рассказывать.

Ненавижу! Сколь раз увижу – столь раз убью. Господи! Сколь раз увижу – столь раз убью. Дай мне силы!

Сразу отправили дружинника к ближайшей церкви за священником. С утра отпевали и хоронили крестьян, всех сто двадцать семь человек. Тела де Брамов взяли с собой, де Безье решил похоронить их в семейном склепе.

По прибытии в замок барон пошел к жене один. Вышел примерно через час, позвал меня. Боже, что с женщинами делает горе... Еще вчера передо мной стояла гордая красавица, иронизировавшая даже осознавая опасность. Это я уже ночью выяснил, когда бой кончился. Она даже спать не ложилась и дочерей уложила одетыми – каждую минуту была готова к побегу.

А сейчас лежала на кровати и молилась. И была в ее взгляде такая тоска беспросветная... Сели мы с бароном около кровати, взяли ее за руки, да так и просидели до вечера. Потом меняться стали, как в карауле, – каждые четыре часа. Днем приходили сестры, Гастон, все пытались ее разговорить. Только на третий день баронесса поела.

А на четвертый в Безье прибыл личный адъютант графа тулузского со свитой для проведения расследования. Барон, оказывается, сообщение в Тулузу направил прямо из Брами. Уважаю – как бы тяжело ни было, а свои обязанности он исполнял безукоризненно.

Однако теперь он, как вассал, полностью обеспечивал следствие, а все заботы о баронессе легли на мои плечи.

Я рассказывал сказки, хвастался успехами Гастона, расхваливал дочерей, ругался на распустившуюся без ее присмотра прислугу (попробовали бы они распуститься из-за болезни госпожи). Я кормил ее с ложки, как ребенка, и подавал вино, кстати, великолепный антидепрессант, если бы привыкания не вызывало, водил на горшок – благо этикет этому не препятствовал. Только через неделю баронесса смогла самостоятельно встать с кровати и подойти к окну. В этот день я впервые перепоручил ее слугам, а сам завалился спать и проспал сутки.

Высокая комиссия проработала у нас десять дней и уехала, забрав с собой пленников. Дальнейшей их судьбы я не знаю, как и итогов расследования. Однако, судя по отсутствию какой-либо официальной реакции, ничего нового они не рассказали. Простые исполнители, что им известно?

В результате всех этих событий в наших отношениях с бароном произошли серьезные перемены. Де Безье перестал тыкать и называть меня полковником. Только барон, правда, без господина, и только на вы. Поверьте, это дорогого стоило, если феодал с дворянской родословной в полтыщщи лет признал меня ровней.

И вот в конце июля состоялся судьбоносный разговор.

– Барон, – это он мне, – нам надо поговорить.

– К вашим услугам.

– Два вопроса. Первое – происшедшее в Бrame не должно остаться безнаказанным. Поможете?

– Конечно. Я не ясновидящий, чтобы найти мерзавцев, нужна удача, но все, что в моих силах, – сделаю. Обещаю.

– Вы правильно сказали – только найти. При всем уважении – это дело не ваше. Я должен отомстить лично. И второе. Вам уже шестнадцать лет, ну... в смысле... вы меня понимаете.

– Разумеется.

– В ближайшие дни ваши ровесники со всей Галлии придут в Клиссон для поступления в Бретонскую академию.

Есть здесь такая Военная академия Бретони, куда вся дворянская молодежь поступить мечтает. Причем ведь не единственное военное училище в Галлии, а народ именно в него уперся.

Естественно, не все приходят сдавать экзамены, герцогам, например, в казармах жить не по чину. Но остальные... Вот и наводняют шестнадцатилетние дворяне каждый август небольшой бретонский городишко Клиссон, потом разъезжаются по домам. Конкурс бешеный, а пытаться поступить в эту академию второй раз не принято.

Потому и надлежит мне по достижении шестнадцатилетия поддержать традицию – поучаствовать в этом искусственном отборе.

– Знаю, но у меня-то заведомо нет шансов – из всей магии мне доступно только бросание камнями и зажигание костров. Правда, камни я бросаю далеко и метко, а зажечь могу все, что хоть как-то может гореть, но на этом, извините, все.

Другие требования меня действительно не волновали – на коне держался уверенно, железками тыкать научился, языком владел, математику знал – а чего ее знать, если она здесь на уровне начальной алгебры и евклидовой геометрии. Я же МИФИ закончил, прежде чем погоны надеть.

Теологией занимался упорно, в отличие от большинства местных; классику художественной литературы скрепя сердце освоил – средневековых авторов всегда терпеть не мог. Так что в принципе мог бы и поступить, но магия... Для местных дворян она естественна, как умение говорить, которому вроде никто не учит – само приходит. Потом можно бесконечно совершенствоваться, учить иностранные языки, но если в свое время не научился – все. Это только у Киплинга Маугли остался человеком, а в реальной жизни дети, воспитанные животными, нормально общаться так и не смогли, причем независимо от врожденных способностей.

И я полноценно колдовать не смогу, хотя все моим магическим потенциалом восхищаются – такие броски и такой огонь, как говорят, действительно уникальны, а толку-то.

– Барон, вы не правы, – это опять де Безье, – поступает все равно один из двадцати, здесь смысл в другом. Две недели вы будете находиться среди своих сверстников со всех уголков страны, представителей знатнейших семейств. Это время для завязывания знакомств и приобретения авторитета, возможно даже славы. В мою бытность в Клиссоне шевалье Ануаж, нищий захолустный дворянчик, убил на дуэли сразу трех человек – противника и обоих секундантов, в том числе и своего, тем самым обратив на себя внимание самого короля. В академию не поступил, но был принят при дворе и сейчас возглавляет первую роту королевских гвардейцев – а это одна из влиятельнейших придворных должностей, на уровне первого камер-юнкера, следящего за состоянием королевской спальни.

– Только состоянием? – иронично уточнил я.

– Не только! И вообще, барон, я не слышу в вашем голосе должного почтения! За такой тон и такие вопросы, заданные на людях, без головы можете остаться не только вы, но и ваша семья.

– Извините, учту. И все-таки я не чувствую в себе призвания придворного. Хотя и на самом деле до сих пор не представляю, чем могу здесь заняться. А ведь вопрос о наследовании нами до сих пор не решен.

– Ничего, не горит. Сейчас не это важно. Сейчас главное – ваше вхождение в дворянское сообщество. Вхождение, достойное славного рода, который вы имеете честь представлять. И я не собираюсь пускать это дело на самотек. Тем более что когда-то я служил лейтенантом в полку нынешнего начальника Академии – знатного рубаки и мудрого командира. Вы едете в Клиссон, и это не обсуждается. Я уже внес залог за ваше обучение. Запомните, поколения моих предков поддерживали честь рода, которая незапятнанной должна достаться потомкам, и сейчас она в ваших руках. Будьте верны короне, подчиняйтесь старшим, не позволяйте командовать собой всем остальным. Ни в коем случае не уклоняйтесь от дуэлей, ибо приобрести репутацию труса легко, а избавиться от нее трудно, почти невозможно.

Честно говоря, на этом я перестал слушать, хотя и продолжил почтительно кивать. Вы наставления отца д'Артаньяну помните? Ну так вот, один-в-один. Надеюсь только, коня непонятной масти он мне не всучит. Все-таки семья богатая, приехать старшему сыну де Безье в Клиссон на сивом мерине и с восемью экю в кошельке – не комильфо. Тут уж злые языки по чести рода пройдутся – никакими дуэлями не заткнешь. Так что на этот счет можно быть спокойным.

Важно было другое. Недавние трагические события показали, что Безье в любой момент может оказаться под ударом, и требовалось обеспечить надежный канал связи. Чем я смогу помочь – другой вопрос, но иметь в случае осады лишнего бойца за спинами осаждающих всегда хорошо.

Конечно, скорость доставки почты здесь определяется скоростью коня, но это лучше, чем ничего. Лишь бы почта было надежной. А реформисты наглядно показали, что тактикой диверсионных групп владеют и организовать перехват корреспонденции вполне в состоянии. Поэтому договорились, что в случае нападения помимо барона мне напишет староста одной из деревень нашего феода – человек грамотный, обязательный и непьющий, по местным меркам, конечно.

Затем начался процесс сборов, затянувшийся на несколько дней. Хотя, казалось бы, народ здесь мобильный, на коне много вещей не увезешь, а вот поди ж ты. Больше всех хлопотала баронесса. К ней, по-моему, таким образом жизнь возвращалась.

Лучше взять с собой вот этот костюм, нет – этот, нет – вот тот. Ой, теплые носочки не забыть и теплое белье, ага, в разгар лета на территории Франции просто необходимо –

иначе замерзну, вымру, как мамонт в Якутии. Но ведь не скажешь, приходилось благодарить за заботу, соглашаться, а потом тихонечко выкладывать из багажа.

А покушать взять в дорогу?! Да дай ей волю – она бы телегу со мной отправила с продуктами, вещами, поваром и командой прислуги, чтобы ребенку было удобно. Нет, честно, пыталась уговорить мужа лично отвезти меня в Клиссон в карете. Вот бы набор местных легенд пополнился – прибытие кандидата на поступление в военную академию в карете, с папой и штатом слуг. Долго бы потом народ в тавернах потешался.

Но любые сборы рано или поздно кончаются, и первого августа 1617 года от Рождества Спасителя я выехал из замка Безье покорять мир. Со мной была заводная лошадь, нагруженная небольшой поклажей, и конный слуга – один из отобранных мной и Гастоном мальчишек. Как и все они, был он надежен, смышлен, ловок, обучен грамоте, конной езде и азам фехтования. Но у этого четырнадцатилетнего пацана было огромное преимущество перед товарищами – его звали Планше. Ну вот как я мог отказать себе в удовольствии иметь слугой тезку знаменитого слуги д'Артаньяна?

В отличие от проводов знаменитого гасконца, наше прощание проходило безо всяких слез, потому что, во-первых, я уезжал не навсегда, а во-вторых, все, кроме меня и барона, были убеждены в моем великом будущем. А раз человек едет получить уже готовые для него славу и деньги – чего грустить?

Одет я был в недорогой дорожный костюм серо-коричневых тонов, короткие ботфорты и серую шляпу. На боку рапира, к седлу приторочен сверток с двумя саблями.

К лошади Планше прикрепили два баула с дорожными плащами, запасным бельем и одеждой на выход. Опасаясь не угадать тенденции парижской моды, я выбрал черную шляпу с красным страусовым пером, скромный черный костюм, правда из дорогой ткани и с роскошными кружевными воротником и манжетами, зато пояс и перевязь были украшены богатой серебряной вышивкой – состояние семьи надо демонстрировать.

В дорогу барон выделил мне аж тысячу экю, а это около четырех килограммов золота – мечта карманника. Поэтому девятьсот экю были положены в галлийский военный банк. Потом в Клиссоне предъявлю вексель в местное отделение банка и смогу пользоваться деньгами. Очень удобно и надежно – подделать или отобрать вексель нельзя – магия, однако.

Оставшиеся сто экю я предусмотрительно спрятал за пазуху. Вообще-то их носили в кошеле, прикрепленном к поясу, но образ провинциала из французских фильмов, бессмысленно хлопывающего себя после встречи с городскими воришками, прочно сидел в моей памяти.

Вот в таком виде рано утром мы и покинули стены ставшего для меня родным замка Безье.

Письмо, которого Жан не читал

«Дорогой друг!

Как мы и договаривались, наш общий знакомый первого августа покинул замок Безье и направился в Клиссон. Должен отметить, что за это время он показал себя наблюдательным человеком и решительным командиром. Вся наша семья до сих пор жива только благодаря ему, но подробности я расскажу при личной встрече, поверь, доверять их бумаге не следует.

Тем более что пишу я по другому поводу.

За время нашего знакомства этот человек стал неплохим наездником, уверенно может управлять любой, самой сноровистой лошадью, хотя чемпионом в скачках ему не быть.

Прекрасно владеет каталонской рапирой и саблей, в то же время боевую шпагу использует лишь для уколов.

Прекрасно знает математику. Я в ней не силен, но наш учитель, по-моему, уже давно сам берет у него уроки.

Крепок в вере, за это время без важной причины не пропустил ни одной службы. Отец Гюстав от него в полнейшем восторге – лучшего ученика по теологии у него никогда не было – и внимательный, и трудолюбивый, и думающий – никогда не знал, что в этом деле думать надо! В то же время разговоры о принятии сана пресекает на корню – говорит, что слишком женщин любит. А сам за это время ни с одной – представляешь? Вот как это в нем сочетается?

Романы читает, но явно без удовольствия, только чтобы при случае разговор поддержать.

Зато рассказчик знатный. Какие истории он дочерям рассказывает, да что дочерям – баронесса их слушать ходит, и, пока дочери не заснут, я о своей жене только мечтать могу!

А недавно спел мне песню – я такого в жизни не слышал! Это же про нас, про рыцарей! Он, правда, сказал, что это придумали, ну ты знаешь где, а он только перевел, но мне-то что с того! К сожалению, я слов не запомнил, а второй раз он отказался петь – сказал, что перевод надо сделать лучше.

Определенно имеет опыт и знания в хозяйских делах. Избил моего управляющего за воровство, а потом предложил ему какие-то счетоводческие новшества, так этот битый злыдень на нашего друга теперь молиться готов!

И главное – о магии. Сила у него колоссальная, а все без толку. Умеет лишь камни бросать да огонь зажигать. Правда бросает и зажигает так, как никто не может, но дальше не продвинулся и, я думаю, уже и не продвинется. Ни одного самого простейшего заклятия у него не получается.

Вот, пожалуй, и все о нем. Надеюсь, это письмо поможет тебе в реализации наших договоренностей.

С пожеланиями здоровья, богатства и удачи, твой преданный друг барон де Безье».

Разговор, которого Жан не слышал

– Рад видеть вас, лейтенант. Наслышан о ваших подвигах. О славных победах при Безье и Бrame судачат во всех тавернах Монпелье, и я даже боюсь себе представить, что о них говорят в Тулузе и Париже. Вся армия и флот Эдмонда, весь клир ортодоксов не в состоянии навредить нашему делу больше, чем умудрились вы. Мы пригласили вас как лучшего специалиста, заплатили колоссальные деньги.

Вы имели все – средства, информацию. Мы снабдили вас такой магической поддержкой, какая есть только у королей. И что же мы получили в результате?

Часть ваших людей погибла, а ведь они не ангелы бесплотные, у них здесь остались родственники и друзья, при грамотном розыске их можно найти. А если с ними смогли провести посмертный допрос?

Более того, несколько ваших людей оказались в плену! Через несколько дней они будут в Париже и расскажут Высокому суду все, что им известно о нашей роли в этом деле. Как от этого отмыться прикажете? Да с такими козырями на нас можно будет поднять всю Галлию, а сколько наших же братьев отвернется от нашего дела!

А всего-то нужно было – очистить от скверны одну деревушку без охраны и один замок, возглавляемый никогда не воевавшим лопухом и охраняемый никогда не служившими в армии ротозеями!

– Ваше преосвященство, должен заметить, что мы сделали все, что было предусмотрено планом. Абсолютно все. Даже взломали ворота замка. Но нас там ждали! Наши люди напоролась на засаду! Наши воины, в компетенции которых вы не раз могли убедиться, были порублены, как овцы на бойне! Откуда в замке такие бойцы? Численное преимущество местных олухов действительно не могло иметь решающего значения, к тому же атака должна была стать внезапной, именно на этом, как вам известно, строился весь план. А стрелы, которыми были сражены шестеро моих людей! Боже, в наше время и стрелы – кто сейчас о них помнит? Нет, клянусь вам, нас не просто ждали. В замке были люди, специально обученные противодей-

ствовать нашей тактике. Ищите скверну здесь, монсеньор. Ищите, кто сообщил ортодоксам о нашем рейде!

– Где сейчас ваши люди?

– Находятся в расположении отряда, контактов ни с кем, кроме меня, не имеют. И еще, не волнуйтесь по поводу допросов моих людей. Пленники умрут буквально через два часа, я об этом позаботился, обеспечив их необходимыми заклятиями. Как вы знаете, провести посмертный допрос можно только в течение часа после смерти. А в замке присутствует только один маг – это сам де Безье. Но он не владеет этой техникой. Его сыновья просто щенки, которые может быть когда-нибудь станут магами, если у них хватит ума и терпения для учебы. Кстати, вы ведь тоже пытались привлечь на свою сторону старшего сына барона. Как видите, монсеньор, у всех бывают неудачи.

Зря лейтенант вспомнил о попытке завлечь Жана Огюста де Безье в стан реформистов, а после неудачи – убить его. Именно это определило окончание разговора.

– Что же, ступайте, лейтенант, я сообщу вам о своем решении. Эй, секретарь, письменные принадлежности мне!

А вот последнее предложение было сигналом. Монсеньор Руади, верховный пастыр реформистской церкви в Монпелье, был очень ранимым человеком. Не мог видеть людских страданий, не терпел вида крови. Он с величайшим трудом заставлял себя присутствовать на казнях, свершавшихся по его приговорам, и если можно было не смотреть на смерть – всегда пользовался такой возможностью. Сигнал означал, что неудачливого лейтенанта надлежит зарезать за уже закрытыми дверьми. Кстати, как его звали? А, неважно. Кто помнит неудачников?

А вошедшему секретарю было сказано следующее.

– Он был идиотом. Если бы ортодоксы знали о нашем плане, они перехватили бы отряд перед Брамом. Хотя, если им сообщили только о конечной цели... Приказываю провести полную проверку всех, кто мог иметь хоть какое-то отношение к операции. При малейшем подозрении – отправлять в нашу башню, пусть палачи порезвятся. Подчеркиваю – всех и при малейшем подозрении.

Далее, всех вернувшихся из рейда объединить еще с двумя десятками солдат в отряд и направить в пограничные горы для сторожевой службы. Главное, чтобы до завтрашнего вечера весь отряд погиб. Семьи сегодня же должны отправиться в монастырь молиться за их упокой. Ничего, что молитва начнется раньше смерти, я лично этот грех замолю. Зато никто не свяжет происшедшее в Бrame и Безье с пропавшим отрядом.

А этот лейтенант задал правильный вопрос – почему до сих пор жив старший сын де Безье?

– Ваше преосвященство, как вы знаете, два года назад мы пытались его устранить, и он должен был умереть еще тогда. Но в последний момент к барону приехал личный врач королевы-матери и умудрился его спасти, хотя всегда считалось, что от заклятия ласточки нет спасения. А с тех пор он ведет себя крайне осторожно, никогда не покидает замок без охраны. Тем не менее, если будет ваша воля, мы можем решить вопрос в любой момент, но вот только сделать это скрытно никак не получится.

– Ладно, пусть пока живет. Да, и все-таки, Жабер, примите меры, выясните, черт побери, что же произошло в Безье! Из-за всей этой истории наши планы заморожены лет на пять, а это очень плохо!

О судьбе лейтенанта монсеньор даже не спросил – его приказы всегда выполнялись точно и в срок.

Глава VI

Кратчайший путь в Клиссон пролегал через небольшой город Кастр. Однако барон в категоричной форме запретил даже думать об этом маршруте. И неважно, что другая дорога длиннее на тридцать километров, главное – Каркассон, основной город на этом пути, оплот истинной веры. А вот Кастр, как и Монпелье, принадлежит реформистам, и нечего лишний раз искушать судьбу и волновать баронессу.

Как обычно, барон был прав. Я тоже не искатель дорожных приключений, звон стали и грохот выстрелов меня ни разу не привлекают, поэтому мы с Планше и поехали этой длинной, но спокойной, как нам казалось, дорогой.

И действительно, первое время все шло прекрасно. Яркое солнце, воздух, наполненный ароматами южных лесов и моря, красивейшая природа – все в пути навевало мысли мирные и светлые, будущее рисовалось безоблачным, как небо над нами. Даже клопы в сельской таверне, где мы остановились на ночь, воспринимались как противная, но мелкая неприятность.

На второй день на подъезде к Нарбонну нас нагнал молодой дворянин, следовавший в Тулузу. Шевалье де Трелан умудрялся быть модником даже в простой дорожной одежде. Сergy с огромной жемчужиной в правом ухе и небольшая косичка у левого виска говорили без слов – этот человек не может иметь с реформистами ничего общего.

Де Трелан предложил продолжить путь вместе – так и безопаснее и веселее. Заночевали в Нарбонне, а вторую ночевку запланировали в деревушке Фонкуверт и всю дорогу весело болтали что называется «за жизнь». Точнее, говорил в основном де Трелан. В свои двадцать лет он умудрился объездить половину Галлии, побывать и в Островной империи и в Савойском герцогстве, а наблюдательность и искрометное остроумие делали его блестящим рассказчиком. За полтора дня, которые мы потратили на дорогу до Фонкуверта, я узнал столько интересного об этом мире...

В Фонкуверт приехали достаточно рано и расположились в гостинице при деревенской таверне. Планше, совершенно помешанный на женщинах, немедленно убежал ухаживать за кокетливой служанкой, а мы де Треланом, как и подобает степенным дворянам, спустились поужинать.

– Барон, вы счастливчик! – начал разговор шевалье. – Через несколько дней вы будете в Клиссоне, когда-то поступление в Академию Бретони было моей заветной мечтой. Предлагаю выпить за вашу удачу!

Вино оказалось на редкость приятным для деревенского трактира, так что де Трелан немедленно вновь наполнил бокалы и приготовился говорить следующий тост, однако я его опередил.

– Шевалье, расскажите, как проходили экзамены, поделитесь опытом.

– А никак не проходили. У отца не было денег на залог, так что пришлось обойтись без образования – только опыт службы. Но почему мы не пьем?! Давайте выпьем за дорогу! За эту благословенную дорогу до Тулузы, которую мы проедем вместе. Пусть она будет легкой и спокойной! – И он так залихватски выпил – практически одним глотком, красиво взмахнув опустошенным бокалом, что не поддержать его было невозможно.

Однако за полтора дня нашего знакомства я не отметил какого-либо пристрастия де Трелана к алкоголю. Когда мы остановились на предыдущую ночевку, он выпил только бокал сильно разбавленного вина. А сейчас вроде как собирается надраться, причем явно подталкивает к этому и меня. А много ли надо шестнадцатилетнему мальчишке? Странно. Попробуем подыграть – добавим в голос пьяной дури.

– Это несправедливо! Дружище, такие люди, как вы, должны командовать! Я вижу в вас талант командира, такие люди нужны Галлии! Вы ведь уже служили, я прав?

– Почти, барон. Я действительно служил, но не королю. Давайте выпьем еще, и я расскажу о своей службе – без этого рассказ не получится.

Конечно, пили мы под хорошую закуску, но третий бокал подряд мог запросто свалить меня под стол, так что отказ выглядел вполне естественно, вроде как я уже пьян. Собеседник, что характерно, тоже пить не стал – значит, собственное опьянение в его планы не входит. Такое вот алкогольное фехтование получилось.

– Что, больше не можете? Эх, молодость, не тот нынче курсант пошел. Хотя вы еще не курсант, вам простительно.

– Шев-валье, в-вы грозились рас-кзать...

– Ах да! Я действительно служил, только в дружине Монпелье.

– Не в-верю, – я пьяным жестом указал на его серьгу, – с таким украшением и у реформистов – не верю!

– А вы наблюдательны, мой юный друг. Правильно, серьгу я надел только два дня назад, вон, даже опухоль на ухе еще не спала. Тогда же и косичку заплел.

– А почему? Контракт кончился? Не могли же реформисты выгнать такого орла! – я с улыбкой идиота уставился на него.

– Я сам уволился, и, вы можете не верить, но из-за вас.

– Из-за меня? А что я сделал?

– Лично вы – ничего, но эти скоты организовали нападение на Безье и Брам. После этого я отказался служить под их знаменем!

– Сволочи! – я со всей силы грохнул кулаком по столу. – Шевалье, я был там, я видел. Скажите, кто и зачем это сделал, и я навеки буду вашим самым преданным другом! Умоляю, скажите!

– К сожалению, имен я не знаю. В Монпелье всем заправляет глава церкви преподобный Руади. Он набрал себе личный отряд, причем не из военных, а из полицейских, который использовал для каких-то темных дел. Ходили слухи, что эти мерзавцы убивали его врагов, грабили их дома... Представляете полицейских, которые грабят и убивают? Они, конечно, все мразь, но не настолько же! И вот достойный финал их службы – весь Монпелье знает о кровавой резне в Бrame и нападении на ваш замок! Я не желаю служить убийцам детей, я уволился! И знаете, как со мной рассчитались за год безупречной службы? Кинжалом в спину! Слава богу, что не попали в сердце и что я умею зализывать свои раны, но поверьте, эта рана болит до сих пор и будет болеть еще долго. Тот самоубийца знал, как бить.

– П-почему самоубийца? Он же вас...

– Как раз поэтому. Только самоубийца может напасть на меня с кинжалом! Впрочем, я, кажется, хвастаюсь, а это недостойно дворянина.

– Но где этот отряд сейчас, как его найти?

– Некого уже искать. Отряд в полном составе погиб где-то в Пиренеях. Это, конечно, по слухам, но вот точно – все их семьи в полном составе выехали в реформистский монастырь. Причем под конвоем – я эту картину сам видел. Так что из всех виновных сейчас жив только главный – монсеньор Руади. И еще, лично для вас. Однажды я дежурил в приемной Руади и случайно услышал разговор двух посетителей. Они говорили, что два года назад к вам, по приказу преподобного, было применено заклятие ласточки. Знаете, что это такое?

– Не знаю. Или не помню, но Руади все равно г-гад!

Я по-прежнему изображал пьяного придурка, а сам пытался составить словесный портрет собеседника. И ничего у меня не получалось. Рост – средний, телосложение – спортивное, волосы – русые, глаза... Вот только глаза... они серые, но правый немного темнее... нет, показалось, просто игра света. Особенности речи? Сам не настолько владею галльским... Да, искать шевалье можно долго – никаких ярких примет. Снимет серьгу, распустит косичку и все

– абсолютно непримечательная внешность, идеальный шпион. Конечно, грамотный словесный портрет всегда индивидуален, но вот не помню я, как он составляется, забыл...

– Барон, я настаиваю, чтобы мы выпили за скорую смерть этого Руади, убитые в Бrame должны быть отомщены!

– Согласен! Ой, извините, мой друг, но мне надо выйти. И срочно...

Ну конечно надо! Надо отдать приказ Планше, чтобы был наготове – после этого разговора необходимость в побеге может возникнуть в любую минуту. И расслабляться до Тулузы нельзя – не случайно мы встретились, искал меня де Трелан, точно искал, а зачем – потом подумаю, когда протрезвею.

Планше облом своих амурных планов воспринял стоически, сразу перешел в обеденный зал и расположился в уголке ждать распоряжений, заодно заказал поесть и выпить. А я вернулся к шевалье и только сел за стол, как в зал вошли пятеро вооруженных мужчин, одетых во все черное, как принято у реформистов. Они остановились около нас и достали рапиры. Один из них обратился к де Трелану:

– Ну что, добегайся... – а договорить не смог – шевалье, который как раз кинжалом разделявал каплуна, невероятно быстрым и точным движением перерезал ему горло. Дальше началась драка. Не киношная, с красивыми выпадами и элегантными стойками, а реальная – жестокая и рациональная.

Я говорил, что за два года научился неплохо фехтовать? Забудьте! Рядом с де Треланом я никто и звать никак. На него напали сразу трое – и безуспешно. Шевалье двигался быстро и точно, ни одного лишнего движения, ни на мгновение не останавливаясь, противникам ни разу не удалось атаковать его одновременно. Выверенные защиты и уклоны, уколы только в шею и низ живота – места, которые невозможно прикрыть скрытыми латами. Он явно не хотел ранить – только убить.

А я ничем не мог помочь – один из нападавших держал рапиру у моей шеи. Я просто не знал, что делать. Тупо смотрел на бой, надеясь на судьбу, словно баран перед закланием. Как в пылу драки де Трелан умудрился оценить мое положение, не могу понять до сих пор! Но он сумел отскочить в сторону, вложить кинжал в ножны и бросить заклятие. Я заметил, как левой руки шевалье сорвался маленький красный шарик и ударил в бок моего противника. Не убил, но заставил отвести рапиру в сторону – этого хватило для разрыва дистанции. А дальше Планше сзади запустил кувшин с вином точно в затылок супостата, и это был нокаут.

– Спасайтесь, барон, здесь я разберусь сам! – прокричал де Трелан, вновь атакуя врагов рапирой и кинжалом. – Вы мне не поможете, только помешаете! Уезжайте немедленно!

И мы с Планше бежали. Неблагодарно? Хуже, мы трусили. По крайней мере, я. Вроде как выполнил приказ, но это лишь отмазка для совести. Себя не обманешь – именно трусил. Способность мыслить здраво вернулась только на выезде из деревни.

– Планше, бери лошадей, спрячься за домами и жди меня. Я вернусь, возьму с собой пару пистолетов.

Да, кем бы ни был де Трелан, но жизнь он мне спас, значит, надо ему помочь, если не поздно.

Оказалось – поздно. На подходе к трактиру я увидел, как шевалье спокойно вышел, сел на коня и уехал. Только не в Тулузу, а назад, в сторону Нарбонна.

Как выяснилось, четверых нападавших он убил, выжил только тот, кого Планше кувшином вырубил. Да, перед отъездом де Трелан рассчитался с трактирщиком не только за себя, но и за нас, и за разбитую посуду и поломанную мебель – прямо рыцарь без страха и упрека. Только вот не все так просто. Однако на серьезный анализ я в тот момент не был способен – сказался возраст и выпитое вино. С грехом пополам вернулся к Планше, мы отъехали подальше от деревни и завалились спать под открытым небом.

Утром голодные, но живые и здоровые, продолжили путешествие. Выпитое накануне уже выветрилось, и я смог спокойно проанализировать вчерашний разговор. Получилось следующее. Если де Трелан после драки поехал назад, значит ни в какую Тулузу он и не собирался. Следовательно, искал встречи именно со мной, чтобы сказать... что? Что все нападавшие погибли и в живых остался только организатор – преподобный Руади? Мстите ему, бароны Безье, и забудьте про остальных? Возможно, так и есть, но тогда почему не рассказать все самому барону? И даже меня де Трелан предварительно напоил. Ответ один – барон и его сын могли увидеть нестыковки, которых не вижу я. Заклятие ласточки – что это? Может, суть в этом? Может, именно из-за него погиб сын барона?

Ладно, отпишу де Безье об этом разговоре, пусть проверяет. Но что за личность этот де Трелан? Человек без всяких примет, человек-никто, который дерется как черт. А ведь это уже примета! Много ли найдется искусных фехтовальщиков с настолько невзрачной внешностью? Не знаю, но есть хоть что-то, что можно отложить в памяти.

И эта его фраза «не тот нынче курсант пошел» – наверняка от выпитого проговорился. Во-первых, курсанты только в Академии Клиссона, в остальных военных училищах – кадеты. Во-вторых, откуда ты знаешь, какими они были, если сам даже на экзамены не приезжал? Вот интересный вопрос, но чтобы найти ответ, надо поступить. А ведь я за этим и еду!

Глава VII

Поговорим о Клиссоне в августе.

Я москвич, меня невозможно поразить столпотворением. Зато можно поразить вонючим столпотворением.

Только представьте – по российским меркам даже не городишко – большое село с населением около тысячи человек. И в него в один момент набивается порядка пятисот дворян, многие со слугами, все на лошадях, которые, как и люди, не только жрут и пьют. Мыться не просто негде – это вроде как даже дико – мы ж не варвары, чтобы в воде плескаться – элита! Нужду справляют прямо на улицах, хорошо, если потом дождь смоет, а дождя-то и нет, зато жара под тридцать есть. И спадать явно не собирается. Постоялые дворы переполнены, скученность неимоверная, все на нервах. Драки постоянные. Убивают редко – на то и рапира, чтобы скорее ранить, но работы врачам хватает. Их сюда короли лично каждый год командируют, для сохранения дворянской породы, так сказать. Врачи-то не простые – маги, они такие раны лечат запросто, если успевают, естественно.

Ну а я договорился с крестьянской семьей в ближайшей деревне ночевать у них на сеновале, а что – и тепло, и мягко, и клопы не кусают, которыми гостиницы полны. Да еще нам с Планше и еду поставляют – хлеб, молоко, каша – много ли нам надо? Хозяева оказались люди серьезные, аккуратные, мой дорожный костюм в порядок привели, отстирали. Дочку еще предлагали – но я отказался, вроде как мне неуместно. Зато Планше оторвался...

И так устроился не я один. Проблема в том, что остальные постояльцы крестьянских дворов – представители обнищавших родов. Они здесь как бы вынужденно. Соответственно, поэтому и отношение к нам сверху вниз. С другой стороны, я лишний раз в город стараюсь не соваться – противно. Потому и оскорблений не вижу. А соседи туда каждый день тусоваться ездят, возвращаются злые, часто раненые, а иногда и битые – высокородным шпагой бывает лень махать, они порой изволят местным приказать палками нищету проучить.

Однажды я сам был свидетелем, как какой-то высокородный вызвал на дуэль моего соседа. Только вместо того чтобы доставать оружие, натравил на бедолагу компанию своих прихлебателей, которые тоже за оружие хвататься не стали – сбили человека в грязь, ногами пинать собрались. Хорошо мы в город компанией выехали – отбили товарища кулаками, не допустили его позора. Жаль, зачинщик успел скрыться – очень уж нам хотелось и ему в рыло насовать.

Но наша общая цель не город – замок. Старинный замок, который когда-то давно от каких-то не то графов, не то маркизов в собственность короны перешел. Вот в нем академию и организовали. У курсантов каникулы, и сейчас все в Клиссоне заточено на отбор тех счастливых, что в сентябре наденут желтые плащи, на манер мушкетерских – форму местных курсантов.

Для начала надо было зарегистрироваться в местной приемной комиссии. А дальше условия приема каждый год меняются. В этом сдавались письменно математика и стихосложение! – обалдеть. Прошедших потом две недели будут проверять на профпригодность в условиях казарменного положения. И никаких экзаменов по магии! Интересно – почему?

Первой была математика, которую сдавали аж в пять потоков. Я попал в последний.

Поскольку кушать хочется, пришлось идти в местную таверну, которая по запаху не сильно от сортира отличалась. Пока дошел – все ботфорты в дерьме изгваздал. Сел за неожиданно чистый стол, заказал еду, но пока ждал – нос сильно морщил, запах-то от ботфорт никуда не делся. А здесь это повод для драки оказался самый превосходный. Я же мало того, что у крестьян ночую, так еще в дорожном костюме, пусть и вычищенном и отглаженном, в самый дорогой трактир зашел – потрясение основ непростительное. И какой-то благородный прыщ

стал немедленно меня задирать. Причем достаточно примитивно. По части утонченных гадов ему явно есть куда расти, хотя какие его годы.

– Трактирщик, почему у тебя по столам вшивые коты бегают?!

– Что вы, ваша честь, у нас приличное заведение. У нас никаких котов в зале никогда не бывает.

– Как это не бывает – а это что? – и пальцем в меня тычет. Причем стоит-то рядом и норовит, сволочь, в глаз попасть. А вокруг народ подхихикивает. Видимо, вокруг этого заведения тут целая команда сложилась. Или парень безмерно родовит, либо имеет врожденные качества лидера. Впрочем, возможно и то и другое.

– Убрать эту мразь немедленно! – А вот уже серьезно. Трактирщик же не знает, кто я такой, – потому связываться не хочет, но и прыща боится до дрожи в коленках.

– Я сказал убрать, или мы опять тут порядок наведем! – Так, ясно – сейчас они начнут эту харчевню разносить вдребезги пополам, а мне от драки в любом случае не уйти. Ну, извини, парень, я тебя за язык не тянул.

Вот в чем я местных всегда на голову превосходить буду – это в безоружном бою – ему здесь просто никого не учат. А грамотный апперкот, да точно в подбородок, да неожиданно – отправляет спать крепко и надежно. И стоит клиент очень хорошо – слева и рядом.

Резко встаю – нна! Немая сцена. Такого точно здесь никто не ждал. По их правилам, я должен был нахамить в ответ, потом выйти во двор и, прыгая в дерьме, начать размахивать железякой! Ага, сейчас, у нас в Марьиной Роще таких до фига на задворках прикопано.

А так товарищ лежит смирно, остальные стоят, но, что характерно, молча. Мало ли что я еще отчубучу? И вот этот момент растерянности упускать нельзя. Достая золотой:

– Трактирщик, всем вина и вызови врача! И где мой заказ?

Вот это народу понятно – побитый пускай сам свою честь восстанавливает, – все-таки удар по морде – оскорбление несмыслаемое. Зато все остальные при деле. Экзамен еще впереди – эт хорошо, эт здорово, эт мы дойдем, на худой конец доползем, но сдавать будем! Или зря сюда ехали?!

Врач бедолагу быстро в чувство привел. Ну и ладушки. Ну и пусть он смотрит на меня, как Ленин на мировую буржуазию. Пока всем не до нас – посадил его за стол.

– Ты кто такой, герой?

– Шевалье Дезире, к вашим услугам, – он попытался вскочить – не получилось.

– Какие услуги – тебе неделю головой трясти нельзя – помрешь неотомщенным. Ты в каком потоке?

– В четвертом.

– Ну, хоть время есть мозги в кучку собрать. Ты чего в драку полез?

– Это ты в драку, а я хотел тебя, как положено, клинком заколоть.

– А зачем?

Дезире даже закашлялся от удивления.

– Ты что, совсем тупой? Не знаешь, как дворянин честь блюсти должен?

– Знаю, видел, как ее здесь блюдут – прихлебателям просто избивать неугодных приказывают. Думал, ты из таких, потому и кулак в дело пустил.

– Ты прав – был здесь один такой граф, – шевалье понуро кивнул. – Только его вместе с этими прихлебателями еще вчера из Клиссона выгнали – даже до экзаменов не допустили. Такие в Академии ни с какими титулами не нужны.

– Не знал. Извини, если хочешь, поправишься – скрестим шпаги. Но до этого я вроде тебя не задевал – чего хамить начал?

– Неважно! Мне отец перед отъездом сказал, что чем больше я буду драться, тем большего достигну! Дуэль – вот единственно верная дорога дворянина к славе и богатству! – в подтверждение своих слов Дезире крепко ударил кулаком по столу.

- Хорошо, насчет славы понятно, а с богатством у тебя как?
- Как у всех четвертых сыновей.

Ясно, дворянин шпаги, обыкновенный. Папаша сыновей настругал, а наследством обеспечить не смог, зато голову им задурил по полной. Из таких четверть гибнет на дуэлях, четверть на войне и только единицы добиваются достойных постов. Зато именно их потом папаша тычет своим детям как пример для подражания, как д'Артаньяну – де Тревиля.

– Вот объясни мне, сейчас у тебя действительно есть возможность изменить свою жизнь. Другой такой может никогда не быть – какого черта ты ей рисковал? А если бы я достал рапиру и проткнул тебя – врач мог ведь и не успеть.

Дезире задумался, а потом ворчливо сказал, явно стремясь закончить разговор:

– Ладно, пойду я, – и начал неуверенно подниматься.

– Сиди уже, время есть, потом пойдем вместе. Ты хоть поел сегодня? – А вот тут нюанс этикета – от дармовщины отказываться не принято. Жить на содержании у женщины или принять угощение у незнакомца – никакого ущерба чести. И это правильно. Потому что таких нищих Дезире в стране пруд пруди, оторви их от халявы – вымрут с голодухи как класс.

Так что согласился мой враг, даже повеселел. А готовили в таверне превосходно, я такого, честно, не ожидал – наелся от пуза.

Так что в положенный час пошли мы с Дезире к замку. Ну как пошли – повел я его, все-таки от нокаута быстро не отходят. Он отправился восхищать мир своими знаниями, а я еще два часа лежал на полянке, любовался птичками и следил, чтобы никто рядом со мной гадить не сел – простые тут нравы, незамысловатые.

Сам экзамен описывать не буду – экзамен как экзамен, только шпаргалкой не воспользуешься и с соседом не посоветуешься – магия все-таки. Я только не понял, кого они этими заданиями отсеять собрались? Я, конечно, понимаю, что у науки путь впереди долгий и интересный, но задачки-то придумать и позаковыристей можно было. А то скучно, ей-богу.

Решил я все первым, но продолжил сидеть, морща лоб и задирая к небу глаза, чтобы не выделяться на общем фоне – ни к чему привлекать к себе повышенное внимание. Сдал работу восьмым, позже нельзя – вдруг экзаменаторы и скорость решения учитывают.

Через день пришел на стихосложение. Сразу зачитали результаты предыдущего экзамена. К моему удивлению, отсеялось больше половины. Причем никто не выглядел расстроенным – явно народ приезжал на тусовку, без особых надежд на поступление.

Дезире, кстати, тоже прошел.

Оставшихся кандидатов разбили на три потока и, по закону подлости, я угодил в третий. В этот раз решил судьбу не искушать, послал Планше за обедом в тот же трактир, благо погода была солнечная, и поели мы на природе без проблем и конфликтов.

А этот экзамен меня приятно удивил.

За два часа надо было в стихотворной форме написать письмо к женщине, в которую безответно влюблен. 40–50 строк. Вспомнилось «Что же касается бедер, благородный дон, то они необыкновенной формы. Как это сказано у Цурэна... М-м-м... Горы пены прохладной... М-м-м... Нет, холмы прохладной пены... В общем мощные бедра»¹⁴. Да, здесь такое поймут, но явно не конкретно сегодня.

Впрочем, в замке я баловался переводом русских стихов, как упражнением в галльском. Даже перевел «Балладу о борьбе» Высоцкого. Перевел явно плохо, но барону и Гастону понравилось. Попробую пойти тем же путем.

Что я помню наиболее близкое к теме?

Есенин, «Письмо к женщине»... Пожалуй, нет – слишком много заменять про советскую сторону, да и про мир, направленный в гущу бурь и выюг. Не поймут, а поймут – не одобряют.

¹⁴ Цитата из книги братьев Стругацких «Трудно быть богом».

Что же – остается начало лермонтовского «Валерика», как там: «Я к вам пишу, случайно право, не знаю, как и для чего...», ну, поехали...

Закончил, что интересно, одним из последних. Видимо, крепкие здесь рифмоплеты.

Порадовало то, что вечером у моего сеновала остановилась закрытая карета, и в ней приятный баритон продекламировал: «Я к вам пишу, случайно право, не знаю, как и для чего...». По окончании слышались характерные скрипы и ахи.

Оборотистые здесь экзаменаторы, внушает.

Результаты этого экзамена объявили только через два дня. Видимо, споры военных искусствоведов были жаркие.

К дальнейшим испытаниям допустили ровно сто человек, меня в их числе. Дезире ходил гоголем, сияя как золотой экю – он тоже попал в заветную сотню.

На этом моя вольная жизнь заканчивалась как минимум на две недели. Это время Планше проведет в городе. Если в течение четырнадцати дней я не выйду из замка, он садится на лошадь и едет в Безье с радостной вестью, что они меня теперь два с половиной года точно не увидят. Если выйду – мы едем вместе.

Осталось освободиться от имущества. Лошадь в конюшню, там есть кому о ней позаботиться. Вещи – в кладовку, оружие – в оружейку. Все, готов служить.

Сто человек разбили на четыре взвода по двадцать пять кандидатов. Через две недели останется только один взвод – он же курс набора 1617 года. Живем в палатках по пять человек – нечего абитуриентам поганить общаги избранных. Но уже непосредственно на территории замка Клиссон.

Замок построен на высоком крутом берегу реки. Две линии мощных крепостных стен когда-то были окружены глубоким рвом, от которого сейчас не осталось и следа. В крепостных башнях расположены хозяйственные помещения. В пятиэтажном надвратном донжоне и состоящем из двух башен пятиэтажном внутреннем донжоне оборудованы учебные залы и административные помещения. Два верхних этажа надвратного донжона выделены под жилые апартаменты начальника школы. Офицеры-преподаватели и обслуживающий персонал проживают в городе.

Отдельно внутри замка построено общежитие курсантов, снаружи выстроены конюшни и казармы для роты охраны. Преподаватели, охрана, обслуживающий персонал – все мужчины.

С первого дня двухнедельных тестов у нас начался курс молодого бойца во всем его великолепии, включая мытье полов, наряды на кухне и подъем на время. Только что окурки не хоронили – нет здесь табака.

Как ни странно, ни одна графская морда грязной работы не чуралась. Видимо, понятие о воинской службе у молодых дворян было правильным. А вот нагрузки выдерживали не все. Все-таки одно дело на лошади скакать, к этому здесь народ привычный, а вот кросс по пересеченной местности – это не по паркету шаркать. Здесь и навык, и терпелка нужны, командиры задавали темп, который только на зубах выдержать можно. И вот на этом высокородные посыпались. Негде им было эту злость воспитывать, когда через не могу бежать надо. В этом плане у меня преимущество – меня-то жизнь была по-всякому, мне не впервой.

Правда, где не хватало злости, спасал гонор. Отстать, а уж тем более безнадежно отстать, признать себя слабее других?! Нет, такого дворянин не мог себе даже представить. Вот и рвались вперед кандидаты из последних сил, так что после кросса многих буквально рвало, но никто ни разу их за это не упрекнул. Грязные, в порванной от многочисленных падений одежде, эти титулованные мальчишки упрямо стремились вперед.

Что же, люди с сильным характером всегда являются надежной опорой своей страны, ее движущей силой. Наверное, это и является одной из целей направления в Клиссон молодых дворян. Даже не поступив, они получают серьезный урок победы над собой. А совместное преодоление таких преград поневоле протягивает между ними нити взаимной приязни, не зави-

сящие от положения в обществе, которые в будущем могут перерасти и в крепкую мужскую дружбу, и в надежные деловые и политические партнерства.

Однако никто не пытался помочь отставшему товарищу. Из вялых разговоров в перерывах я с удивлением понял, что дело здесь было вовсе не в конкуренции. Просто так не было принято. Каждый должен выполнять свои обязанности. А что в это время с товарищем – пусть командир смотрит. Как я узнал впоследствии, это приводило в реальных сражениях к чрезмерной зависимости армейских подразделений от командира, гибель и даже серьезное ранение которого слишком часто означало гибель его подчиненных.

Вторая проблема – сдержанность при ругани командиров. Ругаться здесь умеют – до костей пробирает. Могут и отца с матерью всячески вспомнить, и по фамильной истории пройти, а сорвался – пожалуйста домой. Ибо офицер, не умеющий себя контролировать в конфликтной ситуации, опасен для армии.

Причем я точно знал, что в других училищах такого прессинга нет. Кого же готовят в Клиссоне?

Очень интересно происходил отсев на занятиях по фехтованию. Вот фехтует человек уверенно, имеет явное преимущество перед другими, а отсеивают именно его. Заинтересовался, присмотрелся внимательно и заметил, что отсеивали по тому же принципу – неумение контролировать эмоции. Человек мог побеждать за счет лучших навыков, но если при этом в ходе поединка он терял голову или впадал в неуправляемую ярость – все, он признавался негодным для обучения.

Отдельно проверяли память, короткую и длинную. Например, перед кроссом зачитывали текст и просили поступающего повторить. А после кросса просили повторить еще раз.

Проверяли зрительную память и координацию, вестибулярный аппарат и умение мыслить при физических нагрузках. Мне запомнился интересный тест – бегут абитуриенты кросс, рядом с каждым – преподаватель, который заставляет решать на бегу математические задачи, которые постепенно усложняются.

Результаты, видимо, оценивались комплексно, потому что самый большой отсев произошел в последний день – отчислили пятьдесят шесть человек, в том числе и Дезире.

Я остался учиться.

Подождал Дезире, ожидая увидеть расстроенного человека, упустившего золотую птицу. Однако его физиономия светилась от счастья,

– Шевалье, позвольте выразить вам свое сочувствие – отсеяться в последний день, наверное, безумно обидно.

– Что вы, барон, меня же теперь без вопросов возьмут в любое военное училище! Отсевшиеся в последний день в Клиссоне – это элита армии, для меня теперь все двери открыты. По секрету скажу, что это я вам сочувствую, ведь если таким было поступление, то какова будет учеба? Нет, я не просто доволен случившимся – я счастлив! А вам, де Безье, я искренне желаю удачи в Академии. Как я понял из разговоров, здесь она вам еще как понадобится.

Вот на этой оптимистической ноте мы и расстались.

М-да, в чем-то он, конечно, прав...

Письмо, которого Жан не читал

«Дорогой друг!

Спешу сообщить тебе, что наш общий знакомый успешно поступил в Военную академию Бретони, чему здорово помогла представленная тобой информация. Поскольку я, как тебе известно, вхожу в попечительский совет Академии, мне удалось протолкнуть решение о назначении в этом году экзаменов по математике и стихосложению.

В соответствии с традицией, экзамен по математике проводится ежегодно – проверяется умение поступающих мыслить логически и оперировать абстрактными понятиями. А вот

смысл второго экзамена – поставить молодых людей в неожиданную, возможно глупую ситуацию и посмотреть, как они из нее будут выкручиваться. Например, в прошлом году это была живопись, до этого – актерское искусство. Посмотрел бы ты, что эти юные прохвосты вытворяли... Ей-богу, приятно вспомнить.

А наш знакомый поступил ожидаемо – просто перевел одно из известных ему стихотворений, получилось прекрасно. Наши экзаменаторы его наизусть выучили, говорят, очень дамам нравится.

Остальные проверки он прошел без вопросов. Даже сумел удивить – никогда такого не было, чтобы один кандидат другому помогал, а он это делал, по-моему, даже не задумываясь, словно такое поведение в него намертво вколочено. Хотя, может быть, так и есть. Представляешь, во время кроссов он помогал отстающим, причем не толкая в спину, как сделал бы, наверное, а сам, поддерживая под локоть, чтобы человек не упал. Самое интересное, что, глядя на него, поддерживать отстающих стали и другие курсанты. Так что на разборе, прошедшем по результатам экзаменов, сам де Ри обратил внимание преподавателей на действия нашего знакомого, потребовав в ходе занятий поощрять взаимовыручку в среде курсантов, разумеется, не доводя ее до круговой поруки.

И спешу тебя успокоить – его магические таланты здесь особенно никого не волнуют. Боевых магов готовят в другом месте, у Академии своя специализация.

Так что поздравь баронессу с его удачей и передай от меня лично поздравления и наилучшие пожелания!

Ее преданный слуга и твой друг виконт Транкавель».

Глава VIII

Учеба началась, как и положено, с торжественного построения. В строгих шеренгах по два стояли три курса по 25 человек. Новички в одежде «кто во что горазд» и курсанты предыдущих наборов в ярко-желтых плащах-казакиных типа мушкетерских, с вышитыми белыми крестами на спине и груди.

Как выходец с юга, где были сильны влияния Кастилии и реформистов, я был одет в черный дублет, черные штаны, черные сапоги и черную шляпу. Но поскольку реформистом я не был, одежду украшали белоснежные кружевные воротник и манжеты, а также вышитые серебром пояс и перевязь. Над шляпой развевалось красное страусовое перо. Черный цвет выделял меня из группы однокурсников, одетых по такому торжественному случаю в яркие цвета. В результате в первый же учебный день я получил курсантскую кличку «Черный барон». А что – мне нравится. В том мире был Красный барон¹⁵, а здесь черный. Теперь дело за малым – прославиться на весь мир, как мой красный коллега, кстати, тоже военный, правда, летчик.

Как и во все времена и во всех странах, на торжественном построении начальник Академии полевой маршал де Ри произнес не менее торжественную речь.

– Курсанты! Поздравляю вас с началом нового учебного года! Особые поздравления я адресую поступившим в этом году! Информировать их, а остальным напоминая, что Военная академия Бритони является лучшим военным училищем в Галлии, а следовательно, и в мире! Учиться здесь великая честь и великая ответственность, ибо ворота Академии открывают перед выпускниками любые двери, ведущие к славе и успеху! В наших стенах перестают действовать сословные различия, ибо вступив в них, вы уже вошли в высшую элиту общества, коими являются курсанты и выпускники нашей Академии!

И так далее на пятнадцать минут. Господи, ну почему все так знакомо? Видимо, армейское красноречие не зависит от стран, эпох и миров. И ведь это говорит полевой маршал, генерал-майор по-нашему, вероятно, лично оценивавший наши вирши – интересно, по каким параметрам он их оценивал? Особенно понравились ворота, открывающие двери, и вхождение в стены. Не хуже нашего «от меня до следующего столба шагом марш» и «сапоги надо чистить вечером и утром надевать на свежую голову».

Особый шарм торжеству придавал сам виконт де Ри. Невысокого роста, толстенький, седоволосый и с черными, несоразмерно пышными, воистину буденновскими усами, он производил опереточное впечатление – эдакий капитан Фракасс¹⁶.

Но все в этой жизни заканчивается, закончилась и великая речь великого человека. Из нее лично для себя я отметил два действительно важных момента. Первое – дуэли между курсантами рассматриваются как грубейшее нарушение дисциплины. За дуэль в любом месте, любом виде и по любому поводу оба участника и секунданты не просто изгоняются из Академии, но и лишают права поступления своих братьев и сыновей. И вот это уже серьезно, потому что накладывает печать позора на род. По сложившейся в это время традиции, ради дуэли дворянин мог и даже должен был наплевать на любой запрет. Но вот из-за той же дуэли унижить свой род – никогда.

Вторым, а как я узнал позднее, главным запретом был запрет на разглашение полученной в Академии информации. Любой, неважно от кого и зачем полученной. Узнал что-то от преподавателя – пользуйся, но молчи. Рассказал тебе что-то курсант – пользуйся, насколько

¹⁵ *Красный барон* – барон фон Рихтгофен – знаменитый немецкий ас времен Первой мировой войны, летал на самолете, выкрашенном в красный цвет.

¹⁶ *Капитан Фракасс* – комический персонаж итальянской комедии дель-арте, как правило дурак.

совесть позволит, но другим ни намека. Услышал что-то от obsługi – все равно молчи. Навсегда – молчи. Называется Тайной Академии. И, в общем, понятно почему.

С одной стороны, так создается закрытый клуб выпускников Академии, куда войдут даже те, кто не сможет ее закончить. Ты учился здесь – ты наш. Ты – свой. Это особенно важно, поскольку присягу курсанты не приносят, мы можем в будущем буквально оказаться по разные стороны баррикад. Мы можем убить друг друга, но мы никогда не сможем обесчестить друг друга. И при любой ситуации мы знаем – курсант курсанту всегда поможет. Если, конечно, это не будет противоречить принятой присяге.

С другой стороны, методика преподавания остается эксклюзивной интеллектуальной собственностью Академии еще на долгие годы. И ни один выпускник не передаст полученные знания другим, поскольку сюзеренов может быть много, а альма-матер – одна навсегда.

Затем де Ри перед строем лично вручил каждому первокурснику форменный плащ, и курсанты разошлись по классам, где начальник курса капитан де Фонтэн довел до нас распорядок дня, программу занятий и предъявляемые к учащимся требования. Честно говоря, я считал, что с моим прежним образованием учиться мне будет легко, с чем и обломился по полной программе. Негде мне было почерпнуть знания по организации и структуре армий того времени, организации тылового обеспечения, тактики кавалерийских и пехотных подразделений, основам артиллерийского дела. Кроме этого, в программу входило изучение кастильского и островного языков, ежедневные конные занятия и фехтование, правда многое за счет личного времени, но попробуй откажись. И это только первое полугодие!

Вот распорядок был стандартный – подъем в 7.00, утренний кросс и зарядка, завтрак, четыре часа занятий, обед, еще два часа занятий, два часа самоподготовки, два часа фехтование и конная подготовка, ужин, личное время, отбой в 23.00. Практически как в моем прежнем мире. Только в связи с отсутствием телевизора и прочих благ цивилизации, курсанты личное время на физподготовку и фехтование тратили. Не от энтузиазма, а внимательно прислушиваясь к тонким намекам преподавателей. Ну не могли они видеть курсантов, не занятых делом, четко следуя великому принципу «чем бы солдат ни занимался – главное, чтобы он задолбался». Лично я, на потеху народу, по вечерам стал тренироваться с саблями и стрелять из лука. Всем интересно, но никто не понимает зачем.

Так как слуги курсантам не полагались, дворянам пришлось осваивать искусство владения ниткой, иголкой и утюгом. Самим стирать одежду и чистить сапоги. Ну, кто из бедноты – те какой-то навык имели, а вот богатым и родовитым досталось.

Но вершиной педагогической мысли преподавателей оказались наряды на кухню, уборку территории, помещений и, о господи, сортиров. Да, в отличие от всей остальной Галлии, включая королевский дворец, здесь были оборудованы отхожие места, и не дай бог, кто-либо забудет об их существовании. Это относилось и к преподавателям, и к курсантам, и к охране, и к обслуживающему персоналу – поварам и конюхам.

И за все время обучения в Клиссоне я ни разу не слышал возмущения по поводу установленных здесь порядков. Более того, впоследствии родовитые дворяне гордились тем, как орудовали лопатой, метлой и шваброй, даже хвастались этим перед дамами! Представляете разговор в королевском дворце разодетого в шелка и кружева кавалера с утонченной дамой:

– А раз в месяц я, как золотарь, чистил туалет, вот этими руками, без перчаток, только тряпкой и шваброй!

– Ах, сударь, это так романтично! Вы такой герой! Вам через столько пришлось пройти! – Кто бывал при дворе, тот в цирке не смеется.

После ознакомительной беседы с начальником курса новички прошли тест на уровень магической силы. Ничего сложного – заходишь в небольшую комнату и в присутствии де Ри и пары преподавателей кладешь руки на хрустальный шар, лежащий на специальной подставке. Шар меняет цвет, и в зависимости от результата комиссия определяет, сколько гадостей можно

ждать от данного индивидуума. В смысле, насколько он силен магически. Когда на шар положил руки я, то сразу вспомнил, что каждый охотник желает знать, где сидят фазаны. Шар вначале стал красным, потом менял цвет по радуге до фиолетового и снова стал прозрачным.

Комиссия потребовала повторить этот опыт дважды, после чего отпустила меня с миром. Ну и ладно, приказ о моем зачислении все равно состоялся, а в первый день не выгонят. Потом узнаю, что это было.

Поскольку первый день являлся учебным только номинально, и вторая его половина была полностью предоставлена в свободное распоряжение новичков, наш курс в полном составе направился в трактир.

Там, как положено, выпили за поступление, за будущую учебу, за будущее лейтенантство, ну а потом за все подряд. Из нетрезвых разговоров стало понятно, что у моих товарищей проверочный шар фиксировал какой-либо один цвет, обычно от желтого до синего, только у одного он стал фиолетовым. Другой интересной информации я не почерпнул, и стало откровенно скучно.

Еще на выходе из замка обратили на себя внимание подозрительно заинтересованные взгляды, которые бросали на нас преподаватели и старшекурсники. Не трудно было догадаться, что молодежь, впервые вылетевшая из-под родительской опеки, может элементарно напиться, что непременно аукнется завтра утром. Однако бороться с юной стихией я посчитал бессмысленным и тихонько, по-английски, покинул уверенно надирающуюся удалую компанию.

А на улице обнаружил, что за мной следят. Невзрачный тип, одетый как простой горожанин, шел на расстоянии около тридцати метров, старательно изображая праздного бездельника. Затем якобы ненамеренно стал приближаться и в какой-то момент бросился бегом. Я схватился за кинжал, ожидая нападения, однако он просто обогнал меня, резко развернулся, а потом приторно заулыбался и рассыпался в фальшивых поздравлениях.

– Господин курсант, – запричитал он, демонстрируя выбитые верхние зубы, – поздравляю с зачислением, мы так рады, так счастливы... – после чего убежал.

Согласитесь, поведение нетипичное. Хотя подвыпивший юнец мог и не обратить на это внимания, но я-то юнцом не был, а весь мой опыт подсказывал, что ничего случайного в произошедшем не было. Дай бог, если я ошибаюсь, но похоже, что на кого-то из нас здесь устроена засада, не обязательно для убийства, но какая-то гадость точно готовится, а этот тип дал сигнал своим подельникам, что я не их клиент. Действительно, место удачное – тихое, огорожено заборами и мимо него в замок никак не пройдешь. А лиходеи могут располагаться в любом дворе и, если сейчас попробовать их искать, не факт, что меня самого не прирежут.

Значит, нужно молодежь забирать с пьянки, пока они еще стоят на ногах и могут оказать какое-то сопротивление – на 25 человек, даже нетрезвых, никто не набросится. А в форменных плащах, да вечером, нас друг от друга никак не отличишь, то есть выстрела тоже можно не опасаться.

Решено, возвращаюсь в трактир и с грохотом открываю дверь.

– Господа, я встретил посыльного от де Фонтэна. Нам за каким-то дьяволом приказано срочно прибыть в замок. Предлагаю взять с собой вина, закуски и уже там достойно завершить этот чудный вечер! Хозяин, приготовь и давай счет!

Оказалось, что вернулся я очень даже вовремя. Языки у мальчишек уже заплетались, но на ногах они стояли относительно твердо. Так что возвращались пусть и не строем, но толпой вполне организованной.

Что интересно – на обратном пути нас действительно встретил старшекурсник, представившийся посыльным, с приказом немедленно прибыть в замок. Как выяснилось – это был розыгрыш старшекурсников, чтобы, с одной стороны, обломать новичкам гулянку, а с другой – сохранить их здоровье перед утренним кроссом.

То ли я ошибся, то ли сидевшие в засаде не ожидали такого и решили изменить планы, но по дороге в замок на нас никто не напал. Только в силу намертво вбитых годами службы профессиональных рефлексов это происшествие отложилось в моей памяти.

Два разговора, которых Жан не слышал

Первый разговор:

– Ну, и почему мальчишка еще жив? Я за что тебе, мерзавец, деньги плачу? Ты что, решил, что можешь не исполнять мои приказы? Мои?! – следует могучий удар кулаком в рыло.

– Ваша милость, ваша милость, помилосердствуйте, – раздалось с пола, – никто не ожидал, что сопляки выйдут из трактира засветло и на своих ногах. Хозяин трактира клялся, что ни разу первокурсники сами от него не уходили. Всегда их уносили его слуги, и всегда глубокой ночью. Он говорил – традиция. Мы не виноваты, мы все сделали правильно!

– Значит так, свинья. Я пошел на доклад. Молись, чтобы мне не приказали пустить тебя на корм твоим родственникам!

Второй разговор:

– Ваше сиятельство, вернулся Живчик. К сожалению, у него провал, а запасного варианта мы не готовили.

– Конечно, не готовили – это же не основная операция. Не хватало нам вспомогательные планировать, как штурм Лувра. Всего-то надо было убить одного щенка. – Седой благообразный господин с досады шлепнул ладонью по столу и продолжил: – С другой стороны, видимо, мы сами виноваты – не следовало это дело поручать простому исполнителю. Не тому его учили.

– К сожалению, когда поступил приказ на операцию, никого другого у меня под рукой не было.

– Операцию... – седой господин сделал брезгливое лицо. – Честно говоря, не нравится мне это дело, противно мальчишку резать. Но уж больно Идальго на этом настаивает, а у этого мерзавца сейчас очень перспективная позиция. Да, очень. Так что хочешь – не хочешь, а помогать надо. Пожалуй, будет лучше один раз послать специалиста и забыть об этом навсегда. Как думаешь?

– С Острова вернулся Маэстро – может, направить его?

– Не слишком ли? Хотя... Только пусть отдохнет пару недель – заслужил. Такое привез! Я лично Его Величеству представление направил! Да, пожалуй, пусть съездит – не всегда же ему подвиги совершать. И пусть Зоркий ему поможет – мало ли что...

– А с Живчиком что?

– Ну уж это не ко мне, это, мой друг, вы сами... На что-то же он годен... Так что сами разбирайтесь – у меня своих дел хватает. А вот Маэстро поставьте срок – до Рождества. И задачу поинтереснее – пусть заодно всю эту семейку обгадит. И ему так веселее, и Идальго будет полегче.

Глава IX

И началась учеба, – нет – УЧЕБА! С занятиями такой интенсивности я сталкивался только однажды, когда после института год учился на специальных курсах в Минске. Тогда за год преподаватели умудрились вбить в нас такой же объем знаний, какой в обычном вузе давали за пять лет.

Та же методика сверхинформативных лекций и изматывающих семинаров, зубодробительных самостоятельных работ. И это в эпоху позднего Возрождения, барокко – эпоху неспешную, склонную к созерцанию и размышлению, когда создавались новые науки и направления в искусстве. Как, откуда здесь смог появиться такой потогонный конвейер по производству офицеров, работающий с эффективностью, достойной двадцать первого века? И почему он прижился только в этой Академии? Ведь по численному составу она является явно самой маленькой в стране – всего семьдесят пять курсантов, по двадцать пять на курсе. И далеко не все они пойдут в армию – представители высшей знати сразу уверенно заявляют, что лейтенантский патент положат к личным бумагам и навсегда о нем забудут. Однако и они пашут на занятиях, не давая себе ни малейшей поблажки.

Кстати, безусловным неформальным лидером нашего курса стал именно такой мажор – Филипп Шарль де Бомон сюр Уаз граф Амьенский, третий сын владетельного феодала. Первый по успеваемости, лучший фехтовальщик и кавалерист, именно у него шар силы окрасился в фиолетовый цвет. А выглядел... Одно слово – красавец, с лицом мужественным, как у бюстов римских героев. Высокий рост, широкие плечи, голубоглазый блондин. Вылитый образец истинного арийца.

Он сразу отгнал всякие попытки общаться с ним как со знатным вельможей. Вместе с тем у него было врожденное умение становиться центром любой компании, делая это ненавязчиво и не принижая своим лидерством. А ведь в курсанты отбирали людей незаурядных, склонных к самостоятельности. Чтобы таких повести за собой – действительно талант нужен.

Естественно, сказанное не относилось ко мне. Просто потому, что неинтересно мне было с пацанами долго общаться. Это я выгляжу, как они, но прожитые годы никуда не делись, для меня пятидесятилетний де Ри – мальчишка.

А учиться было по-настоящему интересно. Особенно меня удивили занятия по боевой магии. Две пары в неделю, нечто среднее между лекцией и семинаром. Преподаватель, полковник де Мертен, постоянно расхаживая по тренировочному залу, объяснял, что и как делать – движения, заклинания (есть и такое), ментальные посылы, но вот результат его абсолютно не интересовал. Постоянно нахваливал меня, хотя я был единственным, у кого ничего не получалось. Вот вообще ничего. В точности, как и все, делаю какие-то жесты, что-то бормочу, морщу лоб, у всех результат – у меня ноль. Но преподаватель меня хвалит – ничего не понимаю. При этом по предмету даже зачет не предусмотрен, по крайней мере в первом семестре.

Все разъяснилось через два месяца, когда преподаватель впервые встал за кафедрой и произнес речь.

– Курсанты, сегодня я намерен рассказать вам, пожалуй, единственное, что мы знаем о магии достоверно. И это – безусловно установленная зависимость между умением воспроизводить магию и видеть ее проявления. Способности к магии у всех людей различны, но в нашей академии разработано заклинание, которым по вашему желанию можно увеличить или уменьшить ваши возможности ее применения. Да-да, и уменьшить, постарайтесь придерживаться своих эмоций. Потому что ничего не бывает даром. Мы можем поднять ваши способности творить магию. В пределах вы можете оказывать максимально возможные для вас магические воздействия, но расплатой за это будет полная утрата возможности их видеть. То есть атакующее вас заклинание вы гарантированно пропустите.

В течение двух месяцев вы смогли выявить свои сильные и слабые стороны. И, в соответствии с установленным в Академии порядком, для вас пришло время определиться с соотношением атакующих и регистрирующих способностей. Эту коррекцию можно провести только один раз в жизни и для дальнейшего продолжения учебы вы должны в этом вопросе определиться.

После проведенной коррекции для каждого будет разработана индивидуальная программа подготовки по моему предмету, рассчитанная до окончания обучения. Сегодня суббота, ровно через неделю вы должны мне доложить о принятом решении. Решение должно быть только вашим, можете посоветоваться с курсантами старших курсов, но обращаться за советом к кому-либо вне стен Академии категорически запрещаю под угрозой немедленного отчисления. На эту неделю вам запрещена любая переписка по любому каналу и в любом виде.

Вопросы?

Первый, конечно, у лидера:

– Скажите, господин полковник, а насколько максимально увеличивали силу ваши ученики и, если можно, к чему это привело?

– Хороший вопрос, курсант де Бомон. Максимально сила была увеличена до 90 % от возможной. Офицер в войне с Кастилией совершил подвиг, лично уничтожив взвод противника. Был убит первым же ответным магическим ударом. Затем, оставшись без командира, была уничтожена возглавляемая им рота. Господа, помните, что мы готовим не дуэлянтов, а командиров, на которых лежит ответственность за жизни подчиненных. Еще вопросы.

Тут уже включился я.

– Господин полковник, а были ли обратные ситуации? Решался ли кто-либо уменьшить свои возможности?

– Да, пятнадцать лет назад братья-близнецы де Пуан уменьшили свои способности один на десять процентов, сейчас он крупнейший специалист по магической медицине, второй на двадцать – через неделю он сошел с ума. Больше никто и никогда этот эксперимент не повторял. Поймите, мы все родились с магией, для нас она как воздух – попробуйте на двадцать процентов уменьшить количество воздуха вокруг вас – вы гарантированно умрете. Да, есть притча о святом Артемии Отказнике, человеке, который отказался от магии, ушел в монастырь и стал отшельником, впоследствии он был причислен к лику святых. Но мы из вас не монахов готовим. Вы все знаете, что есть обряд лишения дворянского достоинства, в ходе которого человека полностью лишают магии. Так вот, ни один из прошедших обряд не прожил более семи суток. Все либо умерли, либо покончили жизнь самоубийством. Поэтому я настоятельно не советую даже думать в сторону уменьшения своих возможностей. Все, на сегодня занятия окончены, впереди воскресенье и я желаю вам хорошо отдохнуть.

Да, интересный поворот. Значит, если сейчас я и так кидаю камни дальше всех, то потом смогу их за горизонт забрасывать? И сараи поджигать, чтобы сгорали за минуту? При этом о том, чтобы поджигать на расстоянии или кидать горящие снаряды, речь все равно не идет. Только камни, хоть ты тресни.

Ладно, об этом у меня еще будет возможность подумать, а пока надо убить свободное время. Пьянствовать с молодежью и шататься по борделям мне было категорически неинтересно. А попытка проводить выходной в праздности привела к плачевному результату – в ночь на понедельник я стал видеть сны. Жену, дочерей, разговаривать с ними... Наверное, я никогда от этого не избавлюсь, и слава богу, но утром же надо быть в форме, а у меня вся подушка в слезах, как у юной барышни.

Пришлось придумывать, чем себя занять. Нашел два дела.

Первое – мордобой. В Галлии в это время у простонародья вошла в моду драка за деньги, предшественник будущего профессионального бокса. Как и в моем мире в Англии, дрались мужики на потеху публики без перчаток и били чем попало и куда попало. Кроме паха и паль-

цами в глаза. Только, в отличие от Англии, здесь были врачи, которые выбитые зубы запросто выращивали и прочие травмы залечивали. Если, конечно, сразу не убьют и у бедолаги деньги есть.

А началось все случайно – сцепился в Клиссоне с каким-то мужиком, а он уворачиваться уклонами и нырками начал и даже попытался подсеку провести, кстати, достаточно грамотную. Когда он от нокаута отошел, стал я его расспрашивать, где он такой дури набрался? И выяснилось, что мужик – бывший кузнец, который молот забросил ужасно далеко, куда подальше, и теперь зарабатывает на тех самых боях. Получает в разы больше. Вот по его рекомендации я в этот бизнес и зашел. Не каждую неделю, но один-два раза в месяц по воскресеньям стал ездить в Нант кулаки чесать.

А что – двадцать пять километров для бешеной собаки и курсанта не крюк. Утречком на лошадь сел, к девяти часам приехал, подрался, подлечился, а вечером назад. И ночь уже точно спать без сновидений. Плюс неплохой доход. У меня тысяча экю, которую барон перед отъездом из замка дал, практически нетронута. Кроме того, из поместья деньги высылали, но немного, баронесса явно опасалась, что ее милый ребенок в загул ударится. Так что запас есть, но это деньги не мои, не привык я за чужой счет жить. А с боев – мой честный заработок.

Тут главное, чтобы никто в Нанте о моем дворянстве не прознал, поскольку для дворянина это занятие – самый настоящий позор. Для безземельного шевалье еще ничего, а вот для барона де Безье – точно моветон. Пришлось придумать легенду о наличии у меня в Нанте замужней любовницы. Так что подъезжал я на лошади к трактиру, конечно без форменного плаща, оставлял там транспортное средство и шел якобы на свидание на съемную квартиру. Там переодевался в небогатого горожанина и через черный ход уже направлялся к месту боев. Дороговато, но конспирация – наше все, не дай бог де Безье узнает. Мне-то ничего не будет, а его и удар хватить может.

А в благодарность, да и в свое удовольствие, стал я со своим поручителем два раза в неделю на полянке около замка рукопашкой заниматься. Его, кстати, Гримо звали – везет мне на персонажей «Трех мушкетеров», осталось с д'Артаньяном познакомиться.

А второе дело – стал прежнюю профессию вспоминать. Местные не то что о дактилоскопии – о словесном портрете понятия не имели. Вот я и стал методику словесного портрета расписывать; что помнил, а что додумывал. Дело это не быстрое, много времени заняло. Как и попытка освоить здесь дактилоскопию.

В том, что отпечатки пальцев и здесь строго индивидуальны, я еще в Безье убедился. А дальше дело техники – сажа, кисточка из беличьего хвоста, ну и практика – мало ли когда пригодится.

Прежде чем начать рассказ о воскресенье, во многом определившем всю мою дальнейшую жизнь, я должен повторить, что в Академии не только учились, но и работали одни мужчины. Преподаватели, охрана, обслуживающий персонал – все мужчины. И только одна особа женского пола – совершенно очаровательная дочь начальника школы виконтесса Сусанна де Ри девяти лет от роду. Зеленоглазая черноволосая непоседа, естественно всеобщая любимица. Сам де Ри был вдовцом, близких родственников не имел, поэтому Сусанна проживала в его апартаментах в замке. Сюда к ней приезжали учителя всех наук, которые должна знать девушка из высокого рода – этикета, музыки, иностранных языков. Довольно странно было во время занятий по строевой подготовке слышать из окна надвратного донжона звуки клавесина или гитары.

Но к делу. В это воскресенье около полудня я, совершенно измотанный, возвращался в замок после тренировки с Гримо. Загонял он меня в этот раз настолько, что сил осталось только ноги переставлять, думать мог только об одном – добраться до кровати и завалиться спать.

А навстречу мне – сам виконт де Ри, явно в изрядном подпитии. Ну, я ему честь и отдал. Не так, как здесь принято, – на манер римских легионеров прикладывая руку к сердцу и выбра-

сывая вперед, а по-русски – ладонь к головному убору. А маршал тоже взял под козырек, да еще лихо так, с оттяжкой, в лучших традициях Советской Армии. Что это означает, я понял только после того, как в казарму вошел. С меня всю усталость как рукой сняло. Так я здесь не один? Есть еще замененный, да наш, русский?! Так, надо проверить, но аккуратно – а как?

К счастью, барон довольно быстро вернулся с покупками, а на улицу вышла Сусанна с гитарой. Села на скамейку во дворе и стала наигрывать что-то бесконечно заунывное. А что – день теплый, солнечный, вот и решила девочка на воздухе позаниматься, благо выходной и в замке пусто.

Моментом было грех не воспользоваться. Подошел к ней.

– Привет, меня Жан зовут. А хочешь, я научу тебя красивой мелодии?

– А кто ее написал? Мне мадам Жанетт говорит, что приличные девушки должны играть только музыку известных композиторов, а не ту, что на ярмарках и в трактирах играют.

– Ну, я автора не знаю – мне ее мама играла, но она ведь баронесса, и тоже не будет играть трактирные песни. А я маму давно не видел, соскучился, вот и захотелось эту мелодию сыграть.

– Ты счастливый, у тебя мама есть, а я свою никогда не видела – она умерла, когда я родилась. Мне папа говорит, она была красивая и добрая, – девочка говорила грустно, но спокойно, как о чем-то давно отболевшем, о том, чего нельзя изменить и от чего нельзя убежать. В этот момент она показалась мне удивительно похожей на моих новых сестреночек и, конечно, дочерей, которые сейчас уже взрослые женщины, но когда-то... Видимо, для отцов их дочери всегда остаются вот такими чистыми и наивными девчонками. И в их двадцать, тридцать и сорок лет мы видим не то, что показывают глаза, а то, что показывает наше сердце.

– Ты, наверное, очень прилежная ученица? Даже в воскресенье занимаешься, – серьезно поинтересовался я.

– Конечно. Папа говорит, что я должна быть очень прилежной и трудолюбивой. Ведь я же виконтесса, а дворянки должны много знать и уметь, чтобы заменить мужчин, когда они воюют. И мадам Жанетт говорит, что женщина должна уметь ждать, потому что мужчины всегда уезжают делать свои мужские дела, и это очень важно, – не менее серьезно ответила девочка. – Папа рассказывал мне сказку о бедной девушке, которую принц выбрал в жены, потому что она была добрая и трудолюбивая.

Господи, если бы все виконтессы были такими! Ну, хотя бы некоторые! Де Ри, конечно, молодец, правильно дочь воспитывает, но каково же ей будет во взрослой жизни? Ведь по положению круг ее общения – королевский двор. Интересно – какой из героинь «Трех мушкетеров» могла бы стать Сусанна? Герцогиня де Шеврез? Констанция Бонасье? Миледи? – Чур меня, не надо.

– Я когда-то, кажется, тоже слышал эту сказку. А как звали эту девушку?

– Синдерелла. – Попался, виконт! Таких совпадений не бывает, неоткуда здесь этой сказке появиться.

– Какое странное имя – никогда такого не слышал.

– Ты не глупый – папа говорит, что здесь глупые не учатся, но ты такой смешной! Это же было в другой стране! Конечно, у нее не наше имя, а по-нашему оно значит Золушка, ее так прозвали злые сестры, потому что она много работала и часто пачкалась золой. Но ты не думай, она была аккуратная и каждый день мылась и зубы чистила. Вот. Я тоже каждый день моюсь, а зубы чищу даже два раза в день.

Правильно, мыться надо каждый день, особенно в то время, когда каждая помывка искренне приравнивается к подвигу. И что де Ри для нее готовит? Его, конечно, проблемы...

– Молодец! Ну что, сыграть тебе мелодию?

– А ты умеешь?

– Ну, конечно не так, как ты, но давай попробую.

А надо сказать, что местная гитара хоть и пятиструнная, но строй у нее тот же, что и на нашей шестиструнной. Правда, каждая струна двойная, но, в общем, приноровиться несложно. Музыкант я в свое время был аховый. Годился только для дворовых посиделок и то не в качестве первого гитариста. Но несколько мелодий выучил в классическом исполнении. И одна из них – «Черный ворон». Если де Ри наш человек, он не узнать ее не может. А вот как среагирует – это интересно.

Он так среагировал. Вылетел во двор чуть не в исподнем, растрепанный. Вылетел и уставился на меня. Я вскочил, вытянулся во фрунт. А чего говорить, ни он, ни я не представляем. Ну не спросишь же: «Ты русский?» А если ошибка? Могут... нет, наверняка будут проблемы.

Дальше состоялся содержательный диалог по-русски.

– Че? – это виконт.

– А че? – это я.

– Наш?

– Ага.

– Будешь?

– Наливай.

Вроде как паролками обменялись. Даже если кто и слышал наш разговор – двое пьяных друг с другом помычали и пошли напиваться дальше. А что – воскресенье, имеют право. Правда, для начальника Академии пить с курсантом – моветон, но где тот герой, который решится ему об этом сказать?

Виконт сделал приглашающий жест рукой, и я прошел в его апартаменты на пятом этаже надвратного донжона, выглядевшие как стандартная трехкомнатная квартира. Прихожая, гостиная с большим камином и выходившие из нее две комнаты, вероятно спальни. Была еще лестница на четвертый этаж, но, естественно, что там располагалось, я не видел.

На столе стояла начатая бутылка вина, лежал копченый свиной окорок и блюдо с зеленью. Дальнейший разговор тоже велся по-русски.

– Ну что, курсант, давай знакомиться?

– Воронин Борис Леонидович, 1949 года рождения, москвич, попал сюда в две тысячи девятом из Москвы.

– Викентьев Иван Тимофеевич, 1913 года рождения, родился в поселке Спасская Губа около Петрозаводска, сюда попал в сорок пятом из Литвы.

– После Победы?

– Нет, в феврале, еще война шла. А как все закончилось?

– Девятого мая, того самого, сорок пятого, полная и безоговорочная капитуляция.

– Обидно, немного не дожил.

– Я не понял – ты на судьбу жалуешься?

– Типун тебе на язык! И вообще, потомок, давай за Победу! Девятого мая говоришь? Ну, готовь к этой дате печенье!

– С удовольствием, господин полевой маршал! За Победу!

Мы выпили, и я продолжил:

– Подожди, Литву же вроде в сорок четвертом освободили.

– А я уже после этого, из МХАТа, – мой собеседник горько усмехнулся, а я вспомнил.

– Послушай, а тебе фамилия Мирковский ничего не говорит?

– Точно! – удивленно воскликнул... ну не де Ри же, Иван. – Я с Евгением Ивановичем с сорок первого. Всю войну без единой царапины, а в Литве разинул варешку. А ты о нем откуда знаешь? Вроде он не артист, не певец. О нас фильмы снимать и книги писать не принято.

Перейдя на русский язык, мы сразу стали «на ты». Что, впрочем, естественно – двое русских в чужом мире – что может быть ближе.

– Операцию легендированной группы «МХАТ»¹⁷ мы проходили на курсе истории органов госбезопасности. Об ОМСБОНе¹⁸ и отряде «Ходоки»¹⁹ нам тоже рассказывали, но вкратце – все же это не наш профиль – из нас не диверсантов, а контрразведчиков готовили.

– Так на твоих погонах просветы тоже были васильковые?

– Формально – да, а по жизни всегда в штатском ходил.

– Ну, тогда за ЧК!

– Вздогнули!

Эх, сейчас бы не вина, а водочки, только где ж ее взять...

– Значит, помнят нас в Союзе – это хорошо.

– Ну, не всех конечно, но Судоплатова, Медведева, Ботяна²⁰, а Ботян, кстати, жив был, когда я сюда того...

– Ну, тогда за них!

– За них! – выпили. – А Судоплатов потом пятнадцать лет отсидел как враг народа.

– Врешь! – Иван грохнул кулаком по столу.

– Если бы. Потом реабилитировали, ордена, звание вернули. Здоровье, правда, не смогли. Да, Союз тоже того... В девяносто первом, на пятнадцать осколков.

– Да что ж вы за чекисты такие, мать вашу, куда смотрели – такую страну просрали! – мой собеседник побагровел, лицо перекошилось. – А я-то здесь каждое седьмое ноября отмечаю – оказывается, зря!

– Ну что ты на меня кричишь? – я тоже повысил голос. – Я тогда майором был, старшим опером. Много от меня зависело? Агентуру свою прикрыл, и то слава богу. Я так думаю, что спецслужбы не способны бороться с предательством руководителя страны. А у нас именно это и произошло. В последний момент несколько человек попыталось спасти страну силовыми методами, но им решительности не хватило, замараться, видите ли, побоялись. А то, что потом во внутренних конфликтах десятки тысяч погибли, – так это не они же виноваты. А потом собрались на даче три коммуниста-руководителя России, Украины и Белоруссии, нажрались, как свиньи. Первый россиянин ночью вышел на балкон, поссал на природу и перед лесом речь на час толкнул. А утром с бодуна встали и подписали то, что их помощники ночью состряпали. И все, нет страны²¹.

– А что же вы?

– А нам приказали соблюдать дисциплину и сидеть по норам тихо. А что, ты пошел бы без приказа празднующую толпу расстреливать? Я же говорю, народ вначале к этому подвели, убедили, что идем в светлое будущее. Потом люди поняли, как их кинули, но это лишь потом. Только в России и только в конце девяностых возрождение началось, но сколько времени на него потребуется, я даже предположить не могу. Белорусы, казахи, многие вроде тоже в себя пришли, делом занимаются. Но много, слишком много дерьма всплыло, о чем и говорить не хочу. Не сегодня. У меня радость, земляка встретил, можно сказать однопольчанина! Не хочу! Давай за встречу!

Мы выпили еще, и я продолжил:

¹⁷ Легендированная группа «МХАТ» НКВД СССР занималась борьбой с бандами бывших карателей и националистов. Действовала на территории Литвы в 1944–1945 гг.

¹⁸ ОМСБОН – отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР – диверсионно-разведывательное формирование времен Великой Отечественной войны. Подчинялась Второму отделу НКВД СССР, возглавляемому П. А. Судоплатовым.

¹⁹ Отряд «Ходоки» – диверсионно-разведывательный отряд ОМСБОН, возглавлявшийся, как и группа «МХАТ», героем Советского Союза Е. И. Мирковским.

²⁰ Ботян А. Н., Медведев Д. Н. – Герои Советского Союза, командиры диверсионно-разведывательных отрядов. Последний также известен как писатель, автор книг «Сильные духом» и «Это было под Ровно», по которым сняты художественные фильмы.

²¹ К сожалению – правда.

– Ваня, а ты здесь как оказался?

– Да тридцать лет назад во время войны с Кастилией кавалерийская рота, тогда еще эскадронов не было, попала в засаду. Лейтенант, молоденький мальчишка, упал с лошади, треснулся головой о камень. А что такое рота без командира, да еще попавшая в такую передрыгу – набор покойников и только. Но с ними был сильнейший маг, я так понял – на него засада и была выставлена. Вот он в момент ритуал и провел. И объяснить сумел ситуацию – а выкручиваться мне не привыкать.

– Да какой не привыкать? Это ж другая эпоха. Кони, оружие, тактика – все другое!

– Это для тебя может быть другое, а я кавалерист, закончил кавалерийскую школу в Тамбове. Потом взводом, эскадроном командовал. В ЧК меня перевели уже перед самой войной, в начале сорок первого, направили на учебу, но мы только полгода отучились, а дальше – кого куда. Я кавалерист, в своей Карелии на лыжах ходить начал раньше, чем пешком – так на стадионе «Динамо» и оказался, где ОМСБОН формировали. Не знает здесь обо мне никто, потому что в горячке драки бойцам было не до наблюдений. А маг тот все же погиб. Представляешь, уже оторвались от погони, вот тут его лошадь и споткнулась. Упал и шею свернул. Ну, у меня же голова тоже была разбита, я потерю памяти и симитировал. Год делал вид, что лечусь, вникал в обстановку. Потом опять война с кастильцами. Успехи лучше всех, потери меньше всех, плюс я все же виконтом оказался, возможным наследником виконтства. Так что дальше у меня жизнь наладилась. А ты здесь давно?

– Позапрошлым летом попал. Из мирной жизни прямиком во времена барокко. Слушай, а мы получается ровесники. Смотри – ты тридцать два там и тридцать здесь, а я шестьдесят там и два здесь.

– Верно, только ты здесь моложе, есть шанс, что проживешь дольше. Хотя с нашей специальностью... Ты хоть понял, кого из вас готовят?

– Теперь да – диверсантов и войсковых разведчиков, чему еще «ходок» будет учить? Только почему обучение здесь уникально? Разве любой твой ученик не способен повторить курс, хотя бы в основных чертах? Тогда такие специалисты должны появиться во всех странах.

– А вот это дудки. Ты что думаешь – Тайна Академии – пустой звук, типа рыцарского слова, которым здесь всю благородные торгуют? Здесь заклятие наложено – тому, чему человек научился в замке и километре от него, он научить других не может. Вернее может, но только здесь. Хочешь – сам попробуй, а хочешь – предложи поучительствовать тому мужику, которому ты рукопашный бой преподаешь. Вы же рядом со стенами занимаетесь. Кстати, а зачем?

– Мало ли – вдруг пригодится, не хочу, чтобы навык пропал. Да и нравится мне это дело.

– Ага, и сабельный бой, и стрельба из лука. Сабля – это я, как кавалерист, понимаю. Практически шашка – лучшее оружие для реального боя в наше время, но лук-то зачем?!

– Скорострельность. Я на сто метров прицельно в воздухе две стрелы могу держать. В армейском бою, согласен, это лишнее, а в какой другой ситуации может и пригодиться.

– Ладно, чем бы дитя ни тешилось... Если интересно, я тебя лично погоняю – меня самого шашечному бою старые казаки учили, были у них свои секреты.

– Кто же от такого откажется, только ведь шашка не сабля, впрочем, тебе виднее, я не специалист.

– Есть, конечно, различия, но не принципиальные, да ты сам все поймешь. Значит, ты у нас специалист шпионов ловить?

– Только в теории, сам ни одного не поймал и даже не пытался. Я преступников ловил, особо опасных. Бандитов, расхитителей.

– Но этим вроде милиция у нас занималась?

– Разумеется, но в особо опасных случаях, или когда рядом с преступниками серьезные иностранцы крутились – тогда мы в дело вступали. Так что я по опыту скорее полицейский.

– Ты здесь с этим словом поаккуратнее – уважать перестанут. Местная полиция работает как гестапо – ищет, кто чего не так сказал, не о том подумал. Ну и взятки выжимает при любой возможности. А преступников ловить – если только на горячем бдительные граждане кого схватят, – тогда да, в суд передадут. А самим искать – такого нет, не умеют и не хотят. Видок²² и сыщик Путилин²³ здесь не скоро появятся.

– Тогда о другом. Ваня, у нас через неделю будет коррекция магической силы. Поделись опытом, к чему обычно она приводит?

– Э нет. Здесь только сам. Я за тебя жизнь не проживу. У нас мальчишки сами эти решения принимают, а уж тебе с твоим опытом за советом обращаться просто грешно.

– Но я-то не все! Хорошо, не хочешь советовать – не надо, но хоть опытом поделись. Вот лично у тебя как с магией сложилось?

– А ты знаешь – спокойно, как будто я с ней и родился. Вот хочешь верь, хочешь нет – у меня все само собой получаться стало, причем сразу. Талант, наверное. Единственный совет – хорошо подумай. Ты помнишь, вас на шаре силы проверяли?

Очень интересный вопрос, я ведь так про себя ничего и не понял.

– Помню, но я так и не въехал, что это вообще такое было?

– Да ничего сложного. Шар цветом показывает уровень силы. Чем дальше от красного и ближе к фиолетовому, тем ее больше.

– Тогда все правильно, у де Бомона и безо всякого шара ясно, что ее больше всех.

– Ошибаешься, больше всех ее у тебя – на испытании шар просто ушел в ультрафиолетовый спектр. Строго говоря, тебя наши маги еще в детстве должны были на учебу в магическую академию направить, странно, почему этого не сделали?

Ну, это мне как раз понятно. Судя по тому, что мне обо мне же рассказывали, юного барона должны были не в школу, а в изолятор забирать, для социально опасных. Наверняка барон с баронессой его старались держать от окружающих подальше и о способностях не распространяться. Но мне интересно другое.

– Так почему я ничего не могу? Если я уникальный маг – почему у меня ничего не получается?

Де Ри усмехнулся:

– Умеешь ты вопросы задавать... Чтобы ты знал, по тебе мы с преподавателями специальный научный семинар провели, с приглашением столичных знаменитостей. Единственную реальную гипотезу предложил виконт Транкавель. Он считает, что в управлении магией важна интуиция, когда человек не знает, а чувствует, что надо делать. И чем интуиция лучше развита, тем управление лучше. Например, весь смысл многолетнего обучения в магической академии – именно развитие интуиции. А ты ярко выраженный логик. Да это мы и на занятиях видим. Пока знания через мозг не пропустишь – правильного ответа не даешь, даже не пытаешься. Хотя и с дефицитом информации работать умеешь, но всегда через версии и гипотезы, строго, как ученый.

– Ничего себе ты меня по полочкам разложил! – я на самом деле был поражен, оказывается, учителя не только знания вколачивали, но и нас изучали буквально под микроскопом! Целый научный семинар по мне провели!

– А ты как хотел? После Клиссона вы все на королевскую службу пойдете, надо очень хорошо понимать, где каждого использовать.

Сегодня точно день открытий.

²² Видок – Эжен Франсуа Видок – французский преступник, создавший и возглавивший Главное управление национальной безопасности Франции (Сюртэ). Герой многочисленных детективных рассказов и фильмов.

²³ Сыщик Путилин – Иван Дмитриевич Путилин – первый глава Сысской полиции Санкт-Петербурга. Герой многочисленных детективных рассказов и фильмов.

– Как все? Да некоторые уже сейчас говорят, что служить не собираются! А кто-то ведь и за границу поедет – разве нет?

– Это я сказал «все»? – Де Ри даже протрезвел, хотя и ненадолго. – Забудь немедленно и навсегда. Приказываю! Не говорил я такого никогда, ясно?

– Понял я, понял, не говорил ты ничего и ни о чем, – успокоил я собеседника. – Но хоть о Транкавеле можешь рассказать? Он вроде мой родственник и придворный врач?

– Так, для начала выпьем. Чтобы всякая чушь в голову не лезла! – Мы выпили, и де Ри продолжил.

– Шарль Батист Транкавель, виконт, личный врач, кстати, прекрасный врач, регентствующей королевы-матери, глава попечительского совета Военной академии Клиссона. Возглавляет приемную комиссию, я в ней всего лишь его заместитель. Допущен к самым сокровенным секретам двора, причем нашел подход как к королеве-матери, так и к юному королю. Официальных должностей не занимает, кроме врачебной, но прочно входит в десятку, если не пятерку, самых влиятельных вельмож страны. Так что при случае очень советую воспользоваться родственными связями.

Вот за таким разговором мы с полевым маршалом виконтом де Ри и просидели до вечерней зари. В начале разговора я еще помнил, что мне завтра с утра кросс бежать, но затем русская натура взяла свое, так что о том, что со мной было следующим утром на зарядке, можно было фильм снимать. Ужасов. В назидание молодёжи.

Но ничего, с трудом, но пережил похмелье, и пошли занятия дальше по накатанной. Только суббота неумолимо приближалась, и надо было принять решение о коррекции магической силы. Разумеется, этот вопрос волновал всех моих однокурсников. Споры по этому поводу велись на каждой перемене, в любое свободное время. Молодежь горячилась, и только драконовский запрет на дуэли уберег наш курс от потерь.

Мне же нужно было принять решение в совершенно нестандартной, по меркам этого мира, ситуации, когда силы много, а толку от нее нет и не предвидится. Собственно, само решение пришло быстро, но одно дело решить, а другое – решиться. Поэтому хотя я в споры курсантов и не встречал, но волновался не меньше них.

И вот настал тот грозный час – субботний урок боевой магии. Де Мертен вновь встал за кафедру, нарочито неторопливо разложил список курса и объявил:

– Господа курсанты! Как я и предупреждал неделю назад, сегодня каждый из вас должен доложить о принятом решении по коррекции магической силы. Итак, в том порядке, в котором вы сидите в аудитории, каждый встает, называет себя и докладывает. Напоминаю, что принятое каждым из вас решение является Тайной Академии. Уважайте друг друга и сохраните ее навсегда! Начали!

Поскольку на занятиях по боевой магии я, как всякий нормальный двоечник, старался держаться подальше от преподавателя, в этой очереди я оказался последним. И успел понять, кто из моих однокашников планирует продолжить армейскую службу, а кто намерен уйти на гражданку. Те, кто хотел служить, решили увеличить свою магическую силу на десять-пятнадцать процентов, будущие гражданские – не более чем на пять. Для одних было важно нанести максимальный урон противнику, для других – защититься от чужого колдовства.

Всех удивил Филипп Шарль де Бомон сюр Уаз граф Амьенский, решивший уменьшить силу на целых пять процентов. Не думаю, что его привлекает стезя магического врача, но при таких талантах принятое решение, вероятно, позволит ему засечь любое вредоносное заклинание.

Бомба взорвалась, когда пришла моя очередь.

– Курсант де Безье. Полный отказ от силы.

Комедия «Ревизор», немая сцена. Все пораженно уставились на меня, а лицо де Мертена вытянулось и побледнело.

– Курсант, объяснитесь.

– Господин полковник, ни разу в жизни, включая время, проведенное на ваших занятиях, мне не удалось совершить ни одного магического воздействия, кроме кидания камней и зажигания огня. Вероятно, это связано с перенесенной два года назад травмой. Я уже не верю, что когда-либо в будущем смогу освоить другие заклинания. Одновременно я убежден, что отказавшись от силы полностью, я смогу лучше понять суть магии и, возможно, сдвинуть с мертвой точки изучение ее законов. Кроме этого, я убежден, что смогу удержаться от помешательства и самоубийства, поскольку фактически и так живу без возможности использования магической силы. Мое решение является осознанным, прошу его утвердить.

После долгой паузы де Мертен внезапно осипшим голосом объявил:

– Занятия окончены, все свободны, кроме курсанта де Безье. Курсант де Безье, оставайтесь в учебном зале, ждите вызова к начальнику школы.

Разговор с де Ри состоялся уже через полчаса и проходил с глазу на глаз, причем на галльском языке – видимо, маршал был убежден, что каждый преподаватель и курсант приложит все силы, чтобы нас услышать. Собственно, разговором это можно было назвать с трудом. Де Ри гремел, метал молнии, вероятно, таким древние греки представляли разъяренного Зевса-громовержца. У желающих не было проблем с подслушиванием – голос маршала, безусловно, было слышно во всем замке.

– Курсант де Безье, как прикажете понимать ваш демарш – я не могу подобрать другого названия вашему поступку. В какое положение вы ставите Академию – если в результате исполнения вашего решения вы потеряете над собой контроль, вся ответственность ляжет не на вас, а на меня и всех преподавателей. Именно нас обвинят, что к учебе был допущен безответственный мальчишка, которому желание прослыть оригинальным и неповторимым важнее, чем получить знания и добиться лейтенантского патента Бретонской военной академии. О чем вы думали, когда объявляли это бредовое решение – отказаться от магической силы? Вы что, вспомнили притчу об Отказнике? Так заявляю вам, что Отказник действительно был святым! Он после отказа ушел в монастырь и посвятил свою жизнь молитвам за страждущих и болящих. Но вы в монастырь явно не собираетесь, а собираетесь по любовницам бегать! Так не будет у вас любовниц! Кому вы без магии будете нужны? Желаете идти в помощники золотаря? И туда не возьмут – там нужны ответственные люди. А ваше место – просить подавание на паперти, нищенствовать! Но даже для этого я не могу вас отпустить – вы слишком хорошо научились владеть оружием. С вашим желанием быть оригинальным и стремлением к славе, вы запросто можете оказаться в разбойничьей шайке – это же так романтично – не понятый барон вместо лейтенанта стал благородным разбойником! А уж отец-то как будет рад!

Так, товарищ перешел на родителей, явно катится к оскорблениям, пора его обрывать, пока границ не перешел. Необходимо, во-вторых, сгладить углы, а вот во-первых – воспользоваться случаем и действительно успокоить страсти в Академии, чтобы никто больше не вздумал идти по моему пути. На самом деле де Ри абсолютно прав – любой другой дворянин в этом мире, который решится отказаться от магии, просто не сможет выжить.

– Господин полевой маршал, разрешите объясниться.

– Попробуйте.

– Я понимаю, все то, что вы сказали, продиктовано заботой обо мне. Но я также понимаю, что сегодня мне предоставлен шанс изменить свою судьбу. Я уже сказал господину де Мертену, и он, безусловно, подтвердит мою правоту в том, что я не способен управлять имеющейся у меня магической силой. Я не только бесполезен в качестве атакующего мага, я бесполезен как маг вообще. И это при том, что, по мнению господина де Мертена, мой потенциал весьма высок. Можно уменьшить мою силу процентов на десять – но с оставшейся я что буду делать? Своей неуклюжестью людей смешить? Так не лучше ли мне отказаться от нее полностью? Вы только представьте, что я получу взамен – способность видеть магию во всех проявлениях,

во всем ее разнообразии! Господин полевой маршал, поверьте, я действительно уникален, но это не уникальность зазнавшегося оригинала. Она обусловлена многолетней привычкой жить, не применяя магию. Я уверен, что в мире просто нет другого человека, умудрившегося так повредить голову, чтобы, не потеряв силы, практически полностью потерять возможность ею управлять. Мое решение обусловлено принципом, которому я научился именно в вашей Академии – ищи свою силу в своей слабости. А слабость моя безмерна.

Вот на такой дикой смеси принципа дзюдо и цитаты из Шекспира²⁴ я и закончил представление для обитателей замка Клиссон.

Дальнейший разговор прошел в спокойных тонах и потому был недоступен для посторонних.

– Да, Боря, ну ты и дал дрозда. Клянусь, что ничего подобного раньше не было. Если бы не Тайна Академии, уже завтра ты стал бы самым известным человеком в мире! Полный отказ – это же полный... забыл, как по-русски это слово?

– Ничего ты не забыл, не ври. А популярность мне на фиг не нужна – я не Козловский и не Шульженко, слава богу. Наоборот, чем меньше людей будут об этом знать – тем для меня лучше, как мне кажется. В любом случае – жил я без магии шестьдесят лет – проживу и дальше, не рассыплюсь. А вот к чему отказ приведет – согласись, интересно!

– Еще как интересно! Может, действительно удастся понять – что же такое магия?

– Ну, не понять, а только начать понимание. Я же до ЧК физиком был. Забыл, правда, почти все, ну да тем честнее будет. Неправильно, когда знания от таких, как мы с тобой, приходят.

– Физик, говоришь? Тогда понятно, почему у тебя логика магию блокирует, видимо прав твой родственник. Ну что же, с Богом. Давай посмотрим, что из этого получится. Только теперь будь втроене осторожнее с дуэлями. Помни, что, хотя формально использовать в них магию и запрещено, но есть бесконечное количество приемов, как усилить руку и удлинить клинок, которые внешне не видны и применяются всегда. Ты не сможешь ответить тем же, а значит, всегда будешь проигрывать.

– А я и так не могу эти приемы использовать, придется что-то придумывать. Вот в чем я однозначно убежден – хуже не будет. Будет ли лучше? Надеюсь, очень надеюсь.

– Что ж, мужчина решил – мужчина сделал. С Богом! Передай де Мертену, что я твое решение утвердил, но только в силу традиции самостоятельного выбора курсантов. Хотя и был против, – при этих словах де Ри хитро ухмыльнулся и подмигнул мне.

В следующий понедельник состоялась процедура коррекции для курсантов нашего курса. В общем, ничего торжественного в ней не было.

Нас расположили во дворе замка и по одному вызывали в тренировочный зал боевой магии, где трио в составе де Ри, де Мертена и де Фонтэна в унисон читало какое-то мудреное заклинание. После чего курсанты возвращались во двор в различной степени обалдения.

Последним вызвали меня.

Посмотреть на мое возвращение собрались не только все преподаватели и курсанты, но и все охранники и обслуживающий персонал замка Клиссон. Впервые за всю историю Бретонской военной академии не только были сорваны занятия, чего никогда не бывало, но и оказалась полностью парализованной вся жизнь замка, включая его охрану. Все ждали моего возвращения!

А зря.

Я из зала не вышел – меня вынесли. Спящим. И проспал я, как мне потом сказали, ровно двое суток, минута в минуту.

²⁴ Шекспир. «Укрощение строптивой». Катарина: «Наша сила в нашей слабости. А слабость наша безмерна!»

А проснувшись, понял, что сорвал джек-пот на колесе Фортуны! Хотя и проблемы получил – куда же без них.

Я понял, что такое видеть магию во всем ее великолепии! Вы помните, я рассказывал, что видел желтый туман между собой и Транкавелем и красный мутный шар, слетевший с рук местной ниндзя? Так вот это то же самое, что описать Джоконду словами «ничего так бабенка», а Биг-Бен – «башня с часами». Кто видел – меня поймет. Такой сложности, красоты и информативности магического мира я и вообразить себе не мог! Все вокруг буквально расцвело! Не красками, а чем-то, что описать я даже не смогу. Нет в русском языке таких слов, как нет в нем и магии. Да, я не понимал того, что вижу, не понимал, что к чему относится и что означает. Было лишь ощущение причастности к тому прекрасному и великому, что поймут только мои праправнуки, но впервые увидел – я.

А проблемы, как обычно, – продолжение удачи. Прежде всего, как отделить магическое зрение от обычного. Ну и хрен с ним. Как там Скарлетт О'Хара²⁵ говорила: «Я сегодня об этом думать не буду. Я подумаю об этом завтра». Великая женщина!

²⁵ Героиня книги М. Митчелл «Унесенные ветром».

Глава X

Две недели после Коррекции я привыкал к новым возможностям. Бегал кроссы, ходил на занятия, дежурил в нарядах, но постоянно стремился воспользоваться новыми способностями, как ребенок, едва научившийся читать, читает все подряд, радуясь самой возможности использовать новое умение.

Во-первых, оказалось, что магия каждого человека индивидуальна и, сотворяя волшебство, маг оставляет свою строго индивидуальную метку не только на самом внешнем проявлении воздействия, но и на его результате. То есть, глядя на результат, я теоретически могу определить, кто и каким заклятием его достиг. Впоследствии индивидуальная метка исчезает, но далеко не сразу.

Более того, у каждого мага есть своя... ну, я для себя назвал ее аурой, хотя это и явно неправильный термин, поскольку видна она не глазами, но для меня совершенно четко различима и определяема. Более того, аура носит явно выраженные семейные черты. Например, есть совершенно схожие участки аур де Ри и его дочери. Да, оказывается, Сусанна тоже имела ауру, хотя, как всякая женщина – не дочь Хранителя, колдовать не могла.

Кстати, я сразу сделал открытие, правда, пока только для себя. Выяснилось, маг не оказывает прямого магического воздействия на реальный мир. Он создает некую силовую конструкцию, и уже эта конструкция формирует нечто, воздействующее на материю. Именно это нечто, и только его, маги видят и считают внешним проявлением волшебства.

В общем, есть что изучать и систематизировать. Только оглашать свои открытия рано. Как учил меня мой начальник в прошлом: «Получил информацию – затаись! Посмотри, как будут развиваться события. И только потом...»

Через две недели я привык к новым способностям. В том смысле, что опять смог сосредотачиваться на чем-то другом, кроме наблюдений за магическими процессами.

Мои однокурсники также полностью возвратились в учебную колею, и это событие решено было отметить грандиозным воскресным загулом. В этот раз моим мнением никто не интересовался – меня просто поставили в известность, что в воскресенье пьем и пьем много. Ибо традиция Академии – а это не обсуждается.

Таким образом, в районе десяти часов утра курс Военной академии Бретони набора 1617 года провел успешную операцию по оккупации лучшего трактира Клиссона – «Трезвый сержант», имея целью его удержание до 10 часов вечера, после чего курсантам надлежало возвратиться в Академию на вечернюю поверку.

В ходе последующих боевых действий по уничтожению винных и съестных припасов побежденных я узнал много нового и интересного об однокурсниках. Нет, разумеется, я знал их имена и статус, учебные пристрастия и физические кондиции. Но все наши разговоры крутились исключительно вокруг образовательного процесса. Внезапно оказалось, что к моей кличке «Черный барон» уже добавлена менее благозвучная «Зубрила», употребляемая, правда, строго в мое отсутствие. Что же, спасибо что не Гермiona Грейнджер – этого бы я точно не перенес. А так ладно – чем бы дети ни тешились...

Кроме того, мне по секрету Полишинеля поведали, что у ребят в Клиссоне богатая личная жизнь. Конечно, врожденный дворянский цинизм помогал курсантам побеждать романтические порывы и оставаться в рамках удовлетворения естественных потребностей, но не всегда. Все-таки молодость склонна к идеализму. Или идиотизму – кому как нравится. И главным пострадавшим неожиданно оказался наш граф Филипп. Вот ведь и мозги у парня есть, и выдержка, и умение разбираться в людях. А запал этот истинный ариец, характер нордический, твердый, на племянницу нашего каптенармуса, как Ромео на Джульетту.

После часа пьянки он мог говорить только о ней, причем состав аудитории его не сильно волновал. Видимо, всем остальным он с этими разговорами успел изрядно надоесть, потому что вцепился в меня как клещ. И красавица она, и умница, и добрая, и ласковая. И как он благодарен судьбе и каптенармусу (нормальное сочетание?) за это знакомство. А уж когда стал жаловаться на ее тяжелую жизнь и своих жестокосердных родственников, мне совсем нехорошо стало. А как же – его сестра сбежала с каким-то мелким шевалье непонятного происхождения, вышла замуж и счастлива! А он чем хуже?! Где-то после часа этой пытки мое терпение лопнуло, и я посоветовал этому несчастному идти искать свою любовь, пока какой-нибудь ловелас не увел.

В ответ прозвучало нечто по-телячьи невразумительное, после чего потомок древнего рода попросил прикрыть его на поверке и растворился в трактирном сумраке. Как сказали ребята, жила эта пассия в соседнем доме, так что заблудиться нашему другу явно не грозило.

Затем пьянка вошла в нормальную колею и закончилась вполне мирно. Трактир не разгромили, если не считать сломанной стойки – а нечего хозяину криво смотреть на дворян, и не важно, что у него от рождения косоглазие. Да даже морду никому не набили! Все-таки вежливый народ в Клиссоне. И умный – знает, что не следует соваться в трактир, когда в нем курсанты гуляют.

Вечером графа действительно пришлось прикрывать. Появился он только на утреннем кроссе. Донельзя довольный и измотанный, словно всю ночь грузчиком работал. Так что с этого момента и до второй пары мне пришлось эту белокурую бестию буквально под руку держать, чтобы не упал. Неважно, из стоячего или сидячего положения.

А в начале второй пары в аудиторию вошел де Фонтэн и передал мне приказ де Ри срочно явиться пред его светлые очи. Только пошли мы не в кабинет шефа, а во двор, где стояли два солдата роты охраны и сам де Ри, который отвел меня в сторону, так чтобы наш разговор никто не мог услышать.

– У нас, кажется, беда. С утра не вышел на службу каптенармус, из-за чего сорвался урок фехтования у второго курса. Послали к нему домой посыльного. Тот вернулся и доложил, что на стук никто не ответил, а из-под двери натекла лужа крови. Надо идти разбираться. Я хочу, чтобы ты, как специалист, пошел с нами.

– Прямо лужа? Размером, видимо, с озеро? Где этот посыльный?

Де Ри знаком подозвал одного из солдат, который подбежал и в соответствии с Уставом вытянулся во фронт. На полголовы выше любого из нас, широкоплечий, с могучими кулаками, похожий на медведя, он двигался также легко и пластично.

– Солдат, ответьте на вопросы курсанта.

Служивый лихо повернулся ко мне.

– Уважаемый, что вы видели около квартиры каптенармуса?

– Пятно крови, вытекшей из-под двери, – шалыпинским басом ответил солдат.

– Как определили, что это кровь – на вкус, на цвет? Может, это вино?

– Господин курсант, я в армии пятнадцать лет, прошел войны и с кастильцами, и с островитянами. Кровь я всегда отличу.

– И все же, как? Мы не ставим под сомнение ваш опыт, но очень важно знать, на что именно вы обратили внимание, что увидели, что почувствовали. Иначе ошибку можем допустить мы.

– Ну, я, конечно, ее не лизал, но на палец попробовал и да, понюхал. Она почти засохла, но не до конца. Нет, ошибиться я не мог.

– Спасибо, вы нам очень помогли, – и уже к де Ри: – Действительно, это серьезно. А где врач?

– Как назло, взял отпуск на неделю, будет в Клиссоне только послезавтра.

– Есть в городе другие врачи?

- Нет, только пара знахарей, да травницы с повитухами в окрестных деревнях.
- Плохо. Кто пойдет с нами?
- Я думаю, пары солдат будет достаточно.

В общем, де Ри был прав, и в любом другом случае я бы с ним согласился. Но вот в данном конкретном... Я же знал о связи племянницы каптенармуса с неким графом и о его отсутствии в казарме ночью. И очень мне такое совпадение не нравилось, а, следовательно, подстраховаться не грех. От самого де Бомона сейчас толку как от козла молока, пока не проспится. Да и его присутствие на возможном месте преступления, как заинтересованного лица, нежелательно. Значит...

– Я прошу направить с нами курсанта д'Оффуга в качестве секретаря. На всякий случай, помимо бумаги, чернил и пера, пусть возьмет шпагу. Я, с вашего разрешения, тоже вооружусь. Выступаем по готовности д'Оффуга.

– Действуйте, только с оружием ничего не выйдет – оружейка-то заперта.

– Тогда подготовьте нам шпаги либо преподавателей, либо солдат охраны. И не забудьте лом прихватить или что-то еще, чем дверь ломать.

С этими словами я умчался в казарму за сажей, беличьей кисточкой, лупой и куском мела, оставив де Ри решать вопрос с оружием и вызовом д'Оффуга.

О последнем надо сказать отдельно. Сей юноша являл собой классический пример дворянина шпаги. Ниже среднего роста, плотный и локкий, как обезьяна, с круглым добродушным лицом, он меньше всего походил на будущего офицера.

Этот младший сын разорившегося дворянина не имел за душой ни динария. Отец где-то наскреб денег на учебу и на этом счел свой родительский долг исчерпанным. За все время, проведенное в Клиссоне, шевалье д'Оффуга не получил из дома ничего. Зато у него была светлая голова и редкое упорство. По результатам тестов и контрольных работ он прочно удерживал второе место, а поскольку граф Амьенский отказался от стипендии лучшего ученика, она и досталась д'Оффуга. Посему молодой человек мог себе позволить расслабиться в воскресенье не только с бутылкой вина, но и с какой-нибудь не слишком скромной горожанкой.

А еще д'Оффуга был влюблен в графа Филиппа. Не поймите превратно – педерастии в Академии не могло быть даже в мыслях. Д'Оффуга им восторгался, брал с него пример, можно сказать – считал ориентиром, которого никогда не достигнуть, но к которому надо стремиться. И при этом был его ближайшим, может быть единственным другом. У де Бомона, как я говорил, были прекрасные отношения со всеми, но только с д'Оффуга он мог вести длительные беседы в стороне от других курсантов на какие-то только им известные темы. О чем они говорили, никто не знал, но было видно, что это разговор уважающих друг друга людей, не придающих значения разделяющей их социальной пропасти.

И именно д'Оффуга был единственным известным мне человеком, который не только знал патию графа, но и знал, где она живет и где они встречаются. Конечно, эти подробности он никогда бы не рассказал никому, но в крайней для графа ситуации помочь мог только он, точнее – имеющаяся у него информация. Потому я и попросил де Ри привлечь шевалье к нашему мероприятию.

Обо всем этом де Ри не знал и ввел д'Оффуга в курс дела так же, как и меня. В результате, вернувшись из казармы, я застал однокурсника в состоянии полного обалдения. Все-таки для шестнадцатилетнего мальчишки, даже одаренного воина, мысль, что рядом с его ближайшим другом произошло убийство, кажется невозможной дикостью.

Но, в конце концов, шпаги и кинжалы для нас нашлись, и группа в составе начальника Академии, начальника курса, двух курсантов и двух солдат выдвинулась в город.

По дороге договорились с де Ри, что в любом случае в квартиру каптенармуса войдем только вдвоем под предлогом необходимости начальнику все осмотреть, а мне – записать

результаты его осмотра. Остальные пусть ждут за закрытой дверью – нечего им смотреть за моими действиями – слишком много неприятных вопросов у них может возникнуть.

На место прибыли в одиннадцать часов. Как выяснилось, каптенармус жил на втором этаже двухэтажного каменного дома. Поднявшись по темной лестнице, мы оказались перед закрытой на взрезной замок аккуратной дверью, из-под которой действительно вытекла жидкость, похожая на кровь. К нашему приходу она уже засохла. Не лужа, конечно, так, пятно, но все-таки...

По команде де Ри солдаты взломали дверь, мы вдвоем вошли и, как и договаривались, эту дверь прикрыли.

Пришло привычное спокойствие, как в старые времена перед серьезной работой. И пусть я находился не на той службе, но земляк рассчитывал на помощь, а значит, надо собраться и вспомнить былое.

Прямо около входа на спине, ногами к двери лежал каптенармус. Из его груди торчала рукоять кинжала. Крови из раны вытекло немного, однако пол оказался наклонен, потому она и оказалась в коридоре.

Жил каптенармус в комнате примерно пять на пять метров. Ни кухни, ни туалета не было. Видимо, питался в трактире и в столовой Академии, а удобства были на улице. Узкое окно в правой стене по поздней осени было закрыто ставнями, в мелкие щели которых едва пробивались тонкие солнечные лучи. Для детального осмотра комнаты их пришлось открыть.

Ну что же, обстановка небогатая, типично холостяцкая – платяной шкаф, комод, стол с придвинутыми тремя стульями и аккуратно убранная широкая двуспальная кровать. У стены напротив окна камин, около которого сложена небольшая горка наколотых поленьев. К камину прислонена кованая кочерга. В углу – пустой ночной горшок. На столе тарелка с нарезанными кусками сыра, наполовину пустая бутылка неожиданно очень дорогого вина, кремль и кресало. На комодке бритвенные принадлежности и три бокала – два чистых, на дне третьего подсохшие остатки вина. Над комодом висит маленькое зеркало. В комнате идеальный казарменный порядок – полы чистые, пыли нигде нет. Только на подоконнике несколько красных пятнышек, похожих на винные. А ведь каптенармус – человек не из бедных, лейтенант все же. Мог бы жить и побогаче, тем более в Клиссоне – чай, не столица, цены здесь пониже. Впрочем, это не мое дело.

Далее, что можно сказать об оружии убийства? К сожалению, много. Кинжал, полированная нефритовая рукоять которого украшена большим турмалином, мне знаком – это кинжал моего однокурсника – графа Амьенского. Вероятность ошибки исключена – на гарде царапина, которую граф нанес при мне, когда неловко провел точильным бруском. Я ее запомнил потому, что расстроился он тогда сильно. Как же, фамильную вещь попортил, теперь ее надо в ремонт отдавать. Ага, из-за царапины на гарде, у богатых действительно свои причуды.

И главное – осмотр трупа. В правой руке покойника зажат кусок кружевной ткани, точнее был зажат, потому что сейчас кисть раскрыта. Нетрудно догадаться, что ткань оторвана от одежды, в которой вчера был одет граф. Около левой руки лежит подсвечник, чуть дальше – погашенная свеча.

Каптенармус одет в штаны и легкую нижнюю рубашку навывпуск. На ногах шерстяные носки и теплые меховые тапочки.

Еще приметный момент – пострадавший лыс, как бильярдный шар. На затылке, в месте соприкосновения с полом, гематома, именно гематома, а не трупное пятно.

Теперь попытаемся установить время смерти. Конечно, я не врач, но кое-что помню, воспользуюсь хотя бы этим. Градусников здесь нет, поэтому точное время не определить, но примерное – попробуем. По ощущениям температура в Клиссоне чуть больше десяти градусов, запоминаем, очерчиваем мелом контур вокруг тела и, помолясь, приступаем.

Крови вытекло относительно немного, значит, смотрим трупные пятна. Они явно выражены, при надавливании не исчезают, но бледнеют и медленно восстанавливаются. Положение тела пока не меняем – ждем представителей закона. Теперь трупное окоченение. Явно выражено, поза трупа фиксирована, но для очистки совести проверяем все группы мышц. Да, все фиксировано... Стоп! Пальцы левой руки скрючены и разгибаются тяжелее, чем пальцы правой. Явно тяжелее! Ой, как интересно! Не отвлекаемся, смотрим дальше.

Глаза открыты, пятна Лярше²⁶ отсутствуют, белки грязно-желтые.

Одежда не нарушена, следов борьбы не видно. Следы крови с позой трупа и характером ранений совпадают, следы волочения тела отсутствуют.

Ну что же, будем «радовать» начальство.

– Ваня, у нас не проблема – мы просто в дерьме. Этот кинжал принадлежит нашему курсанту де Бомону графу Амьенскому или, по крайней мере, является его точной копией, вплоть до царапины на гарде. Убийство произошло примерно в то же время, когда граф был в городе, и никого из наших курсантов не было рядом с ним. Как тебе новость?

Все-таки выдержка у де Ри железная. Сказанное мной в лучшем случае означало его безусловную и позорную отставку. Это если не признают виновным в халатности. А мужик лишь слегка побледнел, но ответил совершенно спокойным голосом.

– Это серьезное обвинение. Ты уверен? Я теперь должен арестовать этого графа?

– В том, что сказал, – уверен. Как уверен и в том, что это провокация, надо признать, довольно грамотная. И, чтобы выбраться из дерьма, нам надо поработать, и поработать безошибочно. Безусловно, графа надо немедленно арестовать – потом извинимся, а сейчас преступники должны быть убеждены в том, что их план удался. Далее, поскольку врача у нас нет, необходимо доставить сюда пару авторитетных горожан, чьи показания будут приняты судом. Для чего – потом объясню. Также необходимо вызвать полицейских, чтобы нас не обвинили в попытке покрыть преступника. Однако нельзя допустить, чтобы они к чему-либо прикасались до моего прихода. Сможешь обеспечить?

– Конечно, смогу! Арест графа поручу де Фонтэну – он начальник вашего курса, он справится. За прево²⁷ и субделегатом²⁸ пошлю одного из солдат, их порядочное поведение здесь обеспечу лично. Полиция переберется – убит мой подчиненный, имею право оставить дело в своей юрисдикции. Слушай, а может, по-тихому заменим кинжал, а с графом потом разберемся, без огласки? Здесь все свои, болтать никто не будет, я уверен. Объявим тайной академии и все.

– Даже не думай в эту сторону. Во-первых, я никогда такими делами не занимался и начинать не собираюсь. Во-вторых, ты что, всерьез думаешь, что мастер, который эту аферу организовал, такой твой ход не предусмотрел? Представляешь, что будет, когда твой подлог раскроется? Забудь и никогда не вспоминай. Если мне веришь – делай, что говорю. И еще, нам с д'Оффюа нужно уйти – попробуем предотвратить смерть еще одного человека, которую скорее всего тоже постараются повесить на графа. До нашего возвращения ничего не предпринимать. И хорошо бы нам взять с собой того ветерана, что первым ходил сюда – он явно мужчина тертый, его опыт может пригодиться. Один здесь справишься? Злоумышленники не должны появиться – ведь мы вроде как попались на их удочку.

После получения четких... скорее указаний, чем рекомендаций, де Ри явно приободрился – всегда приятно знать, что есть кто-то, имеющий план твоего спасения и реализующий его.

²⁶ *Пятна Лярше* – пятна в виде треугольников, появляющиеся на открытых глазах трупа. Абсолютный признак смерти, образуются в процессе высыхания роговицы. Появляются через 5–6 часов после смерти, исчезают примерно через 12.

²⁷ *Прево* – местный королевский чиновник или ставленник феодала. Осуществлял функции судьи первой инстанции.

²⁸ *Субделегат* – глава округа, как правило, выходец из простонародья.

– Думаю, именно здесь проблем не будет, так что бери солдата смело.

– Тогда командуйте, виконт! Перед нашей с д’Оффуга группой поставьте задачу найти племянницу каптенармуса и доставить ее в Клиссон обязательно живой и здоровой – есть подозрение, что именно ее могут убить и попытаться свалить это опять на графа.

– Господи, еще и племянница – она-то тут при чем?

– Увы, мой друг, но это не моя тайна. Впрочем, я надеюсь, впоследствии заинтересованное лицо позволит мне раскрыть хотя бы часть ее.

– Заинтересованное лицо – это граф, что ли? Конечно, разрешит рассказать и не часть, а все! Куда он денется.

– Однако мы увлеклись. Приступим к делу!

И мы приступили. Де Ри, видимо, вспомнил боевую молодость и раздал указания тоном, каким, наверное, посылал в бой полки и эскадроны. Четко, лихо, с полной уверенностью в победе. Даже то, что увлекшийся полевой маршал назначил старшим меня, не вызвало возражений. Все бы ничего, но д’Оффуга, увидев торчащий из груди покойника кинжал своего друга, впал в легкий ступор. Де Ри пришлось обматерить его в лучших красноармейских традициях, чтобы вернуть к действительности. Помогло.

Таким образом, из дома, где жил каптенармус, мы вышли единой бодрой вооруженной группой. Я под плащом нес маленький ломик, которым мы взламывали дверь злополучной квартиры. Один солдат сразу направился искать указанных де Ри понятых, а наша команда пошла вместе с де Фонтэном – за домом могли наблюдать преступники – пусть думают, что мы все идем арестовывать графа. Отделиться от капитана я решил только на выходе из города.

По дороге д’Оффуга рассказал о пресловутой племяннице. Девицу звали Николетта, или Колетт, как называл ее граф. Была она действительно мила, остроумна, в разговоре умела съязвить, но не обидно и в меру. Жила в соседнем доме с трактиром «Трезвый сержант», как и дядя, занимала комнату на втором этаже двухэтажного дома. Была ли эта комната съемной или Колетт ее выкупила, шевалье не знал, как не знал он и источников ее дохода. Молодым людям просто в голову не приходило думать о столь прозаичных вещах, общаясь с этой нимфой.

Основной вход в ее дом прекрасно просматривался из трактира, поэтому я решил им не пользоваться – мог ведь организатор этой эскапады устроить в обеденном зале наблюдательный пункт. Ясно, что в деле замешаны двое, а если есть и третий? Нет, береженого Бог бережет, а наглость города берет. Или там не наглость? Неважно – главное, что она наше все! Благо курсантов в городе любят, как источник дохода, и боятся, как источника неприятностей.

В подъезде, где жила Николетта, был черный ход, выходящий на узкий, сильно загаженный переулок. Вот им-то мы и решили воспользоваться.

Распределил обязанности в группе. Заходим через черный ход и укрываемся под лестницей – по словам д’Оффуга, была там нужная ниша. Затем я поднимаюсь к двери, на слух пытаюсь понять – что там происходит. Если принимаю решение на заход, работаем мы с солдатом. Цель – захватить живыми находящихся в комнате людей. С девчонкой может находиться мужчина, а то и не один, поэтому расчет на внезапность. Как ее достичь – решим на месте.

Задача д’Оффуга – перехватить человека, который может выпрыгнуть из окна. Брать не обязательно здоровым, но обязательно живым. А также подобрать вещи, которые могут выбросить из окна.

К дому подходили, сняв и скатав плащи – все же желтый цвет издали заметен. Наверное, его для того и выбрали для курсантов, чтобы хоть это их озорство сдерживало.

С дверью черного хода пришлось повозиться – кто-то ее гвоздями забил, хорошо, что ломик прихватили. А ведь д’Оффуга сказал, что еще недавно она свободно открывалась – может, друзья Колетт озаботились? Но ничего, все удалось сделать быстро и тихо.

Поднявшись к нужной двери, осмотрелся. Дверь закрыта на внутренний замок и, возможно, на внутреннюю щеколду. Так что даже вдвоем быстро можем не управиться. Из-за

двери слышны тихие голоса – мужской и женский. Слов не разобрать, но разговор явно спокойный, даже смех женский слышен – негромкий, но мелодичный.

Ситуация ясна, осталось шёпотом дать указания подчиненным и грамотно сработать.

– Служивый, тебя как зовут-то? Только не говори, что Портос.

– Шутить изволите, господин курсант, – также шепотом пробасил солдат, – никаких Портосов мы не знаем. Жаком меня матушка с папой назвали. Жак Парто, и не нравится мне, когда нашу фамилию коверкают.

Обалдеть! Точно я здесь д'Артаньяна встречу!

– Извини, не хотел обидеть, о Портосе потом расскажу, а сейчас все от тебя зависеть будет. Д'Офффа, берешь ломик и тихонечко отжимаешь дверь, а мы с мэтром Парто ее выбираем. С разбега, одновременно, плечами. Я займусь женщиной, а на вас мэтр, мужики. Один там точно есть, но может быть и больше. Причем кого-то можно сразу и не заметить. Будьте к этому готовы – не подставьте спину. Шевалье, вы сразу после нашего захода бегом возвращаетесь к двери подъезда и действуйте, как ранее договорились. И помните, господа – нам нужны «языки», а не трупы. Не подведите. С Богом, начали.

Д'Офффа ломиком сработал как надо, а державшую дверь щеколду я даже и не заметил – Парто влетел в комнату как крупнокалиберный снаряд. Дальнейшее было делом техники. Девчонка сразу все поняла, забилась в угол и пищала, как мышка. А крепкий мужик средних лет, по виду типичный горожанин среднего достатка, ничего не понял – не успел. Огромный солдатский кулак отправил его в глубокий нокаут. Больше в комнате никого не было – виктория! Но только промежуточная.

Обыскал обоих, оружия у ребят не оказалось. Не по-джентльменски, зато грамотно. Теперь, по заветам СМЕРШа, следует экстренное потрошение. Грубо, примитивно – сказывается долгое отсутствие практики, но уж как могу. Делаем ласковое лицо, достаем кинжал, представляем его к девичьему глазу и начинаем.

– Жить хочешь?

– Д-да... – голос еле слышен, дрожит, чувствую – проняло подругу.

– А как хочешь жить – целой или у тебя чего лишнее есть, глазик, например?

Резко меняю лицо на зверское и уже с надрывом, но все еще негромко:

– Кого ждете, кто еще должен прийти?! Говори, стерва, на куски порежу!

– Филипп...

– Зачем?

– Не знаю. Крис сказал просто встретить его и пригласить в комнату.

– Крис – этот? – я указал на нокаутированного.

– Нет, это Люк, а Крис пошел за Филиппом, сказал, что придут вместе.

– Кому ты передала кусок кружев Филиппа?

– Крису.

– Когда?

– Этой ночью.

– Точнее.

– Не знаю. Далеко за полночь. Он пришел пьяный, удивился, что Филипп у меня, и потребовал, чтобы я принесла его рубашку, оторвал кусок кружев с рукава и ушел. Вернулся утром, часов в девять, вместе с Люком. Сказал, чтобы мы ждали его с Филиппом, и опять ушел.

– Почему оконные ставни лишь чуть-чуть приоткрыты – темно же в комнате?

– Это Люк их прикрыл, сказал, чтобы я к ним не подходила.

– Кто тебе приказал соблазнить Филиппа?

– Крис, он вообще здесь главный.

Так, тактическая информация получена. Видимо, Крис намерен под каким-то благовидным предлогом заманить сюда Филиппа. Зачем? Вербовка – не логично, слишком активно

ребята его топили, он, по их раскладам, уже арестант. С такого агента толку – ноль. Значит – убить, чтобы гарантированно уже никогда не оправдался. Но ведь тогда и ее... Она что, действительно дура? Хотя... об убийстве своего «дяди» она не знает, может еще и не понимать, чем дело пахнет. Попробуем смягчиться, заодно и узнаем, как подруга думать умеет.

– Николетта – твое настоящее имя?

– Да.

– Ну что же, девочка, ты крупно влипла – сегодня ночью твоего дядюшку убили, причем кинжалом Филиппа. Тебе объяснить, что это значит?

Подруга думать явно умела. Глаза расширились, лицо посерело. Заорала бы от ужаса, но я деликатно показал ей кулак – смогла взять себя в руки. По крайней мере, промолчала, а вот задрожала точно как осиновый лист. Но расслабляться не будем – мало ли какие у нее театральные таланты имеются? Нет, таким верить себе дороже. Приказал Парто связать обоих, а Люку еще и рот заткнуть. Сам вызвал д'Оффуга.

– Господа, поздравляю вас с успешным началом операции. Теперь надо довести ее до конца. Сейчас сюда придут граф и организатор сегодняшнего убийства. Конечно, де Фонтэн имеет приказ об аресте графа, но, боюсь, выполнить его он не смог. Задача – задержать обоих. Я не знаю, что наплели графу, поэтому предсказать его реакцию на наше появление здесь не берусь. Ожидаем худшего и работаем жестко – конечно, не калеча, но от него ждем любой пакости.

В прошлой жизни приходилось организовывать такие засады, поэтому и не требовалось много времени на раздумья – надо было всего лишь приспособить прежний опыт к этой конкретной ситуации. Однако для окружающих происходящее выглядело явно неожиданно. Ну и ладно, главное – чтобы не спорили. И продолжил:

– Второй однозначно желает графа убить. Сделать это он планирует здесь, в комнате, но когда увидит нас, скорее всего, передумает и ударит сразу. Шевалье, вы блокируете преступнику отход. Прячетесь на лестнице и в момент входа в квартиру будете у него за спиной. Если почувствуете опасность – действуйте немедленно, но постарайтесь клиента не убивать. Он еще о многом рассказать должен.

Теперь указания Парто:

– При заходе в квартиру, скорее всего, де Бомон будет стоять впереди, второй сзади. Мэтр, ваша задача схватить графа за шиворот, ну или за что придется, и забросить в комнату, оторвав от возможного удара ножом в спину. Я постараюсь заблокировать этот удар и скрутить негодяя. Дальше действуем по обстановке. Возможно, конечно, что граф будет стоять сзади. Тогда мэтр поступает со вторым обычным образом, – я показал на еще не вполне пришедшего в себя Люка, – ну а с графом решим по обстоятельствам. Но на такой вариант особо не рассчитываем и не расслабляемся.

И дальше к обоим:

– Ну и, дай Бог, де Фонтэн исполнил приказ. Тогда организатор придет сюда в гордом одиночестве, мы его спеленаем и поздравим себя с окончательной победой. По местам. Шевалье, постараюсь вас предупредить о подходе клиентов, хлопнув дверью, но могу и не успеть, так что прошу о максимальной бдительности.

По мере моего монолога глаза д'Оффуга все более расширялись, так что к концу грозились вылезти из орбит.

– Жан, ты что – ясновидящий?

– Нет, дружище, я яснодумающий. И сейчас мы это проверим. Кстати, плащ оставь здесь – будешь менее заметным в подъезде. По местам!

Далее к Колетт.

– А скажи-ка мне, красавица, оговорили ли вы с Крисом какой условный стук или слова, когда он придет?

В этот момент глаза у девчонки стали такими же, как до этого у д'Оффуга, только на лице было не удивление, а ужас.

– Да, если все в порядке, я должна сказать: «Филипп, это ты?», если нет – «Кто там?».

– Ну, ты ведь умная девочка, ты же знаешь, что сказать? Ты ведь хочешь живой остаться?

– Да, да, да, – затараторила она.

– Вот и молодец, вот и умница. Тогда живи. Только дышать будешь, как я скажу. А если что – не обижайся, Колетт. Если вздумаешь крутить, тогда не обижайся – это будут последние минуты твоей жизни. Правильно?

– П-п-правильно.

А вот интересно – цитировать «Момент истины»²⁹ во время момента истины – это плагиат или заимствование?

Д'Оффуга занял пост в подъезде, Парто у пришедшего в себя Люка, я – у чуть приоткрытого окна и едва не проморгал гостей. Они пришли не улицей – они вышли из трактира «Трезвый сержант»! И сразу вошли в подъезд – ни о каком предупреждении шевалье не могло быть и речи – я просто не успевал.

Впереди широкой уверенной походкой спешащего человека шел граф, за ним невысокий худощавый вертлявый человечек – типичная дворовая шпана времен моего детства. Господи, только бы д'Оффуга не сплеховал! Шаги уже звучали на лестнице, я едва успел подвести Колетт ко входу, поставил не напротив двери, а сбоку, со стороны дверных петель. Погладил по волосам, чтобы успокоилась. Шепнул: «Филипп, это ты?» – чтобы не перепутала. А сам вместе с Парто занял позицию у другого косяка.

И мы не оплошали. Колетта правильно спросила, Парто буквально вбросил графа в комнату, а я левой рукой заблокировал руку шпаненка с ножом, коленом в пах, локтем в рыло, передняя подножка, залом руки за спину, обезоруживание – пеленая готовенького. Классическая связка, которую нам вдолбили в Минске, многократно повторенная перед зачетами по рукопашке и на тренировках с Гримо. Хрен бы я ее использовал, если бы противник ожидал нападения – здесь не спортзал, здесь убивают всерьез.

А так у нас трое повязанных преступников и один граф в состоянии полной непонятки. Боже, что мы слышали! После того, как ему объявили приказ де Ри об аресте, мы с д'Оффуга узнали о себе столько нового и интересного, что даже Парто восхитился. Самое обидное, что под рукой не было пера и чернил – за пятнадцать минут, пока этот аристократ отводил душу, я узнал не только новые слова, но и такие их комбинации... Интересно, сам де Бомон этому в каких салонах учился?

Так что нашей доблестной группе захвата пришлось терпеливо ждать, пока арестованный успокоится и согласится отложить объявление вендетты до прихода в замок. Силу к нему применять глупо, а объяснять что-либо тоже не с руки – незачем преступников снабжать информацией.

Для полноценного обыска времени не было, но даже беглый осмотр комнаты дал интересный результат. В углу стояла сумка, а в ней – очень интересная записка: «Тому, кто меня найдет. Я любила графа де Бомона, но сегодня узнала, что этот мерзавец убил моего любимого дядю. Он хвастался убийством и даже посмел подарить мне дядин перстень. Я опозорена навек. Я не могу больше жить. Прощайте!» Ну и перстень в той сумке тоже присутствовал.

Показал записку Колетт – она в обморок упала, пришлось пошлепать по щекам, побрызгать водой. Оказалось, почерк ее, но она такого никогда не писала. Но это уже не мои проблемы. Главное, никто из задержанных не дергается и не шумит. Так в гордом молчании их в замок и отконвоировали, сдали на попечение командиру роты охраны, именем де Ри предупредив о бдительности и недопустимости их общения с кем-либо и между собой.

²⁹ «Момент истины» – книга В. О. Богомолова, по которой снят фильм «В августе сорок четвертого».

А Крис оказался интересной личностью. Если всю дорогу от дома Колетт я видел испуганно дрожащую мразь, то в замке на меня смотрел спокойный, уверенный в себе человек. Такой взгляд бывает у по-настоящему сильных мужчин, принявших жизненно важное решение. И это решение было явно далеко от капитуляции.

К удивлению присутствующих, я откатал отпечатки пальцев графа, Криса и Люка и только после этого вместе с де Фонтэном и д'Офффа вернулся на место преступления. По дороге договорился с шеваляе, что он аккуратно опишет все, на что я буду указывать в квартире жертвы, потом дадим это подписать всем, кто будет на месте преступления.

Однако все наше приключение заняло около четырех часов. Как все это время голодный полевой маршал при поддержке одного солдата сдерживал активность не менее голодных прево и субделегата, я даже предположить не могу. Воистину Железный рыцарь! Правда, на нас он бросил взгляд, обещающий много, и явно не пряников.

Ладно, начинаем спасать положение. Оттираю д'Офффа и обалдевшего от такой наглости де Фонтэна и начинаю.

– Господа, только что нами задержана группа лиц, подозреваемых в совершении убийства. Позвольте ознакомить вас с собранными доказательствами. Прошу пройти на место преступления, однако прошу ни до чего не дотрагиваться. Нарушивший это требование может быть обвинен в уничтожении доказательств и пособничестве преступникам. (Ага, обвинен – как бы меня самого не обвинили в самоуправстве. Блефую внаглую.)

Но все вошли в дверь, тихонечко, как пионеры, встали у стены.

– Обратите внимание, господа. Труп лежит на спине. Одежда пострадавшего не нарушена, следы борьбы на теле отсутствуют. Левая кисть сжата в кулак, а правая разжата, в ней лежит кусок кружевной ткани. Во время предварительного осмотра, проведенного около одиннадцати часов, я позволил себе пошевелить мизинцы. Я явно почувствовал, что палец правой руки сгибается много легче, чем палец левой. Прошу вас, господа, засвидетельствовать, что это верно и для остальных пальцев.

Прево, субделегат, де Фонтэн и де Ри пошевелили каждый по два пальца и каждый согласился со мной. Правда, субделегата едва не вырвало, но эту подробность д'Офффа в протокол вносить не стал.

– Далее, при изменении положения тела трупные пятна до конца не исчезают. В местах соприкосновения с полом – спина и ягодицы (пришлось задрать рубаху покойника и приспустить штаны), они отсутствуют. При этом на затылке, точно в месте контакта с полом, имеется багровое пятно. Вероятно, это прижизненный след от удара – поверхность выпуклая и при надавливании синева не проходит. Для сравнения – при надавливании на трупное пятно оно бледнеет, потом цвет медленно восстанавливается.

– Теперь, господа, я прошу вас внимательно посмотреть на свои руки. Вы видите характерные линии как на ладонях, так и на подушечках пальцев. В течение последних двух лет я осмотрел эти узоры на руках множества людей и не нашел ни одного похожего. (Вру, но кто проверит. Хотя в общих чертах в применимости дактилоскопии и в этом мире я действительно убедился.) Итак, посмотрим, не остались ли следы рук на рукояти кинжала.

С этими словами я аккуратно за гарду вынул кинжал из раны, положил на стол, на лист бумаги и обработал сажей и беличьей кисточкой, благо от нечего делать в выходные руку набил. В результате на рукояти проступили четкие отпечатки пальцев – убийца держал кинжал крепко.

– Как видите, господа, следы действительно есть. Предлагаю сравнить их с отпечатками пальцев подозреваемых, сделанных нами на листах бумаги. При желании, впоследствии вы сможете убедиться в их подлинности.

Что же, даже сравнение, проведенное полными дилетантами, выявило абсолютную идентичность с пальцами Люка. Затем я проявил отпечатки на винном бокале с засохшими остатками вина. На нем оказались отпечатки Криса.

Вот это все и оказалось записано в протокол, составленный д'Оффруа и подписанный прево, субделегатом, де Фонтэном и де Ри. Хеппи энд, графа Амьенского можно отпускать на свободу. Судьбу преступников решат закон и иные заинтересованные лица. Думаю, отец Филиппа сыграет здесь не последнюю роль.

На этом, собственно, дело и было закончено. Арестованных на время следствия было решено оставить под охраной в замке, о чем де Ри немедленно и пожалел. Крис той же ночью сбежал. Из подземного каземата, будучи прикованным к стене, из-под надежной охраны, способом, о котором я читал, но всегда считал невозможным – зубами перекусил себе вены на руках и умер от потери крови. Он сидел на полу со спокойным лицом человека, честно сделавшего свою работу. В правой руке держал раскрытый дешевый медный медальон с вензелем из букв S и P, внутри которого находился миниатюрный портрет молодой улыбающейся женщины. Что означал этот вензель, кто эта женщина и что она значила в жизни Криса – надолго осталось тайной.

Глядя на труп, я вспоминал вихляющую походку, не очень сильные руки, испуганные глаза шпиона и думал – откуда в таком, казалось бы, ничтожном человечке такая железная воля и безграничная преданность своему делу или своему господину? Кем этот профессионал высочайшего класса был на самом деле? Разработать блестящую для своего времени операцию, подобрать исполнителей и так страшно покончить с собой после провала, обрубив, таким образом, единственную нить к заказчику. Это заслуживает уважения. Он проиграл не потому, что я умнее. Просто за мной стоит опыт и знания поколений, в том числе и таких Крисов.

А дальнейшее – дело графов Амьенских. Я своего земляка и своего однокурсника прикрыл, и ладно. Влезать в драки сильных мира сего – себе дороже. Как на Руси говорят – паны дерутся, а у холопов чубы трещат? Побережем свои волосы.

Вечером следующего дня, сразу после занятий меня вызвали в кабинет начальника Академии. К моему удивлению, в кабинете находились все участники вчерашнего приключения, включая господина Парто. Сей достойный муж, впервые попав в общество полевого маршала, забился в угол и постарался слиться с окружающим пейзажем, что при его габаритах смотрелось довольно забавно. А что вы хотите, такое приглашение – это неслыханная честь, возможно, такого не знала вся история галлийской армии. К сожалению, отсутствовал второй солдат. Как мне сказали – подвернул ногу во время боевой учебы и теперь в лазарете дожидался возвращения врача.

Слово взял хозяин кабинета.

– Господа! Вчера все мы оказались замешаны в неприятную историю, из которой тем не менее смогли выйти достойно, не посрамив чести и славы Военной академии Бретони. Предлагаю за это выпить!

Де Ри открыл две бутылки вина, наполнил шесть бокалов и пригласил присутствующих. Вконец обалдевший Парто подскочил к столу, жажнул свой бокал залпом, закашлялся и опрометью бросился в спасительный угол. Остальные выпили спокойно, смакуя прекрасный напиток, и начальник Академии продолжил уже официальным тоном:

– Как выяснилось, случившееся преступление имело государственное значение. В этой связи я объявляю любую информацию, касающуюся убийства нашего каптенармуса и связанных с ним событий, Тайной Академии. Отсутствующий солдат об этом уже осведомлен. Солдат, можете идти, остальных прошу задержаться.

После того как мэтр Парто вылетел за дверь, едва не сорвав ее с петель, де Ри заговорил о том, что, по-видимому, интересовало его более всего.

– Господин де Безье. Я прожил долгую жизнь солдата, бывал в тяжелых боях и крутых переделках, но ни разу не чувствовал себя так глупо, как вчера. Думаю, то же самое может сказать о себе каждый из присутствующих. Поэтому я требую, чтобы вы разъяснили нам, что же на самом деле произошло и как вы это узнали. Можете рассказывать без утайки – о грубейшем нарушении распорядка, допущенном курсантом де Бомоном, я уже знаю и соответствующее дисциплинарное взыскание наложил. А на его амурные похождения вне стен Академии мне плевать. Пусть с ним отец разбирается.

Ну что же, побыть в роли Шерлока Холмса, вещающего перед четырьмя докторами Ватсонами, это заманчиво, еще бы антураж соблюсти. А что, где наша не пропадала!

– Господин полевой маршал, безусловно, я все объясню, но мне кажется, что с бокалом вина это будет легче.

Де Ри наглость явно оценил, но решил мне подыграть. Видимо, русская дурашливость выиграла. Он открыл еще две бутылки и жестом предложил угощаться. Гости взяли по бокалу и расположились на стульях вокруг стола. Ну что же, мизансцена явно соответствует моменту, можно начинать.

– Итак, господа, вероятность провокации в отношении графа Амьенского я допускал с того момента, как узнал, что возможным пострадавшим является наш brave капитенармус. В тот момент, как вы помните, мы могли только предполагать само событие преступления, но совпадение по времени случившегося и допущенного графом нарушения распорядка, связанного с якобы родственницей капитенармуса, не могло не настораживать. Именно поэтому я попросил господина маршала привлечь к делу курсанта д'Оффва, как близкого друга курсанта де Бомона.

– Хорош друг – арестовал меня как проштрафившегося солдата, – ворчливо сказал граф.

– Ваше сиятельство, у вас еще будет возможность убедиться, что шевалье действовал исключительно в ваших интересах, – заметил я и продолжил: – Напомню, что осмотр проводился примерно в одиннадцать часов утра. Для начала скажу, что основные выводы сделаны мною на основании случайно подслушанного еще в Безье разговора двух пьяных теток, которые зарабатывали подготовкой покойников к похоронам. (Боже, что я несу! Но ведь как-то объяснить мои знания надо.) Они в трактире взялись обсуждать развитие трупных изменений во времени. И, пока разгневанный народ их не выкинул на улицу, я успел узнать, что, например, если повернуть труп после двенадцати часов с момента смерти, трупные пятна полностью не исчезнут. При быстрой смерти, как в нашем случае, если при надавливании на трупное пятно, оно лишь бледнеет и восстанавливает цвет одну – две минуты, значит, смерть наступила двенадцать – пятнадцать часов назад. Труп полностью окоченел, а в комнате было прохладно. Следовательно, с момента смерти прошло более чем двенадцать часов. Глаза жертвы, как вы помните, были открыты и белки уже имели грязно-желтый цвет. Такое бывает, по словам теток, также спустя двенадцать часов после смерти.

– Какие разговорчивые были тетки, – саркастически усмехнулся де Ри.

– Да, народ в трактире их долго терпел. Но далее. Кто видел трупы, а здесь это, видимо, относится ко всем, знает, что кисти мертвого человека после смерти скрючиваются в неплотный кулак, а у нас правая кисть с куском кружев была разжата. Кроме того, пальцы левой руки были зафиксированы посмертным окоченением, а правой разжимались практически свободно.

Я отпил вина, посмаковал его и продолжил:

– В результате получаем, что смерть наступила между восемью и одиннадцатью часами вечера от сильного и точного удара ножом в грудь. Сильного настолько, что капитенармус упал на спину и ударился головой о пол, возможно, потеряв сознание.

Сразу отметим, что кинжал хранился в оружейке и капитенармус был единственным человеком, кроме графа, кто мог его взять. Как вы знаете, оружие можно получить только в его личном присутствии.

Отсутствие следов борьбы, легкое разгибание пальцев правой руки и их раскрытое положение на момент начала осмотра свидетельствуют о том, что кусок кружевной ткани был вложен в руку пострадавшего через несколько часов после убийства.

Получается, что днем де Бомон прожужжал мне все уши о своей приязни к каптенармусу, потом пошел к его племяннице, пропустил вечернюю поверку, но затем ушел от нее, убил каптенармуса, вернулся к подруге, через несколько часов опять ушел, пришел на место преступления, оторвал кусок своих кружев и вложил в руку трупа, еще раз вернулся и милывался с племянницей жертвы до утра. Да еще убил фамильным кинжалом и оставил его в теле жертвы! Ну и кто в этот бред поверит?!

А ведь эта подстава могла сработать. Правда, исключая вложенный кусок кружев, но если честно – а обратил бы врач внимание на неравномерность трупного окоченения? Не уверен. Так что не отвертелся бы господин граф от приговора.

Я, конечно, мог напутать с определением времени смерти – все-таки я не врач, но не сильно. Но вот то, что пальцы трупа разгибали много позже того, как произошло убийство, – факт неоспоримый.

А дальше еще интереснее. Ведь племянница с дядей явно не жила – ну не спала же она в его постели. Да и следов постоянного присутствия женщины в его комнате никаких. Ни рюшечек, ни финтиклюшечек, ни женского белья. Чем же она зарабатывала на отдельное жилье? Явно не проститутка – об этом бы все давно знали. Швеей или поварихой? В ее возрасте можно быть лишь младшим подмастерьем, заработка которого на комнату не хватит, они жилье только в складчину снимают.

И оторвать кусок кружев ночью незаметно для графа могла, пожалуй, только она – остальные варианты кажутся чересчур заумными.

Так что она обязательно была связана с убийцей. И сбежать после преступления она не могла – люди вашего отца, граф, перевернули бы всю Галлию, но выяснили, что никакой племянницы у убитого не было. В этом случае у суда появилось бы много ненужных преступникам вопросов. Так что прекрасная Колетт должна была умереть и, лучше всего, опять от вашей руки, Филипп. А для этого вас должны были к ней привести.

Поэтому и было принято решение о вашем аресте. Только чтобы не дать вам возможности покинуть замок. Кстати, как вас заманили на ее квартиру?

– Этот, как его, Крис передал мне записку от Колетт с просьбой о немедленной помощи. Какая-то беда у нее случилась, а какая – она не написала.

– А почему вы с ним пошли не сразу к ней домой, а в трактир?

– Крис сказал, что Колетт просила подождать ее там. Трактир в этот день был закрыт, но хозяин пустил нас в зал.

– Вот как? И хозяин был один в трактире?

– Да, вся прислуга была распущена, даже вышибала. А что?

– А то, что вам крупно повезло. Крис, видимо, специально забил черный ход, чтобы подняться к Колетт можно было только со стороны трактира. Если бы у нас не было ломика или мы бы попросту ломанулись в дом с главного входа, он убил бы вас прямо в трактире.

А дальше, господа, все было просто. После того как под дверью Колетт я услышал еще один мужской голос, состав преступной группы стал ясен и все дальнейшие действия представляются очевидными.

По моему мнению, дело было так.

Перед Крисом была поставлена задача убить графа. Но не просто убить, а еще и скомпрометировать.

Для этого Крис завербовал каптенармуса, через которого подвел к вам, ваше сиятельство, свою якобы племянницу – особу, безусловно, умную, хваткую и умеющую управлять мужчинами.

Зная через каптенармуса, что в воскресенье состоится традиционная пьянка курса, с которой вы непременно сбежите к Колетт, он приказал ему принести ваш кинжал, разумеется, не сказав зачем. Примерно в девять часов вечера, когда вы должны были возвращаться в замок, Люк пришел за кинжалом и им же убил предателя. Таким образом, первая часть операции, казалось, была завершена – ваше обвинение в убийстве подготовлено.

Но ночью Крис пришел к Колетт, возможно, чтобы сразу ее убить, а может, чтобы подготовиться к завтрашнему дню – не знаю, но он обнаружил у нее вас и решил усилить доказательства вины. Он оторвал кусок кружев от вашей рубашки, отнес его на квартиру жертвы и вложил в руку. И на этом прокололся. Так что преступника подвело отсутствие чувства меры – качества, необходимого истинному художнику (А это я уже за Шерлоком Холмсом повторил³⁰, и де Ри, судя по ехидной улыбке, понял.)

Затем Крис взял с комода бокал и выпил вина из стоявшей на столе бутылки, но не учел патологической страсти каптенармуса к чистоте. Прокол на самом деле небольшой, который вряд ли мог привести к провалу операции. Пил медленно, смакуя – иначе я не могу объяснить, откуда взялись капли вина на подоконнике. Оцените его выдержку, господа!

А наутро ему осталось только заманить графа на квартиру Колетт и убить обоих, представив дело так, что якобы граф убил племянницу вслед за дядей, а случайный прохожий убил его, пытаясь задержать. Как вам мои объяснения?

– А если бы меня арестовали до того, как Крис передал мне записку, или я отказался бы идти с ним? – спросил граф.

– Думаю, что в его плане было учтено все, в том числе и время, необходимое для обнаружения каптенармуса, осмотра места преступления и уже после этого для ареста. Не забывайте, что это я опознал кинжал, а ни меня, ни д’Оффва там не должно было быть. Сколько времени искали бы хозяина без нас? Да и вас он прекрасно изучил – не отказались бы вы бежать на помощь прекрасной даме. Но и этот вариант Крис предусмотрел! Помните ту записку, якобы написанную Колетт? Он был готов просто организовать ее самоубийство, после чего приговор суда был очевиден.

– Вы страшный человек, барон, – де Фонтэн подошел и внимательно посмотрел мне в глаза. – Если вы способны распутать такой заговор, то какую же интригу можете закрутить сами?

– Не беспокойтесь, господин капитан. Любой литератор скажет вам, что не всякий критик может быть писателем. А на что я способен – жизнь покажет. Вчера все кончилось хорошо, и слава богу. Есть повод допить это прекрасное вино. Доклад закончил! Кстати, скоро и вечерняя поверка. Разрешите идти, господин полевой маршал?

– Идите, господа. А вы, де Безье, задержитесь.

Когда за де Фонтэном и курсантами закрылась дверь, де Ри подошел ко мне и пожал руку.

– Спасибо, Боря. Вчера ты меня спас – убийства офицера Академии самым родовитым курсантом мне бы не простили.

– Всегда пожалуйста. Кстати, записка Колетт выглядит очень убедительно, такое на коленке не состряпаешь. И еще, к хозяину «Трезвого сержанта» надо присмотреться повнимательней – он явно работал на Криса. А учитывая, что именно у него любят гулять курсанты, все становится совсем интересно.

– Я тоже так думаю, сообщу кому надо, но по большому счету, это уже не наше дело.

– Вань, а когда будут отпевать и хоронить Криса? Я хочу присутствовать. Таких противников надо уважать.

– Ты шутишь? Какое отпевание – он же самоубийца.

³⁰ А. К. Дойл. «Подрядчик из Норвуда».

– А Александр Матросов – тоже самоубийца? Он погиб не потому, что не хотел жить, а потому что исполнял свой долг. Я не верю, что он просто бандит.

– Но и доказать это не можешь, а священника наши догадки не убедят. Кто он, каким именем крещен и крещен ли вообще – ты можешь ответить на эти вопросы? Натальный крест у шпиона ни о чем не говорит, ты же и сам знаешь. Если надо – он бы под любую веру перекрасился, обрезание бы себе запросто сделал. Выбирая профессию, мы выбираем не только жизнь, но и смерть, и похороны, и даже посмертие. Завтра в час дня его закопают за оградой кладбища. Придешь?

– Обязательно. И еще – отдай мне его медальон. Ну тот, ты знаешь.

– Бери, – де Ри пожал плечами, вынул его из ящика стола и протянул мне, – только зачем? Узнать по нему что-либо невозможно, мы уже пытались.

– Я и не собираюсь. Наверное, на память... Жизнь покажет. Ну, раз нельзя помолиться, давай не чокаясь. Он был враг, но враг достойный. Дай нам бог таких друзей.

А через неделю в Академию в сопровождении личной охраны прибыл владетельный граф Амьенский – отец Филиппа.

В тот же день военный трибунал под председательством де Ри принял решение о передаче дела Люка и Николетты для дальнейшего расследования и вынесения приговора в юрисдикцию суда Амьенского графства. Как приватно сообщил мне де Ри, этот вопрос был согласован в Париже. Чего стоило это согласование графу – история умалчивает.

Перед отъездом владетельный граф Амьенский удостоил меня приватной аудиенции.

– Господин де Безье, – торжественно начал вельможа, – от своего имени и от имени семьи я благодарю вас за помощь, оказанную моему сыну. Вы не позволили негодьям замарать честь нашего рода, такие услуги не забываются. В благодарность я прошу принять эту тысячу экю. Также я заверяю вас, как бы ни повернулась ваша жизнь, что бы ни случилось, – у вас всегда в Амьене будут друзья, на любую помощь которых вы можете твердо рассчитывать!

А вот это уже серьезно. Не деньги – хотя и не маленькие, а предложение не просто покровительства – дружбы. Здесь такими словами не разбрасываются. Если сказано друзья – значит действительно друзья. Не панибратство, не возможность тыкать человеку, стоящему значительно выше в сословной иерархии, а именно уверенность, что в любой беде ты сможешь опереться на его плечо.

А значит, надо и ответить достойно.

– Ваше сиятельство! Благодарю вас за столь высокую оценку. Со своей стороны обещаю, что, если только моя служба королю не будет препятствием, я предоставлю свои знания и способности в ваше распоряжение в любой момент, когда они будут вам нужны!

Вот и весь разговор. Одна-две минуты, крепкое рукопожатие и все. А сказано много. Меня ведь тоже за язык никто не тянул, так что к славному городу Амьен надо с этой минуты присматриваться ну о-очень внимательно.

И еще одно интересное событие произошло в связи с этой историей. Нас де Ри Тайной Академии связал, а вот прево и субделегата – нет. А выпить эти два кислых друга любили, а выпив – поболтать, да еще приврать с три короба. А выпивали они в кабаках, где их слушали не только местные забулдыги, но и заезжие представители искусства – проще говоря, менестрели, у которых фантазия бьет фонтаном, в том числе, как оказалось, и по мне.

Короче, как-то субботним вечером подходят ко мне де Бомон и д'Офффа и от имени курса требуют, чтобы завтра я пошел на общую пьянку в «Трезвый сержант», где выступает некий заезжий артист с новыми парижскими песнями.

По тону и хитрым ромам вижу, что готовят каверзу, но не колются, заразы.

Ладно, хрен с вами, пойду, но смотрите, если что!

Ну и пошли. Пришли. Сели. Заказали. Выпили. Выходит менестрель и объявляет: «Господа! Свое выступление я начну с самой популярной на сегодня парижской песни! “Баллада о Черном бароне и прекрасной горожанке”!»

Я аж вином подавился! Действительно баллада обо мне. Только, оказывается, спасал я не графа Амьенского, а прекрасную девицу, естественно от мерзких разбойников! И работал я не головой, а как положено – шпагой. А потом передал ее, в смысле – девицу, в надежные руки своего влюбленного друга.

Я представил пылко влюбленным владетельного графа, в чьи надежные руки передал прекрасную Николетту, и не смог сдержать смех, который с удовольствием поддержал весь курс. О том, что было на самом деле, знали только мы трое, но и другие курсанты покатались со смеху, представив меня в роли благородного идиота.

А бедный менестрель потом долго гадал – что в его выступлении вызвало такую условно бурную, но все же совершенно нестандартную реакцию.

Разговор, которого Жан не слышал

– Ваша светлость – у меня плохие новости. Зоркий сообщает, что Маэстро и его группа схвачены, задание провалено.

После долгой паузы:

– Что, по-твоему, нам ждать в ответ и когда?

– Думаю, что ничего. Он умер в застенках, но, зная его, я уверен, молчал до конца.

– Действительно уверен?

– Судя по всему, он провел в неволе не дольше одной ночи. Палачи не дали бы ему умереть за это время, значит – самоубийство. До того, как потерял над собой контроль. Тем более что хоронили без священника и за оградой кладбища. Да. Я уверен – виконт не сказал ничего.

– Дай-то Бог... Известно, на чем он прокололся?

– Нет. К Зоркому поступили только слухи, более похожие на бред пьяного менестреля. Какой-то провинциальный барончик с какого-то бодуна влюбился в агентессу Маэстро, защитил ее, передал нашему щенку. Да вы сами можете сходить в ближайшую таверну и послушать менестрельские стоны про Черного барона – это как раз о нашем случае. Зоркий может заняться расследованием провала, но просит не ввязывать его в эту историю и вообще на пару месяцев прервать связь. Ничего конкретного, просто его интуиция... но вы же знаете интуицию Зоркого. Она его не раз спасала. По-моему, стоит прислушаться.

– Вот я еще по тавернам буду ходить – зачем мне тогда свой повар? Но послушать песенку интересно. Придумайте что-нибудь – не часто наши люди в баллады попадают. А по сути я с вами согласен. Мы сделали все, что могли, даже потеряли блестящего резидента. Наша совесть чиста, а дальнейшие потери будут не оправданы категорически. Пусть Идальго решает свои проблемы сам – в конце концов, платим мы ему более чем достаточно. Передайте Зоркому, чтобы сосредоточился на курсантах. Их характеры, успехи и неудачи, обиды, взаимоотношения. Это наш стратегический резерв – мы не можем потерять еще и его. Так что пусть работает спокойно. И на всякий случай на пару месяцев прервите связь – успокойте человека.

– Будет исполнено. А что с семьей Маэстро? У него жена и девятилетний сын.

– Да уж, жена... Вот как такой мастер, как Маэстро, умудрился отрастить столь раскидистые рога? Нет, не понимаю.

– Любовь слепа. А виконтесса... может, не простила его особенности?

– Нет таких особенностей, которые оправдывают неверность супруга!

– Однако, ваше сиятельство, не во всех странах так думают. В Галлии традиционно дворянские жены становятся королевскими любовницами, не скрываясь, даже гордясь этим. Если можно изменять с королем, почему нельзя с другими?

– Да, это так. И именно поэтому мы сильнее! Честью, верностью Божьим заветам! Кроме того, галлийцы все же могут выяснить личность Маэстро и выйти на семью. Нельзя допустить, чтобы от семьи они пришли к нам. Это правила игры. Виконт сам их соблюдал – за это ему и платили. Ну и за результаты, конечно. Поэтому прервите все связи – ни одна ниточка не должна протянуться сюда.

– Как прикажете, ваша светлость.

Глава XI

И дальнейшая жизнь покатила по накатанной, в строгом соответствии с Уставом Академии и расписанием занятий. Учеба, зимняя сессия, рождественские каникулы, опять учеба. По выходным жесткие тренировки с Гримо и изредка – поездки на заработки в Нант. А что – я там в фавориты выбился, народ на мои выступления стал специально приходить. Соответственно и гонорары получал солидные – порядка пятидесяти экю в день, и это после оплаты услуг врача. А как же – я дрался с самыми сильными бойцами и по морде, ребрам и другим частям тела получал за милую душу. И все это надо было лечить экстренно, чтобы в Академию возвращаться аккуратным, чистым, с целыми зубами, максимум сильно уставшим – типа любовница укатала.

И только одна отдушина – юная виконтесса Сусанна де Ри. Я и сказки ей рассказывал, и на конные прогулки с ней ездил. Мы даже с ней мелодии подбирали – я напевал, она раскладывала по нотам. В основном песни, которые когда-то мои дочери любили. Стихи я переводил, нагло выдавая за свои. А что вы хотите, у меня о жене, детях, родителях и друзьях всей памяти осталось – песни да стихи. Только их я смог взять с собой. Все-таки душа по детям скучала до боли – был бы жив в своем мире – сейчас внуков бы нянчил. Наверное, я был бы хорошим дедом...

Хитом этого увлечения стало «На сопках Маньчжурии». И странно было здесь, в средневековом галлийском замке, слышать клавесин, играющий этот старинный русский вальс.

С самим виконтом поболтать удавалось редко – не по чину ему с курсантом якшаться. Хотя три раза набрались мы от души – на двадцатое декабря, девятое мая и разок без повода – просто под настроение.

Народ в замке от этих нарушений субординации прибалдел, но тихо. Видимо, все решили, что нас та история с убийством сблизил. И то сказать – де Ри с моей помощью избежал не просто неприятностей – краха всей карьеры.

Ну и информацию о графстве Амьен я понемногу собрал. Оказывается, здесь это фактически фронт, граничащий на востоке с кастильской Фландрией. А поскольку через Амьен проходит кратчайший путь между Парижем и Кале – крупнейшим портом, только недавно отвоеванным у Островной империи и до сих пор являющимся объектом ее притязаний, графство имеет стратегическое значение для страны.

На Амьен, в свою очередь, точит зубы Кастилия. Если бы кастильцам удалось его захватить – золото за проезд через графство к ним рекой бы полилось. А так эта река льется в казну короля Галлии и графа Амьенского в пропорции шестьдесят на сорок. Правда, часть этих доходов, и немаленькая, у обоих уходит на оборону. Граф за свой счет содержит городской гарнизон – амьенский полк, входящий в состав пикардийского корпуса, и поддерживает боеспособность крепости и городских укреплений. Так что корона на его владения не претендует – свою долю казна и так получает, а все проблемы с кастильцами переложены на графа, являющегося прямым вассалом Его Величества и его же не очень дальним родственником.

В таких условиях предложение графом дружбы будущему выпускнику Академии одновременно являлось и приглашением на службу, а наша служба стоила дорого. Мало нас – всего двадцать – двадцать пять человек в год Клиссон выпускает, да из них треть сразу в придворные идет. А за остальными открыта настоящая охота и не только галлийских вербовщиков. Где только выпускники ни служат. Говорят, кого-то и на Русь занесло, но это скорее легенда – нечего нам пока там делать. В нашем мире на Руси в это время только-только Смута закончилась, Михаил Романов на царство сел. Что здесь – толком не знаю, но им явно сейчас не время галлийских военных разведчиков на службу звать.

А вот Османскому султану двое наших точно служат. Говорят, даже свой гарем завели, хотя веры и не меняли – чего в жизни не бывает!

Так что заполучить меня на службу Амьенскому графу – за счастье, но это я не в упрек. Служить действительно надо, так почему не там?

Но всерьез об этом думать пока рано – только вчера экзамены за первый курс закончились. Я везде, кроме выездки, отличник. На коне тоже хорош, но таких чудес вольтижировки, что мои однокурсники вытворяют, мне никогда не показать. Для этого надо родиться на лошади.

И по боевой магии у меня «отлично»! Но здесь другое. Я учусь не просто вместе со всеми – я учусь с каждым. Да еще де Мертен со мной дополнительно занимается. Задача – научиться определять заклинания других до того, как они сработают. А ведь у каждого свой стиль, свои индивидуальные особенности и почерк. В конце концов, скорости разные – пока один только готовит свое воздействие, дугой две-три пакости уже устроит.

Плюс мне де Мертен показывает такое, о чем остальным курсантам только рассказывает, да и то мельком. Есть огромные пласты магии, которые не то что использовать – о них знать не положено. Например, некромантия – управление мертвыми. К этому разделу клиссонцев близко не подпускают – не та подготовка. Но де Мертен – великий маг – им владеет и только мне показывает. Специально водит в местную больницу и демонстрирует на трупах. Использовать эту гадость у меня все равно не получится, а вот различить ее – запросто. Зачем – жизнь покажет, но Академия меня этими знаниями вооружила.

А некромантов, да и магов других уникальных специальностей, готовят сравнительно недалеко – близ портового городка Марле в Магической академии Бретони. Только в эту Академию на экзамены приезжать вообще не принято. В нее приглашают. В Галлии таких гениев находят человек десять-пятнадцать в год, по всей стране одна из задач священников – выявлять в детях магов уникальной силы. Это действительно алмазы чистой воды, которые необходимо ограничить под бдительным присмотром лучших специалистов. Вероятно, священник Безье в свое время просто утаил информацию о юном бароне. И правильно сделал – мне страшно подумать, что этот гений мог наворотить. Был бы у этого мира свой Волан-де-Морт, а кому бы от этого хорошо стало? Молодец отец Гюстав, взял на себя ответственность, по-мужски поступил.

Обучение в Магической академии начинается с восьмилетнего возраста и длится десять лет. При этом, поскольку такое длительное обучение всего нескольких человек в год никак не рентабельно, в Марле обучаются дети со всего мира. И это не скромный замок Клиссон. Там, по слухам, создан огромный учебный комплекс. Он и Галлии-то принадлежит не полностью. Магической академией управляет Совет попечителей, куда входят представители правителей всех заинтересованных стран. И только ректора назначает король Галлии. Как они там до сих пор не передрались при таких-то политических разногласиях – не знаю, но работает это заведение уже больше двухсот лет. Владели этими землями и кастильцы, и островитяне – и никаких проблем не было. Только ректоры менялись, и то после окончания срока контракта. Например, когда Галлия отбила Бретонь у островитян, островной ректор командовал еще лет десять.

Сам де Мертен как раз и окончил в свое время Магическую академию по курсу боевой магии. А какая у него библиотека! Он к ней только меня подпускал, да еще и конспектировать разрешал. Так что о своем решении отказаться от магии я не пожалел ни на минуту – за такие знания – не жалко!

И еще один бонус я с этим отказом получил. На меня перестала действовать сама магия. Не полностью, а лишь в той части, в которой сила мага не превышала мою. Но у меня-то изначально сила была огромная, я ее только использовать не мог. Так что если меня теперь какое заклинание и достанет, то уж очень ослабленное. Это на самом де Мертене проверено – спровоцировал я его на шутовское заклятие, а потом показушно страдал! А я ведь любое заклятие

теперь могу увидеть на стадии формирования конструкта и отчасти уклониться, особенно если оно направленного действия.

Но об этом, как и о возможности индивидуализировать магию, я никому не сказал. Это то оружие, которое не следует выставлять напоказ.

Однако весенняя сессия окончилась, и ребром встал вопрос – чем заняться в каникулы. После зимней я остался встречать Рождество в Клиссоне вместе с самыми бедными из курсантов, кому и податься было некуда. Только в отличие от них не ударился в загул, а вместе с де Мертеном посвятил каникулы изучению магии. Поскольку теории не существовало от слова вообще, мы решили пойти путем Фарадея, то есть накопления информации через огромное число произвольных экспериментов.

А что будет, если на пути заклинания поставить доску? А если стекло? А если кирпич? А если его направить под углом к стеклу? А если к зеркалу? И так далее, выдумывая и проверяя на практике самые неожиданные и невероятные «а если». Результатом этого веселья стала пробитая насквозь полуметровая стена учебного корпуса, паника среди жителей Клиссона, не обрадовавшихся вылезшему из могилы скелету, зашедшему к своим потомкам, чтобы опрокинуть стаканчик вина, и большая статья, направленная в столичный журнал «Основание», выпускавшийся под патронажем Магической академии.

Статья вызвала бурную реакцию в научной среде, поскольку при ее написании были использованы методы подачи и оценки материала, элементарные для меня, но новые для местных ученых. Основной идеей статьи стала гипотеза о сотворении заклятий через создание магами силовых конструктов. Естественно, ее автором был де Мертен, которому ассистировал молодой лаборант де Безье.

И, конечно, выяснил, что такое заклятие ласточки. Оказалось – вещь мерзкая и страшная, действующая только на детей. Вызывает у них стремление к суициду. Если его действительно против сына барона применили – он с лошади не упал, он с нее сам головой на камень бросился. Наводится оно через амулет – видимо, кто-то из взрослых дал ему какую-то заколдованную вещь. Но это расследование сам барон проводит, и о результатах он мне пока ничего не сообщил.

Еще я научился описывать ауры. Пусть не очень подробно и пока не совсем научно, но все же... Сразу после коррекции силы, я выписал из Безье стрелу, которую «лейтенант» из себя вынул, и аура на ней осталась! Точнее, на следах крови. Так что теперь, если его встречу – узнаю, никуда не денется.

Однако это было зимой, а летние каникулы хотелось провести с большей пользой.

Месяц в Безье меня не привлекал категорически – из писем следовало, что там все спокойно, а бездельничать и тосковать – увольте.

Де Бомон пригласил провести каникулы в Амьене, но я отказался по тем же причинам. Рано мне там светиться. Одно дело свои услуги предложить, другое – вертеться в качестве надоедливой гостя. Нет уж, когда решу служить, тогда и приеду. Офицером, а не туристом.

Но вот проехаться по тем местам инкогнито совсем не грех. А если еще и денег зарабатывать, и местной военной практики хлебнуть – так просто здорово. Где это возможно, всего за месяц-полтора? Может, и много таких вариантов, но мне в голову пришел лишь один – охрана купеческих караванов.

Крупнейший рынок охранников находится около Парижа, в районе Сен-Дени. Если там наняться на маршрут до Кале и обратно – как раз нужный срок и получится, главное – чтобы никто об этой эскападе не узнал – для клиссонского курсанта это не комильфо.

Так что, по отработанной схеме, оставил лошадь в знакомом трактире в Нанте, заплатив за уход, переоделся на съемной квартире и, вуаля, превратился в юного искателя приключений. Затем трое суток на дилижансе, и я на месте. Отоспался под открытым небом, благо сухо и тепло, и вперед к найму.

Из оружия взял две сабли, которые замотал в дорожный баул. Я же сейчас не дворянин и не военный – мне с оружием на виду расхаживать нельзя. Вот подпишу договор на охрану – тогда пожалуйста, а до этого ни-ни, в лучшем случае оштрафуют.

Честно говоря, идя на ярмарку наемников, я ожидал действительно ярмарки – шумной, пестрой, с толпами кандидатов на службу и криками вербовщиков, а на деле все оказалось организовано спокойно, можно сказать чинно. Купцы нанимали не охранников, а только командиров охраны. Этот процесс проходил в двухэтажном здании гильдии наемников, за закрытыми дверями. Там оговаривались все условия, включая состав охраны, режим службы и размеры оплаты. Поскольку, как правило, командиры уже имели в своем распоряжении сложившиеся отряды, на этом процедура и заканчивалась. Исключение составляли случаи, когда отряду требовалось усиление. Тогда командир и шел на ярмарку, где выставял плакат с указанием требуемой специальности, маршрута движения и предлагаемой оплаты. Кандидаты подходили, подробнее оговаривали условия, иногда торговались и, если приходили к согласию, сделка заключалась.

Я ни к какому отряду не принадлежал, поэтому сразу пошел выбирать маршрут. К удивлению, все маршруты в Кале и даже в Булонь проходили не через Амьен, а через кастильский Аррас. Конечно, расстояние до Кале практически такое же – но зачем две границы пересекать? А до Булони так и вовсе дальше.

Так что предложение на маршрут Париж-Амьен-Булонь было только одно, и найм проводил не командир отряда, а сам купец! Ему требовалось четырнадцать бойцов, в том числе два лучника. Да, оказывается, лучники в Галлии были и даже пользовались спросом! Это только я считал себя уникальным и неповторимым, а зря.

Около купца стояла крепкая молодая русоволосая женщина высокого роста, с развитыми плечами, тонкой талией и крепкими пальцами. В руках два распрямленных тисовых лука типа лонгбоу³¹, на лице маска. Несмотря на молодецкие пропорции воительницы, мужеподобно она не выглядела. А еще у нее была аура! Дворянка в поисках приключений? Вряд ли – многие проходившие мимо наемники с ней здоровались, хотя никто не останавливался поговорить.

Очень интересно. Надо наниматься.

– Мэтр, мне интересно ваше предложение, но вы не указали размер оплаты.

Купец скептически посмотрел на меня – молодой парень в недорогой одежде, явно без опыта, да он, может, и оружия в руках не держал. Что от такого проку? Но скрепя сердце спросил:

– Ты хоть знаешь, с какой стороны за шпагу держаться, герой?

– Знаю, но предпочитаю сабли. Мой батюшка долго на востоке наемничал, пока в Галлии не осел. И меня научил. Я и двуручный сабельный бой знаю, а сабли у меня с собой. Так что не переживайте, не дай бог кто на караван нападет, об меня многие зубы обломают.

– А не врешь?

– Желаете проверить лично? А смотрите!

Беру в руки сабли и демонстрирую фланкировку – по сути лишь упражнение на силу и гибкость кистей, но смотрится круто! Да и любому ясно – такому, да еще чтобы сабли в круги сливались и в воздухе свистели, за месяц не научишься, нужны действительно годы тренировок – в общем, убедил заказчика. За весь контракт купец предложил триста либр, что для новичка являлось весьма и весьма приличным окладом. Причину этой невиданной щедрости я понял позже, но, честно говоря, и заранее зная о подвохе, от этого контракта не отказался бы. А если бы мог предвидеть последствия более отдаленные – согласился бы и на меньшие деньги.

³¹ Лук лонгбоу – классический английский лук, изготовленный из тиса, длиной в рост человека или чуть более.

Изопрятаться не стал, представился Жаном Каттани, семнадцати лет. А что – отец якобы итальянец, а сериал «Спрут» здесь гарантированно никто не смотрел. После подписания контракта подошел к будущей... нет, теперь уже просто к товарищу по оружию.

– Привет, меня Жан зовут.

– Марта. Страшная Марта – слышал?

– Нет, я здесь первый день. И знаешь, давай я тебя просто Мартой буду называть, хорошо? А тебя, я смотрю, тут многие знают.

– Через пяток лет и тебя здесь многие знать будут, если работу не поменяешь. Ну и если доживешь, разумеется.

– Надеюсь, что доживу. А насчет работы – посмотрим, это мой первый найм, так что не загадываю.

– Я вижу, что не второй, иначе бы ты этот контракт не взял.

– Так плохо? А почему?

– Потому что последние год-полтора Амьен, считай, блокирован разбойными бандами. Грабят купцов нещадно. Сейчас в этот город ходят только большие караваны минимум с полуротой охраны, и то без нападений не обходится. А у доблестного мэтра Фурнье груза всего три телеги, да десяток слуг, да охраны он хочет всего ничего. С одной стороны, правильно – наймет большую охрану – привлечет внимание, а от деревенских увальней мы отобьемся. Но вот если нападут серьезные люди – будет нам кисло. Потому никто из командиров к нему и не подписался. Видишь – сам отряд нанимает.

– А ты как же?

– А у меня с ним контракт на пять маршрутов. Этот последний. До этого все нормально было, Фурнье человек осторожный. С какого перепоя он решил ввязаться в эту дурь – я и представить себе не могу, но уперся как баран. И главное – везет-то ткани, кружева – ну что им сделается? Подождал бы пару недель, когда соберется караван, и вперед, без шума и риска. Нет, надо ему срочно – корабль подойти должен из Канады. Это когда корабли оттуда вовремя приходили?

Ну да мне деваться некуда – контракт уже подписан, надо выполнять. Значит, как дисциплинированный слуга, сажусь рядом и впадаю в дремотное состояние. Жду других простаков.

Вдруг, примерно через полчаса, к мэтру подошел огромный, шумный человек лет тридцати с длинными нечесаными волосами и длинными вислыми на венгерский манер усами. Одет в небогатый костюм из толстой кожи, на боку боевая шпага, вроде как дворянин. Выглядит небогато, но на среднем пальце правой руки перстень с огромным зеленым камнем, возможно изумрудом. Перстнем человек явно гордится – старается держать его на виду.

При виде подошедшего Марта скривила губы.

– Здорово, мэтр! Поздравляю – твои проблемы решены. Я, шевалье де Куэрон, имею свой отряд и готов взяться за охрану вашего обоза. Этих можно прогнать – у меня достаточно своих людей!

Фурнье искренне обрадовался, но, к его чести, от подписанных с нами контрактов отказываться не стал.

– Шевалье, я рад вашему предложению, но этих молодых людей я уже нанял и не собираюсь платить неустойку. Если у вас есть лучник, я готов нанять вас и двенадцать бойцов, если нет – одиннадцать.

Наемник смерил нас презрительным взглядом.

– А, Страшная Марта, – саркастически ухмыльнулся де Куэрон, – опять влезла в мои дела. Черт с тобой, оставайся. Может, не сильно нам помешаешь.

Лица Марты я под маской не видел, но было заметно, как она напряглась. Однако ответила спокойно:

– Я тоже рада тебя видеть, Симон. Извини, конечно, шевалье де Куэрон.

Похоже, Марте каким-то образом удалось его задеть – слишком демонстративно тот отвернулся и теперь уставился на меня.

Как воспитанный юноша, я встал, однако в глаза этому «рыцарю» смотреть не стал – еще посчитает за вызов, а зачем сразу обострять отношения? Подождем. Я не кровожаден, но будущие конфликты сразу чувствую, а в том, что с этим типом мы еще схлестнемся – ни минуты не сомневался. Как и в том, что он ни разу не шевалье – не было у него ауры. Мог, конечно, и купить себе титул, ну да мне какая разница?

А де Куэрон, видимо, уверился в своем превосходстве.

– Запомни, я командир, все мои люди – для тебя командиры. Не исполнишь приказ – вылетишь из отряда за срыв контракта. Понял?

– Так точно, господин командир!

– Ладно, мэтр, пойдем оформлять контракт. А вы ждите здесь.

Когда мы остались вдвоем, Марта присела на свой баул и стала демонстративно меня разглядывать.

– На мне что, нарисовано чего? Вначале Фурнье на меня пялился, потом этот герой, теперь ты.

– Рисунков лично я не вижу. Может, конечно, Симон их углядел, но точно не я. А вот я вижу дворянина, который за каким-то дьяволом полез в наше дерьмо и даже поджал лапки, когда ему нахамили.

– От дворянки слышу, – проворчал я в ответ. Однако глазастая дамочка. И умница – интересно с ней будет пообщаться.

А Марта рассмеялась искренним, заливистым смехом:

– Ну уж нет, мои родители к дворянам никакого отношения не имели. Фламандские крестьяне в зачуханной деревушке среди болот.

– И каким же ветром тебя в наемники занесло?

– А вы, ваша милость, для такого вопроса оделись неправильно!

– ?!

– Сутану где забыли? Вначале оденьтесь по форме, службу отслужите, а потом чад божьих на исповедь и созывайте.

– Ну, извини, был не прав, погорячился. А что – из меня действительно дворянство прет?

– Да нет, не особо, ты и спину гнешь, и в глаза не глядишь, так что действительно за потомственного наемника сойдешь. Это у меня глаз наметан – как смотришь, как рукой эфес ищешь, как пытаешься воротник поправить, которого у тебя сейчас нет. Да ты не бойся, у нас в эти дела лезть не принято – мало ли от чего человек в наемники подался – с деньгами у всех проблемы бывают.

– Угу. Самая глубокая пропасть в мире – финансовая. В нее можно падать всю жизнь. – К месту процитировал я великого комбинатора. И тут же был вознагражден – смех у Марты просто очаровательный.

– Ладно, благородный господин, годится, сработаемся!

– Конечно! Только ты меня больше по-дворянски не зови. От тебя согласен, а от других этого слышать не хочу. Жан я, просто Жан. В крайнем случае Каттани. Договорились?

– Договорились, не беспокойся. Это я так, пока мы вдвоем, вредничаю. А в походе такие шутки – последнее дело. Не дай бог кто из-за мелкой обиды службу забудет хоть на мгновение – всем может быть плохо.

– Ну и договорились. Я смотрю, у тебя один лук новый, успела к нему пристреляться?

– Увидел, что место хвата не отполировано? Молодец. Сам умеешь стрелять?

– Не из таких. У меня дома восточный, кавалерийский. А с этим от меня толку будет мало. Но хоть посмотрю, как ты стреляешь. Люблю я луки.

– Я тоже. Да и в охране от них толку больше, чем от пистолетов и мушкетов. Расстояния короткие, нападающие или вовсе без брони, или, в худшем случае, в легкой кирасе, которую мой лук с тридцати шагов пробивает. А пока человек эти тридцать шагов пробежит, я в него два раза выстрелить успею.

– Сколько? Да я такую скорострельность даже представить не могу!

– А ты по лесу ходить умеешь? – неожиданно изменила тему разговора Марта.

– Да вроде не падаю.

– Э, нет. Здесь тебе не армия – тут нас мало, а в охранение двойками ходят. Одна в головном дозоре, две по бокам. Места на маршруте лесистые, возможностей для засады полно. Если дозорный подшумит – злодеи успеют от него спрятаться и организуют внезапное нападение.

Давай-давай, поучи курсанта Клиссона тактике организации засад и борьбы с ними, – подумал я, однако вслух только заверил, что по лесам ходить умею, ибо батюшка подрабатывал ловлей браконьеров и меня с собой в лес брал не раз, – а что, нормальная легенда.

Вообще Марта оказалась приятным собеседником и за разговором мы и не заметили, как подошло время обеда. Тут и появились наши наниматель и командир. Выглядели они весьма довольными, но нас результаты их переговоров не интересовали – мы на отдельных контрактах. С ними подошли еще одиннадцать человек. Таким образом, в составе отряда охраны, помимо командира, было двенадцать бойцов и только один лучник. Фурнье спешил, и ждать, когда найдется второй, не стал.

Вечер ушел на сбор каравана, приобретение и укладку дорожных запасов, распределение обязанностей. А с рассветом мы двинулись в путь.

Колонна состояла из шести подвод. Три полностью груженные товаром и одна с припасами шли посредине, две, отданные в распоряжение охраны и слуг, шли в голове и хвосте колонны. Ночевали на постоялых дворах, выставя тем не менее пост охраны из четырех человек, сменявшихся каждые три часа. Нам и слугам снимали комнаты на четыре человека, Фурнье и де Куэрон – на двоих, Марта спала в комнатах, предназначенных для женской прислуги.

Однако, к моему и Марты удивлению, во время движения никакого походного охранения де Куэрон не выставял. На недоуменный вопрос Фурнье он ответил, что за безопасный проход каравана отвечает перед лигой наемников, абсолютно уверен в боеспособности своих людей, ну кроме двоих, разумеется, и вообще просит не указывать ему, как организовывать охрану. Так что эта самая охрана спокойно ехала в повозках, тихо наслаждаясь бездельем.

От безделья бойцы в лучших традициях сплетников перемывали косточки общим знакомым, от них я и узнал, что Марта действительно родилась в семье фламандских крестьян в какой-то дикой глуши (ну не могло такого быть, просто по законам генетики). Кто-то там научил ее виртуозно владеть луком (ну разумеется, все крестьяне просто мастера этого дела, кто бы сомневался!). Однако, когда девчонке было примерно пятнадцать лет, деревня попала под рейд кастильского карательного отряда. Как раз в то время в тех краях прошли крестьянские бунты, и войска получили приказ объяснить быдлу, кто в доме хозяин.

Убивать никого каратели не стали – кто работать будет? Но повеселились знатно, от души. Марте страшно изуродовали лицо. Что с ней делали еще, наши воины обсуждали особенно подробно, в деталях, явно зная это дело не понаслышке.

Вот после этой истории Марта из деревни и сбежала. Изуродованное лицо намертво закрыло для нее возможность найти достойную женскую работу. Прибилась к охране какого-то сеньора, ну там постирать, пошить, еще чем обслужить (искренний разудалый смех!), но как-то и свое умение стрелять показала, за что была переведена в статус дружинника. А потом тот сеньор дружину распустил, и Марта подалась в охрану караванов. Дело она свое знала, неоднократно спасала караваны от нападения – никогда не паниковала, стреляла невероятно быстро и убийственно метко, за что ее и ценили.

Единственная беда – мужиков к себе не подпускала. А вот темной ночью, да поворотить бы ее к себе спинкой, да наклонить, да юбочку задрать... Ну, дальше как обычно – такие разговоры одним заканчиваются. Мне они уже на второй день приелись, потому я и стал стараться как можно больше времени с Мартой проводить. Нет, о сексе там речь не шла даже в перспективе. Она женщина разумная, самостоятельная, а главное, мечтала о нормальной семье, чтобы дом, муж, дети. Понимала, что с ее лицом это невозможно, но мечту прогнать не могла, да и не хотела. Такие на дорожные приключения никогда не разменяются. Зато она много видела, о многом могла рассказать, а рассказчик была удивительный! Речь яркая, образная – слушаешь ее, и перед глазами все как живую происходит. Жила бы в моем мире – точно великим писателем стала или режиссером. А что там за нашими спинами шипят – ну ни разу не волновало.

Вот в такой мирной атмосфере мы и добрались до Пикардии. Я уже уверовал в счастливую звезду де Куэрона, ведь до Амьена оставалось всего два перехода.

Все изменилось, когда караван остановился на постоялом дворе близ аббатства Нотр-Дам-де-Бретей. Как принято, после ужина все, кроме поста охраны, завалились спать, но мои соседи устроили такой храповый хор, что я твердо понял – уснуть мне сегодня не судьба. Через час заступать на пост, так что отосплюсь днем в повозке, благо службой нас не нагружают. А пока решил выйти прогуляться, подышать свежим воздухом. Было полнолуние, тепло, на небе ни облачка. Извилистая тропинка вела к тихой речке, от аромата некошенной травы кружилась голова, кузнечики сходили с ума – благодать!

И только я отошел от постоялого двора, как услышал негромкий разговор де Куэрона с неизвестным.

– Завтра выезжаем на рассвете. Со мной четыре человека, остальные – чужие. Перед лесом я выставлю своих людей в три двойных дозора, сам буду в правом. Возьму с собой одного щенка – он кажется опасным. По крайней мере, купец говорит, что никогда не видел такой работы с оружием, так что его я убью сам, чтобы все получилось наверняка. Лучник всего один и тот – баба. Стреляет, правда, хорошо, и к ней мне не подобраться. Попробую подлить ей сонного в питье, надеюсь, поможет. Она обычно не едет, идет пешком около третьей повозки, там же держит лук и стрелы.

– Так яду ей и все дела – потом прирежем, на тебя никто не подумает.

– Нельзя. Если уснет – народ только посмеется, типа не вовремя у бабы кровь пошла. А вот если помирать начнет – тут уже другая реакция будет. Так что только сонное и то только слабое, чтобы замедлилась, – де Куэрон прокашлялся и продолжил: – Как захватите обоз – купца и слуг хоть огнем жгите, но чтобы живые были – мы же их спасти должны. Если меня заподозрят – конец нашему делу, больше ни одного барана привести не смогу. Напоминаю – на грабеж у вас десять минут, не больше. И еще – уводите только повозки с товаром – не хочу до Амьена пешком идти, да и у купца должно хоть что-то остаться. Все-таки охранник я или кто?

– Или кто – или кто, – с тихим смехом ответил собеседник. – Ладно, девицу мы из арбалета приголубим. Да не волнуйся ты, не впервой!

– Вот то-то, что не впервой – не расслабляйтесь. Ладно, удачи!

Весь разговор я пролежал, вжавшись в землю, не шевелясь, в лучших традициях ирокезов. Вымок в росе, продрог, но себя не выдал.

Вот уж действительно повезло так повезло! На самом деле я этому типу изначально на грош не верил и, если бы он пошел со мной в дозор, следил бы за ним в оба глаза. Ну не должен командир сам идти в охранение. Его дело – командовать. Так что хрен бы он меня врасплох застал. Но вот с остальными что делать? Предупредить? А кто мне поверит? Да тот же Фурнье на смех поднимет – тоже мне – щенок на матерого пса хвост поднял! И от остальных другой реакции ждать не приходится.

Кроме того, а кто те четверо, на чью помощь наш бравый командир рассчитывает?

Так что поговорить я могу только с Мартой. Но когда? В какой момент и куда де Куэрон снотворное сунет?

Делать нечего, придется идти в спальню, на радость окружающим – благо сегодня она одна в комнате. Вот ведь повод для сплетен будет! Но по-другому нельзя, жизнь дороже.

Моя смена закончилась в три часа и, под одобрительные смешки старших товарищей, я направился в комнату Марты, расположенную на втором этаже. А поскольку дверь изнутри была закрыта на задвижку, я, как истинный кабальеро, полез в окно. Нашел во дворе лестницу, приставил к стене, тихонько поднялся, ножом аккуратно снял крючок, державший ставни, открыл их и тут же получил каким-то тазом по морде! Громко, больно, обидно, понимаешь, да? Из соседних окон грохнул здоровый мужской хохот – видимо, народ давно ждал от меня решительного поступка, а от Марты подобной реакции.

Вот и совершай рыцарские подвиги во славу прекрасных... хм... гм... да, прекрасных дам, а какие они еще бывают?!

Тем не менее я твердо решил, что битая морда – не повод отказываться от своих планов и, кряхтя как старый дед, таки влез в то окно.

И уже Марта испуганно прижала руки к лицу – маски на ней не было. Но в ярком лунном свете я успел все рассмотреть. Вот клянусь – тех мерзавцев, что сотворили такое с женщиной, казнить надо, причем в лучших местных традициях, как за святотатство. Лица не было вообще. Глаза, губы и страшное переплетение шрамов. Господи, как же она это пережила? Как она вообще после этого человеком смогла остаться? Да за один ее смех ее к лику святых при жизни причислить надо. Или это я святотатствую? Но и ладно. Вернусь, найду Транкавелия – упрошу, оплачу. Он же врач, он поможет! Должен помочь!

Наверное, Марта что-то такое прочитала на моем лице, потому что, отвернувшись, надела маску, снова повернулась и тихим спокойным голосом, каким матери говорят с глупыми расшалившимися детьми, спросила:

– Зачем ты пришел?

– Завтра нас будут убивать.

– Кто? – голос по-прежнему спокоен.

– Бандиты с помощью Куэрона, – и я пересказал содержание подслушанного разговора.

– Ты правильно сделал, что пришел. Сегодня я не буду ни пить, ни есть. Один лук у меня всегда снаряжен, утром в повозке снаряжу и второй. Спасибо. Только уходить тебе прямо сейчас нельзя – ты должен был или уйти немедленно, или задержаться надолго. Что же, пусть думают, что ты добился своего. Тогда у нас будет шанс. А репутация... я ведь знаю, что обо мне говорят. Но когда-нибудь я вырвусь из этого болота, и у меня будет семья. Будет, будет, будет... – и Марта заплакала. Так не плачут взрослые люди. Так плачут только дети. Чисто, светло и безнадежно. Профессиональный солдат, лично убивший множество людей, которого завтра самого будут убивать. Она плакала, а я утешал ее, как ребенка, которому безразличны доводы разума, которому просто надо, чтобы кто-то близкий повторял и повторял, что все будет хорошо, страхи пройдут, а утреннее солнце обязательно улыбнется и вернет потерянное счастье...

Я ушел затемно. Соседи по комнате деликатно притворились спящими. А утром народ, глядя на мою побитую физиономию и красные глаза Марты, сделал логичный вывод, втихомолку ухмылялся, но помалкивал. Простые, милые люди. Кто же из них те четверо, что сегодня наведут на караван убийц и спокойно будут слушать наши предсмертные крики? Что же, скоро узнаем.

Примерно через час после начала пути караван подъехал к лесу.

Куэрон (ну не мог я его даже мысленно признавать дворянином) дал команду остановиться и подозвал охрану. Марта подошла, всем своим видом показывая, что борется со сном из последних сил.

– Мне не нравится этот лес, выдвигаем охранение. Я иду лично, будьте внимательны.

В левый и головной дозоры он назначил четырех человек, от которых, в общем, я никак не ждал предательства. Нормальные, компанейские мужики, всегда готовые подставить плечо, чтобы вытолкать увязшую повозку, собрать дрова для костра на привале, смастерить немудреную походную снедь. Сейчас они уходили, обрекая нас на смерть. По крайней мере, они так думали.

Себе в напарники Куэрон выбрал меня. И слава богу – не придется красться за ним в попытке предотвратить убийство. Теперь сам его убью, не зря я обе сабли взял. Ну, если, конечно, он не одумается.

Через десять минут пути по лесу Куэрон пристроился ко мне за спину и послышался шелест доставаемой из ножен шпаги. Когда обернулся, шпага еще не обнажилась, а на губах мерзавца сверкала улыбка победителя – пока я еще оружие достану, а пистолета у меня нет и отскочить некуда – кругом в сплошную стену слились густые кусты. Да, господин Куэрон, за измену надо платить. И за невнимательность тоже – не обратили вы внимание, что левую саблю я прицепил обратным подвесом, на шашечный манер – меня этому де Ри лично учил. Самый быстрый удар – никакие японские катаны рядом не лежали.

Он еще продолжал улыбаться, когда к его ногам упала его же правая кисть. Улыбка сошла, только когда я обратным восходящим ударом перерубил ему горло. Предатель попытался закричать, но воздух к связкам уже не поступал. Все как учили – быстро и тихо. Только мне погано – первый человек, убитый мною в схватке. Не стрелой на расстоянии, а вот так, лицом к лицу, глаза в глаза. А ведь дай я ему возможность обнажить шпагу, и неизвестно, чем бы дело кончилось. Все-таки опыта реального боя у меня до этой минуты не было.

Но и возможности порефлексировать нет – надо возвращаться. Уже буквально на подходе со стороны каравана раздались выстрелы, и я рванул на помощь. Спина взмокла, во рту сухо, но бежать надо – там наших убивают. Когда подбежал к дороге, увидел, что бой ведется уже у самых повозок.

Нападающих человек тридцать, из них уже шестеро раненых или убиты – корчатся на земле. Наши потери пока не понять, но Марта жива, стреляет с невероятной скоростью. А прямо передо мною мужик поднимает мушкет. Ну, это ты зря. Пока раскинь мозгами на дороге, а мне в драку надо. Эх, посмотрим, чему я научился!

Реальный бой скоротечен. Несколько отработанных до автоматизма защит и ударов и все. Вот только начали – и уже конец. И народ на меня во все глаза смотрит, кто жив. И ужас в этих глазах, а я вообще мало чего понимаю. Только что жив, что победил и что Марта жива.

А потом схватил ее за руку и рванул в ближайшую повозку. И случилось. Это не было любовью, это не было ни страстью, ни похотью. В этом вообще не было ничего человеческого. Наверное, так насилует женщину в захваченном штурмом городе победивший солдат – стремясь не получить удовольствие, а перелить в женское тело переполняющие душу ярость и животный страх. Изнасилование – это про людей, а мы не были людьми. Нам неведом был стыд, нам было плевать, что нас слышат, что еще не убраны трупы убитых – нам на все было наплевать. Мы просто делали то, что хотели, здесь и сейчас.

И когда все кончилось, мы, выйдя из кибитки в пропитанных кровью и потом одеждах, не прятали взгляды – их отводили все остальные.

Как оказалось, охране удалось убить восьмерых бандитов. Еще на земле осталось двое раненых, один из них – атаман. Остальные ушли. Кто-то из них наверняка тоже ранен, но преследовать нельзя. Главное – безопасность каравана. Наши потери – один убитый и один раненый. Спасло то, что банда состояла из вчерашних крестьян, не научившихся даже толком держать оружие. Они рассчитывали на предателей, внезапность и численное преимущество, а столкнувшись с профессиональной обороной, бежали, бросив раненого командира.

До Амьена километров двадцать, но населенные пригороды гораздо ближе, надо спешить. Только вначале оказать помощь раненым – промыть раны вином, ленты ткани, как заменитель бинтов, с собой – раны закрыть, наложить жгуты, обязательно запомнить время – ибо жгут нельзя держать более двух часов. Что в наших силах – сделали, остальное в руках Божьих и лекарей, если успеем донести.

А тех четверых, что в охранение ушли, мы больше не видели. То ли они сбежали, то ли их свои убили, а то ли сами в разбойники подались. Не знаю, да и знать не хочу.

Но вот атамана допросили. Мужик не хотел на дыбу и на кол, потому пел соловьем. Правда, недолго – только и успел о Куэроне и его сообщниках рассказать, да и помер. Так что полиции Амьена в качестве «языка» достался только один живой бандит, но много ли от него толку? Свою банду он сдаст, но кто сказал, что она в этих краях единственная? Не могли же три десятка немых оборотов целому графству дорогу перерезать. Не по силам им это. Нет, думаю, здесь работы – край непочатый. Зато местным не скучно – агентурой в деревнях обраться, связь налаживать, тактику егерских подразделений осваивать. Раста в профессиональном отношении.

А мы дальше, на Булонь. Только в Амьене на пару дней задержались – ой не зря, чувствую, Фурнье спешил. Был, был у него здесь отдельный интерес. Но это уже точно не наше дело. А наше дело – без приключений добраться до Булони и вернуться в стольный град Париж. А как это сделать с половиной охранного отряда? Да просто – нанять в Амьене недостающих бойцов. Ну да здесь уже купеческая гильдия постаралась – дали нам людей проверенных. И командира подобрали с репутацией, умелого. Так что я сразу понял – халява кончилась, началась служба. Ну и правильно – для того в охранники и пошел.

В результате дорога до Булони и назад пролетела как один день. Об отдыхе не было и речи, даже пока разгружались – грузились в порту, а забрали мы заморские пряности да кленовый сахар, командир нас гонял в хвост и гриву – отражение нападения пехоты, отражение нападения кавалерии, действия в рукопашной, подстраховка и взаимозаменяемость. Я раньше об этих вещах только на лекциях слышал, в теме о защите обозов от нападения диверсантов. Да и то мельком – нас больше готовили на другой стороне играть – захватывать эти самые обозы.

За все это время с Мартой словом не удалось перекинуться. И она меня явно избегала – все-таки то, что между нами произошло... ну не по-человечески это. А я ведь у нее первый был – представляете?! Я всегда знал, что мужицкая болтовня о бабах слова доброго не стоит. Но чтобы настолько! Девчонка через такое прошла, себя для мужа хранила, а споткнулась об меня. Мачо, блин, самому противно. И как к ней теперь подойти – не знаю. Жениться-то я на ней никак не смогу, а извиниться или прощения просить – это уже просто ни в какие ворота не лезет. Даст в морду и будет права.

Так что вернулся я в Амьен вооруженным новыми знаниями, вымотанным до предела и злым на себя и на весь белый свет. Зато за всю дорогу ни одного инцидента с бандитами, что здорово. Я не восторженный пацан, меня кровавые драки не влекут.

В Амьене отдыхали три дня. Наконец появилось свободное время, и я смог осмотреть город.

А посмотреть действительно было на что. Прежде всего, огромный храм – поистине величественное строение.

Представьте, путник долго ехал по пыльной дороге, через опостылевшие леса, поля, убогие деревни. Он устал, окружающий пейзаж не просто надоел, а опротивел. И вдруг вдали, над кронами перелесков человек видит взметнувшийся к небу шпиль. Долгожданный конец путешествия и красота храма сливаются и дарят ту самую радость, которой так не хватает в этом жестоком мире.

Потом, по мере приближения к городу, путешественник видит грязь и нищету окраин, типичные для этого времени. Он проезжает мимо покосившихся хибар, около которых никто

даже не пытается убирать мусор и нечистоты, кварталов, приютивших воров и грабителей, нищих и проституток – всю грязь этого города. Но чем ближе к храму, тем меньше становится мерзости и в конце пути лежат чистые улицы, вдоль которых стоят красивые дома. И огромная центральная площадь, по которой ходят нарядно одетые люди. И в центре – величественный храм, красоту отделки которого невозможно описать словами.

Но самое главное поджидает путешественника внутри. Пространство взрывается, ошеломляя высотой сводов, светом, льющим через расцвеченные витражами окна, ярким даже в пасмурную погоду. И прямо перед ним – огромная икона Спасителя, от которой невозможно отвести взгляда. Что это – просчитанная умелым архитектором реакция среднестатистического прихожанина? Возможно, но боже, как же это прекрасно!

Два дня я просто ходил по Амьену. Дитя двадцатого века, меня поражали не размеры построек, а то, с каким упорством люди при любых обстоятельствах стремились к красоте. Даже небогатые дома окраины, если не брать во внимание откровенное дно, были украшены цветочными кашпо, стоящими на подоконниках и висящими на окнах. А уж те, что побогаче, буквально соревновались в оригинальности и красочности отделки. Иногда в ущерб вкусу, но никогда в ущерб хорошему настроению.

На третий день Фурнье передал мне и Марте приглашение на ужин от главы купеческой гильдии графства Амьен господина Ренарда.

Надо сказать, что в Галлии приглашение на ужин к дворянину означало приглашение на торжественное мероприятие, обычно с музыкой и танцами.

А у простых людей, в том числе купцов, приглашенного ждала неспешная беседа в спокойной домашней обстановке, с бутылочкой-другой лучшего вина, которое может позволить себе хозяин.

Но пришлось и нам с Мартой потратиться, поскольку у нас с собой были только те вещи, которые необходимы в пути. Не пойдешь же в богатый дом в потертой кожаной куртке, таких же штанах и шляпе, в которую намертво въелась пыль всех пройденных дорог. А Марте и вовсе беда – в ее платьях удобно стрелять, шпагой орудовать. Но в гости? Да к уважаемым людям?!

В общем, весь день мы, позабыв о проблемах, вместе бегали по магазинам. Вначале, как ни странно, купили одежду мне. Причем выбирала Марта, заявив, что от моего выбора за версту веет дворянским происхождением и мужланским воспитанием, поэтому, если я хочу сохранить в тайне свой статус и полное отсутствие вкуса, должен делать то, что говорит умная женщина.

Так что, подходя вечером к дому мэтра Ренарда, мы выглядели как мелкие буржуа, старшая сестра с братом. Люди не слишком богатые, но и не бедные, каких не стыдно принимать в любом приличном доме. И уж точно мы не были похожи на тех головорезов, что околачиваются на рынке наемников в Сен-Дени.

Месье Ренард встретил нас лично. Был он невысок ростом, худощав и подвижен, умные глаза смотрели с хитрым прищуром. А поскольку о его железной деловой хватке и жесткости в бизнесе по городу ходили легенды, можно с уверенностью сказать, что свою фамилию он оправдывал полностью³².

Проживал месье Ренард с семьей. К нам вышли его жена, сын с невесткой и два очаровательных внука, по-видимому близнецы лет пяти-шести. Немного позже присоединилась младшая дочь хозяина – сухощавый невзрачный подросток неопределенного возраста, державшаяся необычайно тихо, даже робко.

Небольшая трапезная располагалась на первом этаже двухэтажного дома. Места за столом едва хватило всем присутствующим – значит, гостей здесь принимают не часто и нам оказана большая честь. Приятно, черт возьми.

³² Renard (*фр.*) – лиса.

За ужином завязалась чинная беседа о новых романах известных писателей, новинках театральной жизни Парижа. Причем Марта легко поддерживала разговор, а я чувствовал себя эдаким типичным солдафоном, так и подмывало ляпнуть какую-нибудь скабрёзность из арсенала поручика Ржевского. И это фламандская деревенщина?! А я тогда кто? Идиот круглый, одна штука? Думаю – да.

Действительно, Марта путалась в приборах, не знала, как обращаться к слугам, так что было видно, что куртуазного воспитания она не получила. Но эти же ошибки совершенно спокойно совершали и хозяева. При этом врожденный такт позволял моей спутнице вести себя настолько естественно, что все огрехи казались просто милыми капризами. Так что к концу ужина она очаровала всех присутствующих. Даже дочь хозяина оттаяла и с жаром вступила в спор о каком-то романтическом персонаже какого-то рыцарского романа.

А когда все было съедено, семья месье Ренарда, попрощавшись, удалилась, и мы остались втроем для действительно нужного хозяину разговора.

– Господа, месье Фурнье рассказал мне о приключении, случившемся с вами по дороге в Амьен, и о вашей роли в его спасении. Не скрою, приход каравана в определенные сроки был важен и для города, и для меня лично. Но и это не главное. Караван Фурнье – первый за полтора года, который смог отбиться от разбойного нападения без серьезных потерь. Для меня, да и для всего Амьена необходимо понять, как вам это удалось, и как мы можем использовать ваш опыт для борьбы с этим злом.

Марта, как умная девочка, немедленно перевела стрелки:

– Это заслуга Жана. Он предупредил, где и когда будет нападение, осталось только подготовить оружие и предупредить остальных. Так что вопрос не ко мне.

– Господин Каттани?

– Боюсь, и я не смогу вам помочь. Мне тупо повезло, что я смог подслушать разговор командира охраны с атаманом разбойников. Если бы не это – нам было бы намного труднее.

– Труднее не значит невозможно, – немедленно среагировал Ренард.

Молодец, четко отмечает недосказанное.

– Да, но и здесь, к сожалению, приходится говорить о везении. Командир охраны откровенно манкировал своими обязанностями и совершенно распустил подчиненных, а ведь знал, что участвует в опасном предприятии. Разумеется, это насторожило Марту, как опытного охранника, а уже она указала на эту нестыковку мне. Так что к чему-то такому мы в принципе были готовы. А стрелять из лука и размахивать саблём мы с Мартой действительно умеем. Так что, если бы я не услышал разговор, все равно были бы готовы. А уж то, что командир решил лично пойти в дозор – такое нарушение порядка охраны пропустить никак невозможно. Но вот если бы мерзавец с самого начала организовал службу как положено, у него могло получиться. И не пили бы мы сейчас это прекрасное вино.

– Манкировал, нестыковка, принцип... Вы уверены, что вы простой наемник и сын наемника, месье Каттани? – лукаво улыбнувшись, спросил хозяин.

А вот это надо пресекать немедленно, тоже мне, детектив из местной лавки.

– Вы пригласили нас, чтобы изучить мою родословную, мэтр Ренард?

– Разумеется, нет, просто стало интересно, не более, – сразу отыграл назад хозяин. – Не обращайтесь внимания, пожалуйста. И еще я пытаюсь понять, почему повезло именно вам? Что такого есть в вас обоих, что именно вам улыбнулась удача? Поверьте, это не пустое любопытство, – мы не просто несем убытки – гибнут люди. Только в этом году разбойники убили пятьдесят два человека, не мальчишек, а опытных воинов, у которых к тому же были семьи. Родители, жены, дети. И я не знаю, сколько погибнет еще. А все известные потери бандитов – те трупы и пленник, которых привезли вы. Вы обиделись на меня, месье Каттани? Я приношу свои извинения. И прошу помочь защититься от этой беды.

– Помочь – разумеется. Но почему вам? При всем уважении, мэтр, не дело купца ловить преступников. Дело купца получать прибыль, с налогов на которую должны содержаться полицейские. И, на мой сторонний взгляд, эти вопросы должны задавать они. Поймите, я не отказываюсь отвечать, но не вы же будете использовать то, что я скажу. Зачем играть в испорченную почту?

– Испорченную почту?

– Детская игра, когда несколько раз пересказанное послание меняет свой смысл.

– Никогда не играл. Однако, если вам интересны наши полицейские, можете зайти в участок, полюбоваться на этот сброд. Нет, свою работу они как-то делают – патрулируют улицы, рынок. Но за пределы города не суются – это дело сеньоров. А те верят только в военных, тем более что формально безопасность на главной дороге обязан обеспечивать их маршалский суд. А от армии толку нет. Пробовали. И леса патрулировать, и дороги. Вот никакого результата. Только пройдет патруль – через пару часов на этом месте ограбление.

– Сочувствую, но мы с Мартой при всем желании проблему не решим. Да, я могу обратить ваше внимание на то, что наш караван атаквала только одна шайка. Или она здесь единственная, что вряд ли, или их действия согласованы. Я могу отметить, что атака готовилась через командира охраны, внедренного аж в самом Париже. Значит, схема у преступников рабочая и надо анализировать предыдущие нападения именно с этой точки зрения. Я даже могу посоветовать сопоставить места нападений – возможно, выявится, где надо готовить контрзасады, но вам-то что с того? Кто эти контрзасады умеет готовить, кто будет анализировать? Кто будет работать с осведомителями в деревнях? Ну не купцы же, честное слово.

– Вообще-то я пригласил вас, чтобы предложить остаться в Амьене. Именно для того, чтобы помочь решить эту проблему. У членов гильдии родилась мысль за свой счет создать отряд для борьбы с разбойниками. Обещаю, что таких денег вам нигде не предложат.

Ну конечно, кто бы сомневался – сейчас семнадцатилетний пацан и изуродованная девица напрягутся, раз-два – и у купцов нет проблем. Интересно, он сам-то в это верит? Скорее всего, опять создадут синекуру для кого-то из своих, тот наберет отряд, погоняет его по лесам, на том дело и успокоится.

Опыт борьбы с организованными лесными бандами, а здесь банды явно организованны, показывает, что результат достигается только системной работой, чётким взаимодействием между оперативными службами, спецназом и армией. Армия имеется, спецназ, в общем, тоже, но другой направленности – диверсионно-разведывательной. И тех специалистов единицы, а для контрпартизанской войны и подготовка должна быть иной.

А вот оперативных подразделений нет в природе. Разведка есть, видимо, есть и контрразведка – без них государства не существуют. Но насколько сильна в этом полиция – не знаю, просто не сталкивался ни разу, а, по общим отзывам, они агентурной работой не занимаются в принципе – только патрулирование городов, фиксация преступлений и гласное дознание. Может быть, и используют информаторов, но тогда делают это в глубочайшей тайне, раз никто об этом даже не догадывается. Вот пытки и доносы – это да, это всегда пожалуйста! Только для правдивого доноса правдивый доносчик нужен, а где его взять, если преступник не дурак и о своих подвигах в кабаках не кричит? Хотя бывает, конечно, но редко, редко. А про пытки я вообще молчу – с ними виноватым оказывается не тот, кто виноват, а тот, кто боль хуже переносит. Вот здесь простор фантазии у допрашивающих ничем не ограничен! Как говорил в том моем мире один судейский тип, кстати, друг кардинала Ришелье, «покажите мне самую безобидную линию на руке человека, и я найду, за что его повесить».

Только сплоченные и организованные банды таким путем не победить. Вот и в нашем случае, привезли мы полицейским раненого разбойника, они на дыбе из него фарш сделали, а толку ноль. Пока поняли, где стоянка шайки, пока туда добрались, там уже никого. Только куча говна посреди поляны – в качестве пламенного привета. Ну, назвал он пятерых сообщников,

даже нашли таких, только разбойничать по крайней мере трое из них уж точно не могли – степенные семейные люди, работали на землях аббатства, каждый день на виду, утром и вечером в церкви.

Их, правда, тоже на дыбу определили в служебном рвении, и даже признание получили, но тут уже местный кюре вмешался, до аббата дошел – не дело это, чтобы хороших работников без разбора хватали, да приход прибыли лишали. Даже про такое слово, как «алиби», полицейским рассказали. Пришлось отпустить, причем всех пятерых.

В общем, низкая эффективность европейской полиции начала XVII века отмечалась и в моем мире. В это время в той же Франции она находилась в ведении муниципалитетов, соответственно ими финансировалась и перед ними отчитывалась. И никакого заметного влияния на криминогенную обстановку не оказывала в силу малочисленности и низкой квалификации.

В самом Париже существовал знаменитый Двор чудес – на самом деле несколько кварталов на окраинах города, куда полиция просто не заходила. Кварталов, где спокойно жили преступники всех мастей, профессиональные нищие, дешевые проститутки. В них сложилась своя субкультура, свои законы и моральные нормы. Жители Двора чудес являлись ночными хозяевами города, грабившими и убивавшими добрых парижан, причем слишком часто – безнаказанно. И это в столице, что же говорить о провинции.

Юмор ситуации в том, что я действительно знаю, что надо делать, но кто же мои слова всерьез воспримет? А уж Марту в эту драку втягивать – это просто свинство. Хватит с нее, девчонка и так лиха хлебнула. Нет, приезжаю в Париж, нахожу Транкавеля и занимаюсь Мартой вплотную. Женой она мне не будет, любовницы не хочу, но такими друзьями не разбрасываются, даже если они в юбке.

Однако из вербовочной беседы, а мэтр нас явно вербует, надо выходить плавно, без махания пашкой. Мало ли как жизнь сложится? В будущем знакомство с ним может пригодиться очень даже.

– К сожалению, месье Ренард, у меня имеются обязательства, исполнение которых займет какое-то время. Но я благодарен за предложение и, с вашего позволения, воспользуюсь им при первой же возможности. Марта?

– В ближайшее время я тоже буду занята, – как-то излишне торопливо ответила моя спутница. Ну вот что бы мне тогда на это внимание обратить? Скольких проблем бы избежал! Не, как был мужлан шестьдесят лет, так и не поумнел.

Но это к слову. А так уважаемый мэтр выглядел весьма расстроенным. И чего он от нас хотел на самом деле? Вот не верю, что всерьез видел в нас спасителей амьенского купечества. Или артист великий? Показал амьенцам, что всю радует за их безопасность? Типа: я сделал все что мог, приглашал даже заезжих специалистов и теперь совесть моя чиста? Вроде нет, хотя...

Как выяснилось много позже, Фурнье был поражен нашими с Мартой умениями убивать себе подобных, о чем и рассказал Ренарду, а тот захотел полюбоваться лично и пополнить в коллекцию слуг города. Так что никакой особой интриги за этим разговором не стояло.

– Очень жаль, господа, я действительно рассчитывал на вашу помощь, и буду молиться, чтобы вы передумали. Но в любом случае от имени купеческой гильдии Амьена я благодарю за спасение каравана нашего коллеги и прошу принять вот эти памятные медали. Если в будущем захотите обратиться к гильдии, будет достаточно предъявить их, и двери всех наших купцов будут перед вами открыты.

Хорошо сказал и поступил хорошо – медали явно золотые. На реверсе выбит год – 1618, на аверсе – надпись «За спасение каравана» и ниже – «Купеческая гильдия Амьена». Достоин, ничего не скажешь.

Затем мы с Мартой еще немного, чисто для протокола, посидели, поболтали о пустяках, откланялись и пошли на постоянный двор. Жаль, но по дороге разговор не клеился, словно

что-то сломалось в наших отношениях. Вроде и не ругаемся, а словно стекло между нами. Прозрачное, тонкое, но не разбить его никакими силами.

На обратном пути обоз охраняли оставшиеся шесть человек. Раненый боец остался лечиться в Амьене, с ним Фурнье рассчитался в соответствии с контрактом.

Причем как-то само собой получилось, что обязанности командира охраны перешли ко мне. Благо опыт организации службы у меня уже был, так что все прошло, что называется, в штатном режиме. Ну и до границы с Пикардией обоз сопровождал полуэскадрон Амьенского полка, поэтому ни о каких нападениях не могло быть и речи.

Разгрузились в пакгаузах на окраине Парижа, Фурнье расплатился по контракту и, надо отдать ему должное, выплатил деньги, причитавшиеся предателям, а также передал те, что должны были пойти в гильдию наемников. Но тут уж фигушки – за эту сумму они гарантировали квалификацию и порядочность командира, а нам что досталось? Тем не менее контракт Куэрона закрыть надо. Не мне – Жан Каттани уже завтра исчезнет из этого мира, превратившись в барона де Безье. Но мои товарищи останутся, а без закрытого прежнего контракта никто им новой работы не предложит. Так что пришлось идти в гильдию, потому что меня считали командиром и потому, что кроме меня и Марты никто из наших читать и писать не умел.

Увидев, что закрывать контракт пришел мальчишка, секретарь главы гильдии скучным голосом сообщил:

– Касса гильдии на первом этаже справа от входа. Отнеси деньги, получи там отметку на контракте и принеси его мне, потом – свободен.

Ага, побежал я. После всего случившегося. Ладно, поставим господина на место.

– Господин секретарь, я, Жан Каттани, представляю интересы членов гильдии, сопровождавших караван господина Фурнье в Булонь. На основании указанных в контракте условий об ответственности гильдии за неисполнение взятых на себя обязательств, прошу внести вопрос о рассмотрении нашего контракта на заседание Большого Совета.

В приемной, где шел этот разговор, было достаточно много народа – командиры отрядов, купцы, сотрудники самой гильдии. Уважаемые, серьезные люди негромко обсуждали какие-то свои дела или просто болтали в ожидании приема. Но после этих слов умолкли и удивленно уставились на меня. Видимо, заявление о нарушении гильдией условий контракта, тем более высказанное мальчишкой – такого история еще не знала.

Секретарь даже паузу взял, чтобы отдышаться.

– Ты кто такой, чтобы серьезных людей от дела отрывать? Щенок, будет мне еще указывать, кого вносить в график Совета? А ну вон отсюда, и чтобы я больше тебя не видел! А тем кретинам, что тебя послали, передай, что это был их последний контракт, больше их не наймет никто и никогда, это я тебе обещаю!

– Как скажете, господин секретарь, но именно я замещаю погибшего командира отряда Куэрона, и если наш вопрос не будет рассмотрен на заседании Совета, то я прямо сейчас направлюсь в муниципальный суд с иском уже к самой гильдии. Суд мы, безусловно, выиграем, а кого назначат виновным за убыток и позор... ну, в конце концов, это действительно не наше дело. Кстати, оскорбление мне и моим людям было нанесено публично. Мы не дворяне, поэтому думаю, что сотня либр в качестве моральной компенсации меня устроят.

Народ вокруг откровенно развлекался, кажется, уже всем стало интересно, чем дело кончится.

– Ну, смотри, ты сам напросился, – даже не проговорил, а прошипел возмущенный секретарь, после чего зашел в кабинет главы гильдии.

Через пару минут он вышел и нарочито официальным тоном сообщил:

– Господин Каттани, вас просят пройти.

В кабинете мирно беседовали трое здоровенных мужиков лет около сорока пяти, одетых как богатые горожане.

Когда я вошел, они прервали разговор и посмотрели на меня как на какую-то диковинку, интересную, но совершенно не опасную. Один из них обратился ко мне тоном, каким терпеливые родители говорят с расшалившимся ребенком – подчеркнуто вежливо, со снисходительной иронией.

– Господин Каттани, позвольте представиться, глава гильдии наемников Богарэ. Здесь находятся мои заместители, – он жестом указал на своих собеседников, – если вы не возражаете, мы готовы рассмотреть ваш вопрос в этом узком кругу.

Поскольку присесть мне никто не предложил, я скромно подошел к столу и нейтральным голосом доложил:

– Господа, в настоящее время я команду отрядом, ранее возглавлявшимся командиром де Куэрном. Во время сопровождения каравана господина Фурнье де Куэрон вступил в сговор с бандой разбойников и организовал их нападение на охраняемый караван. В ходе боя предатель был убит, по решению оставшихся в живых членов отряда новым командиром был избран я.

От былой расслабленности руководителей гильдии не осталось и следа. Теперь я видел перед собой матерых хищников, защищавших свою территорию. Собранные лица, пронзительные взгляды.

– То есть ты утверждаешь, что твой командир навел на вас разбойников и ты до сих пор жив? Кому ты рассказываешь сказки, мальчик? Да я немедленно посылаю за полицией! Сами просрали караван, трусливо сбежали, наниматель отказался платить, и ты решил срубить денег с гильдии? – Богарэ со злостью ударил кулаком по столу. Громко так, наверняка в приемной услышали – вот секретарю радость-то.

– Никто никуда не бежал, караван дошел до Булони и вернулся без потерь, а наниматель расплатился полностью, – я твердо решил не реагировать на хамство. В конце концов, моя задача – отстоять деньги, а не скандал устроить.

– Тогда какого черта ты приперся? Плати взнос в гильдию и убирайся! Не видишь, мы делом занимаемся.

– Так, господин Богарэ, я ж потому к вам и пришел – за что платить-то?

Было очень интересно наблюдать, как менялись выражения лиц собеседников. Причем менялись синхронно, словно все было заранее отрепетировано. Теперь эти лица стали удивленными.

– Как за что? Читай контракт, пункт седьмой, там прямо написано – двадцать процентов контракта выплачивается гильдии. – Коллеги Богарэ кивнули головами, опять синхронно – точно тренировались, интересно только когда?

Ну что же, делать удивленное лицо и я умею, наверное, забавно наш разговор со стороны смотреться.

– Действительно, – я положил на стол контракт, – в седьмом пункте написано «За исполнение своих обязательств гильдия получает двадцать процентов оплаты, выплаченной нанимателем».

– Ну, так в чем дело? Решил поумничать? Так я тебя умничать отучу на всю жизнь. Набыю морду в воспитательных целях, потом спасибо скажешь. Уйди с глаз долой, не доводи до греха.

– Ну как же, господа, читайте сами, пункт шесть контракта. «Гильдия обязуется предоставить членам отряда квалифицированного и благонадежного командира». А разве вы его предоставили?

– Ты что, намекаешь, что мы организовали нападение? – опять грозный вид. А ведь действительно, будь мне и в самом деле семнадцать лет – бежал бы от этих страшных дядек не оглядываясь. Но это если бы да кабы...

– Ни в коем случае, господа. Но согласитесь, что обязательства гильдия не выполнила.

– Значит так, мальчик, или ты немедленно, я подчеркиваю, немедленно платишь деньги и исчезаешь из моей жизни навсегда, – Богарэ говорил очень тихо и даже почти вежливо, но его покрасневшее лицо реально пугало, человек явно едва сдерживался, – либо я подаю на вас в суд за клевету на уважаемого командира, которого здесь все знают и не просто так на должность поставили.

– Разумеется, господин Богарэ, подавайте в суд, но сначала ознакомьтесь с этой бумагой.

И я передал ему заверенную нотариусом копию показаний Фурнье в суде Амьена.

Богарэ схватил бумагу, прочитал, а потом демонстративно разорвал.

– Мне плевать, что наплел этот купчишка, чтобы не платить за сопровождение!

– Осмелюсь обратить ваше внимание, что вы в присутствии троих свидетелей разорвали документ, заверенный королевским нотариусом, – я позволил себе улыбнуться.

Ситуация поменялась. Демонстративно разорвать такой документ – значит, высказать публичное недоверие к представителю короля. Это, конечно, не оскорбление величия, но очень, очень близко. И это понял не только Богарэ. Его заместители оказались в очень щекотливой ситуации. Если я заявлю о произошедшем официально, им придется либо свидетельствовать против своего начальника и, вероятно, друга, либо стать лжесвидетелями по коронному процессу. А это будет именно коронный процесс, с ним шутки плохи.

Ладно, успокоим господ, я не зверствовать сюда пришел.

– Но, слава богу, у меня есть еще одна копия, – теперь все трое дружно выдохнули. Да что же это за синхронное переживание, в конце концов! – Кроме этого, у меня есть заверенные показания атамана разбойников и копия показаний одного из нападавших, заверенная одним из судей Амьена и городским палачом. Если будет необходимо, я получу в Амьене еще много доказательных документов. Вы действительно хотите продолжить разговор в суде?

Мои собеседники переглянулись, и решение было принято. Действительно, сложенная у них команда.

– Черт с тобой, давай контракт.

И Богарэ сделал на нем отметку об отмене взноса в гильдию в связи с особыми обстоятельствами, остальные поставили заверительные подписи.

– Ты откуда такой взялся?

– Издалека, мэтр, из Прованса.

– Слушай, Жан Каттани, я тебя как человека прошу, вали отсюда. Наемники в Лионе больше наших зарабатывают, если хочешь, я тебе даже рекомендацию напишу, только сделай милость, исчезни из Парижа, пожалуйста. Не вводи в искушение, еще раз тебя увижу – не обижайся, но вот этими руками в порошок сотру. Хорошо?

Ну а мне что – жалко? Да ради бога, я больше наемничать точно не собирался, так что пообещал вполне искренне.

Зато из кабинета вышел гордый и красивый! А народ в приемной смотрел разочарованно – не удалось им увидеть, как меня Богарэ за шиворот выкидывает и пинком провожает.

Что же, спасибо мэтру Ренарду, не затаил, видать, обиду, ну или запрятал ее далеко. Только без этих бумаг туго бы мне пришлось, а так еще более восьмисот либр в общий котел упали.

Пришел к товарищам, честь по чести со всеми рассчитался, пожал каждому руку, а в конце хотел с Мартой поговорить. Ну, о своих мыслях о ее лечении. И не смог. Эта коза куда-то исчезла, причем ловко так. Вот только что сидела напротив, но только я отвлекся – и все, нет ее, даже деньги ей передать не успел.

Я не просто весь рынок obeжал, я всю лигу наемников на уши поставил, я землю рыл, ну, в конце концов, я что, искать не умею? И Марта же не мышка серенькая! С ее ростом, фигурой, да с маской на лице в толпе при всем желании не затеряешься. А вот ничего. Не смог ее найти. И задуматься бы тогда мне, дураку, с чего бы женщина так прятаться стала – нашел

бы запросто. Ан нет – злость и обида, видите ли, мозги затуманили. Профессионал, прости господи, пальцем деланный, тридцать лет стажа. Как мальчишка в эмоции ударился. И ведь не любовь какая, близко нет – обида, как же, я же как лучше хотел! А меня, всего из себя благородного, не поняли. Дурак он и есть дурак. В смысле я.

Глава XII

Вот в таком образе непонятого рыцаря я и возвратился в Клиссон. До начала занятий оставалась неделя, и я провел ее в обществе прекрасной Сусанны, которая за лето заметно вытянулась, но все еще оставалась девчонкой – нескладной, наивной и задорной. Надо сказать, что эта маленькая егоза действовала на меня как ластик, прекрасно стирающий с души все горести и тревоги. В ее изумрудных глазах плескалась такая радость жизни и бесконечное доверие! Неужели всего через несколько лет этот черноволосый ангел превратится в расчетливую интриганку, может быть даже королевскую фаворитку? Не хочу, но от меня-то что зависит... Однако это потом, а сейчас мне хорошо – на душе светло и жива надежда, что в мире есть не только грязь.

И именно Сусанна указала на недопустимый пробел в моем образовании. Как-то на прогулке она похвасталась:

– А мадам Жанетт сказала, что я повзрослела и теперь меня надо учить взрослым делам!

Представляете, какие мысли пронеслись в моей голове? Чему такому взрослому можно учить десятилетнего ребенка?

– Это чему же тебя собираются учить?

– Танцам! – гордо сообщила Сусанна. – Вот ты сколько танцев знаешь?

Сразу вспомнились брейк-данс, рок-н-ролл и эта, как ее... ламбада. Вот только их при королевском дворе не хватало. Хотя вальс – почему нет?

– Я знаю только вальс, но его танцуют, по-моему, очень мало и только простые люди.

– А, я его знаю, только он называется вольс.

– Нет, вольс я видел – это немножко не то, – точно, есть здесь такой, видел, но повторить, естественно, не смогу, помню только, что там дам постоянно на руки поднимают и по воздуху кружат. – А вальс – совсем другой, по-моему, очень красивый. Вот только никаких других танцев я не знаю, не учил, – и я расстроено развел руками.

– Бедненький, как же ты с дамами знакомиться собираешься? Мадам Жанетт говорит, что танцы для того и нужны, чтобы кавалеры с дамами познакомились. Жан, а давай я тебя учить буду, – тут же с энтузиазмом предложила Сусанна – видимо, очень захотелось ей поиграть в учительницу. Впрочем, дело действительно хорошее и лично мне необходимое – один я здесь такой пентюх, что танцевать не умею.

– А ты сможешь? У тебя время найдется?

– Конечно, я еще и папу уговорю, скажу, что мне самой для учебы кавалер нужен. Только и ты меня вальсу научи, иначе нечестно будет. Вот под какую музыку его танцуют? – и Сусанна протянула руку, как подают ее приглашенные на танец дамы.

Я аккуратно подал свою, но дальше просто поклонился – ну не сейчас же танцевать! – и ответил:

– А ты ее знаешь, та самая, которую ты подобрала, на три четверти.

– Отлично, когда-нибудь мы станцуем этот вальс на зависть всему Клиссону!

– Ну, зачем же мелочиться? Мы станцуем его на зависть всей Галлии. Иди, договаривайся с папой.

Таким образом, наши встречи с Сусанной приобрели и хореографическую составляющую. По выходным она учила меня всяким придворным танцам – скука смертная, но знать надо – мало ли как жизнь сложится.

А де Ри всерьез заинтересовался моими летними приключениями. Я даже сделал устный доклад о поездке, после чего он подробно разобрал мои действия, нашел в них несколько тактических ошибок – все же как боевик он выше меня на голову. По его просьбе я, на основании полученного опыта, написал краткий обзор по тактике охраны обозов и действиям бойцов в

различных ситуациях. Де Ри хотел использовать мой опыт в лекциях по тыловому обеспечению.

А через несколько дней стали съезжаться однокурсники.

С иронией и чувством превосходства смотрели мы на новое пополнение. А вот на старший курс – с завистью. Фактически занятия на третьем курсе представляли собой службу в войсках на сержантских должностях. Только в реально воюющих подразделениях, благо в то время в Галлии всегда можно было найти, где помахать шпагой во славу короля. А раз в две недели курсанты-старшекурсники встречались с начальником курса, вручали ему письменные отчеты о своих действиях и действиях подразделений за этот период, после чего проводился их разбор. Таким образом достигалось приобретение практического опыта одновременно с повышением теоретической подготовки.

И в конце обучения – выпускные экзамены и защита диплома по заданной теме. Это мог быть обзор какого-либо уже состоявшегося сражения или теоретическая оценка возможности боевых действий в условно заданных обстоятельствах. В любом случае основой диплома являлся анализ возможностей использования тактики диверсионно-разведывательных подразделений.

Нам до этого счастья предстояло пахать еще год, а пока последний день каникул, мы с графом и д'Оффиа сидим в «Трезвом сержанте» и я выслушиваю восторженный рассказ шевалье о прелестях Амьена.

– Жан, ты не представляешь, что ты потерял! Я клянусь, это лучший город Галлии. Ты только представь, огромный замок, рядом буквально дворцы знати! Правда, там же живут и буржуа, но только богатые, так что картины сильно не портят. В городе чистота. Может, и не такая, как в Клиссоне, но правитель за этим смотрит строго.

Тут де Бомон демонстративно подбоченился, мол, такие мы, графы Амьенские, молодцы. Я так понял, что дальше богатых кварталов д'Оффиа не ходил, иначе бы от его восторженности следа не осталось. Мне же в той клоаке пришлось побывать – зрелище жуткое, страшный коктейль из грязи, злобы, боли и страданий. Без этого кошмара, к сожалению, не обходится ни один город. Пока, но вот изменится все только через века, а мы сейчас живем.

– А девушки, Жан, девушки! Да я теперь на местных девиц и не взгляну! (Ну-ну, посмотрю я на тебя через пару недель, половозрелый ты мой.) А одна! Она мне писать обещала! А какие у нее подруги! А охота – как в древних легендах. Я лично копьём такого секача завалил! Не веришь? На вот, посмотри! Мне из его зубов ожерелье сделали.

Клыки действительно впечатляли – трофейный был зверь.

– А народ там какой вежливый! И мирно все, если бы не кастильцы под боком – был бы рай на земле!

Ну конечно рай, только вокруг этого рая целая партизанская война ведется. Мы живем в период крестьянских восстаний и городских бунтов. Галлия постоянно воюет, на войну требуются деньги, которые брать можно только с тех самых мирных горожан и крестьян. А подавлять эти бунты кто будет? Да мы же и будем, огнем и мечом, между прочим.

Так что краткую политбеседу с моими собутыльниками провести явно стоит. В разумных пределах, конечно, чтобы не побили.

– Шевалье, а чем вам не понравились дома буржуа в Амьене?

– При чем здесь дома? Дома как дома – богатые, красивые. Но вот сами буржуа... нет, все-таки не должны они жить рядом с дворянами. Не зря же говорить в присутствии короля они могут только стоя на коленях, а он же из нас! Первый, но из дворян. А тут эти на каретах ездят, прогуливаются с таким видом, словно имеют на это право.

М-да, классический случай. Действительно, богатые простолюдины тянутся за дворянством, покупают имения, дающие права на титулы. В последнее время королевская казна стала пополняться за счет продажи дворянства. Заплатил по таксе, кстати, весьма высокой, и пожа-

луйста, ты уже шевалье, правда, ненаследный. Но вот если еще и прикупил имение, дающее право на титул, то можешь стать и бароном и виконтом. К графам, маркизам и герцогам это не относится, там уже другая история, но и это вопрос решаемый, через брак, например.

В нашем мире такое тоже было. Яркий пример – д'Артаньян, настоящий, не книжный, – граф по матери, а его отец – буржуа, выкупивший дворянский титул.

Но здесь старое дворянство выскочек в упор не признавало, и основания для этого были. На бумаге получить титул легко, но вот магические способности – никак. Королевским эдиктом законы генетики не изменишь, хотя здесь само это слово неизвестно, а начнешь рассказывать – пожалуйста греться, у нас народ на веселый костерок полюбоваться завсегда рад, ибо магия от Бога. Что-что? Клетки, ДНК? А покажи. Не можешь? Тогда на костер, на костер – нечего честных людей с пути истинного сбивать. А то сегодня генетика, завтра все люди братья, а потом бунты и кровь. И ведь не поспоришь.

– Господа, вот вы историю своих родов хорошо знаете?

– А как вы думаете, барон? – Естественно, знание своей родословной – святая обязанность каждого дворянина.

– Я в этом уверен, не сомневайтесь. Вот, например, вы, граф, скажите, кто в вашем роду был первым рыцарем?

– О, более девятисот лет назад мой предок, Казаорнаг по прозвищу Длинный, при штурме Вероны первым ворвался на крепостные стены и удерживал подход к штурмовой лестнице, пока по ней взбирались его товарищи. Был ранен, но выжил. За этот подвиг Густав Великий лично опоясал Казаорнага мечом, принял вассальную клятву и передал во владение землю в обмен на обязательство моего предка и его потомков воевать в королевской коннице.

– Отлично, Филипп, вот прекрасный пример появления славного рыцарского рода! Но ответь мне, чем достойный Казаорнаг, опоясанный мечом, отличался от того же Казаорнага двумя днями ранее? Разве тот, прежний Казаорнаг, был менее достойным человеком?

– Конечно, он же не был еще опоясан мечом. – Так, здесь дворянская логика непробиваема, попробуем зайти с другой стороны.

– Логично, а почему, помимо меча, Густав Великий дал твоему предку и землю? Он же воин, ему воевать надо, а не землю пахать.

– Жан, я тебе удивляюсь, ты во время каникул ни с какого дуба не падал? Потому что конь и оружие денег стоят, деньги нужны. Так пусть лучше он их со своих земель получает – казна не для этого существует.

– А сейчас королю, да и твоему отцу, деньги на войну тоже нужны. А с кого их брать? С крестьян и так дерут без счета. Больше просто нельзя – с голоду перемрут, совсем платить перестанут. А вот у буржуа деньги есть. Ведь и налоги с них идут, и займы берете – так? А если им в Амьене не понравится – что будет? Уедут к соседям, и платить там станут. Так что смиритесь, друзья, в нашем мире от этой публики никуда не деться. Более того, чем богатых простолюдинов будет больше и чем они будут ближе, тем больше денег мы, военные, сможем заработать!

Де Бомон как-то очень внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Жан, почему, когда я разговариваю с тобой, мне иногда кажется, что я говорю со стариком, который жизнь прожил?

– Да брось, я же ничего нового не сказал. Ты все это и сам знаешь прекрасно. Лучше расскажите, что еще интересного произошло за каникулы. Сезар, ты говорил о прекрасной девице и ее подругах...

Письмо, которого Жан не читал

«Дорогой друг!

С сожалением должен сообщить, что мои возможности получать сведения о нашем общем знакомом оказались сильно урезанными.

Каким-то непонятным образом вся информация о нем попала под действие Тайны Академии, и для ее обхода даже мне нужно время. А пока мой человек просто физически не может ничего рассказать, кроме того, что учится наш знакомый успешно, близких друзей не завел, хотя чаще других общается со своим однокурсником юным графом Амьенским. В городе появляется редко, образ жизни ведет достаточно замкнутый. Ходят слухи, что у него есть любовница в Нанте, но кто она – никто из моих людей узнать так и не смог.

В то же время наш друг оказался втянут в непонятную историю. В ноябре прошлого года некая группа, в составе двух мужчин и одной женщины, организовала провокацию с целью дискредитации и убийства юного графа. И это почти получилось, но по случайности в дело вмешался наш знакомый. В результате удалось графа не только спасти, но и от всех подозрений очистить. А злоумышленников арестовали.

К сожалению, кто являлся заказчиком этого преступления, узнать так и не удалось. Представляешь, главарь шайки перегрыз себе вены на руках! Остальных забрали люди из Амьена, хотят попробовать что-то у них узнать. Но я думаю, что ничего не получится, по крайней мере, у наших ничего не вышло.

Зато об этой истории новая песенка появилась, у парижан очень популярная, возможно ее уже и в Безье поют. Если услышишь “Балладу о Черном бароне и Прекрасной незнакомке”, то это она и есть.

И главное, когда он приедет, постарайся узнать не только о том, что случилось в Клисоне, но и о том, где он провел летние каникулы. Я знаю только, что он приехал в Нант, а затем исчез, как исчезает каждый раз, когда там появляется. Не думаю, что за этими исчезновениями стоит что-то плохое, скорее просто прячет свою любовницу, но все равно интересно.

За сим прощаюсь. Передай баронессе мои наилучшие пожелания!

Ее преданный слуга и твой друг виконт Транкавель».

И первого сентября мы вышли на традиционное построение.

Приветственная речь де Ри оказалась абсолютным клоном той, что он произнес год назад. До строчки, до слова, до интонации. Пришлось потерпеть.

Только если в прошлом году этот день мы могли потратить на себя, то теперь – дудки. Сразу зубодробительные лекции с максимальной информативной нагрузкой. Единственное послабление сделали себе сами – повторили шутку наших предшественников – от имени начальника первого курса послали гонца в «Трезвый сержант», чтобы не дать новичкам напиться в доску.

А так – с места в карьер. Однако количество предметов осталось прежним. Общая нагрузка возросла, но не критично. Только если в первый год нас учили в основном общевоинской премудрости, то сейчас сосредоточились на специальных вопросах.

Примерно в октябре в Академию прибыла комиссия попечительского совета, желавшая оценить качество подготовки будущих лейтенантов. Помимо стандартных кросса, вольтижировки, конкура и фехтования, проверяющие пожелали увидеть нас в обстановке, как говорится, максимально приближенной к боевой. А потому была поставлена учебная задача – ликвидировать конкретного человека,двигающегося в составе подразделения конной охраны.

За два дня до этого курс разбили на пятерки, каждой из которых было указано свое время и маршрут следования колонны. В середине колонны ехала телега с металлическим щитом. Задача считалась выполненной, если курсанты смогут поразить щит любым, выбранным ими способом, а их группа сможет уйти от преследования «охраны». Во избежание жертв курсантам выдали магические пули, которые попадание обозначат, но никого не убьют.

Сутки давались на рекогносцировку и разработку операции, сутки на ее подготовку и проведение.

Я попал в одну команду с де Бомоном и д'Оффиа. Граф привычно взял командование в свои руки (а мне надо возражать?), и под его чутким руководством мы выдвинулись на место. Отведенный для проведения операции кусок дороги проходил по скошенному полю и пересекал небольшой, метров пятьсот, перелесок. Место ровное, ни холмов, ни впадин – кошмар диверсанта. Да, за полем начинался густой лес, в котором, в принципе, можно спрятаться. Время проезда – между восемью и девятью часами утра.

По дороге с рекогносцировки заехали перекусить в «Трезвый сержант», все-таки готовили там намного лучше, чем в Академии, а позволить себе обед нам было вполне по карману. Заодно рассчитывали погонять мысли о предстоящем приключении. Однако выяснилось, что шевалье Сезар д'Оффиа в данный момент для мозгового штурма явно непригоден. Мечтательное лицо и идиотская улыбка пробудили во мне страшное подозрение – и этот влюбился. Мало нам было графа, теперь и от этого надо ждать внеочередной глупости. А чего еще можно ждать от влюбленного мальчишки?

Первым среагировал де Бомон.

– Сезар, ты с нами или в меланхолии?

– А? Что? Где? Извините, отвлекся. Вы тут о чем?

– О тебе, наш друг, о тебе. Ты в каких эмпиреях сейчас витаешь? – нарочито участливо поинтересовался граф.

– Друзья мои, что я вам расскажу... Подслушал я тут разговор проверяющих, – понизив голос, как о великой тайне поведал шевалье. – Оказывается, они все – приближенные военного министра!

– Ну и что?

– Вы дослушайте. Они уже сейчас приглядывают курсантов для работы в его канцелярии! – Д'Оффиа даже перешел на восторженный шепот.

Мы переглянулись между собой. Что же, все правильно. Из нашей пятерки один д'Оффиа мог рассчитывать только на собственное везение. За всеми другими стояли небедные семьи. Пусть не все графы, но все при деньгах.

Однако на шевалье явно строит планы юный граф, и, видимо, его владетельный отец. Они такому повороту точно не обрадуются. Оказалось – наоборот. Де Бомон сразу включился в разговор:

– Господа, поможем человеку! Я предлагаю дать возможность д'Оффиа произвести решающий выстрел! Сделаем все лучше всех, и его точно заметят!

Никто не возразил, даже энтузиазм проявили – молодежь, что с них взять.

– Прекрасно, граф, только как вы это представляете?

– В перелеске высокая трава. Заляжем в ней, расстреляем мишень и охрану и скроемся в лесу.

Пришлось спускать его на землю:

– Кто будет стрелять по мишени?

– Естественно, д'Оффиа, а что?

– Да в общем ничего, но вдруг промахнется или порох отсыреет – утром и роса может выпасть.

– Тогда магией – у него точно сил хватит.

– Против магии могут стоять щиты – клиент считается охраняемым.

– Щиты могут и пулю отбить, так что, его теперь вообще шпагой колоть?

– Можно и шпагой, а можно той пулей, что нам выдали, ибо по условиям учений объект уязвим именно для выстрела. Только вот надежность этого выстрела и точность как обеспечить? А то уедет телега, а нам ручкой помашут.

Вижу, мои однокурсники уже злиться начинают – мол, критиковать все мастера, ты сам решение предложи.

А мы ведь на партизанских фильмах и книгах воспитаны, у нас такие задачи дети на раз решают, когда в войну играют.

– Прежде всего, делать засаду в этом перелеске нельзя – деревья в нем редкие, кустарника почти нет, лошадей рядом не поставишь. А охрана на конях – зажмут нас там и порубят в капусту.

– Почему в капусту?

– Потому что мелко, не отвлекаяй. Дальше, подходить к месту засады можно только с вечера, иначе на утренней росе следы будут видны издали, опять же, что с лошадьми делать? Их на ночь не привяжешь, им ночью кушать надо. Да и всю ночь на сырой траве валяться лично мне лень. Поэтому предлагаю. На самом въезде в перелесок растет тополь, высокий, но не очень толстый. Если его поперек дороги уронить, отряд задержится – телегу быстро не перекинешь и по раскисшей стерне быстро не объедешь. Мы завтра тот тополь подрубим, а перед подъездом отряда один из вас его повалит, можно топором, но лучше магией, чтобы издали. Сможет кто?

– Ну, если дерево заранее подрубить, то я его с двухсот метров повалю запросто, – усмехнулся граф, – только почему ты решил, что оно именно поперек дороги упадет?

Ну что же, видимо, его сиятельство не только сам деревья не рубил, но и не видел, как другие это делают. И то правда, не графское это дело – топором махать.

– Не волнуйся, покажу, как надо. Главное, чтобы оно перед самым отрядом упало. А дальше они остановятся, мы прямо с опушки даем два залпа, попадем или нет – не важно, и галопом в лес, ибо там нас догнать уже никак не успеют.

– Интересно, мы, а он? Он-то что делать будет?

– Он, друзья мои, завтра с нашей помощью, конечно, выкопает ямку на месте того пригорка, что в десяти метрах от дороги. Сделаем там, извините, туалет, замаскируем, и оставим бравого шевалье ночевать со всеми удобствами. А утречком, под шумок наших выстрелов, д'Офффа этот щит и расстреляет. Здесь промахнуться никак невозможно, особенно если мы стрелять двумя залпами будем. Ну как вам мысль? Готовы помахать топорами и лопатами во славу Академии?

И они согласились. А для пущего интереса я у нового каптенармуса из оружейки два отличных арбалета выпросил, и шевалье даже пристрелять их успел.

В общем, засаду подготовили в лучших традициях российских сериалов про спецназ. Выкопанную землю увезли на арендованной подводе, схрон замаскировали дерном и опавшей листвой так, что его невозможно было увидеть, даже встав на него. Д'Офффа залез туда днем, так что мелкий дождь и утренняя роса окончательно скрыли все следы.

И прошло все по плану, как в кино. На подходе отряда поперек дороги упало дерево. Мы выскочили из-за перелеска и двумя залпами из огромных неподъемных мушкетов выстрелили в сторону мишени, после чего, в соответствии с заранее утвержденным планом, рванули в лес, а преподаватели и солдаты роты охраны, изображавшие эскорт мишени, рванули за нами.

Ну не удержался я, показал, как заманить преследователей на мины – в нашем случае в тупиковый овраг, где мы поставили муляж пороховой бочки. Так что полтора десятка преследователей, упершись в отвесную стену, были крайне удивлены, когда исчезнувшие курсанты внезапно возникли наверху оврага и показали зажжённые факела и стоящую рядом бочку с надписью «Порох».

Куда бы погоня делась, если следы, ведущие в тот овраг, мы проложили днем ранее и укрыли лапником от дождя. Перед началом авантюры лапник убрали, а убегающая группа ушла в сторону по толстому слою опавшей листвы, напроочь скрывшей этот маневр.

Д'Оффуга также четко сделал свое дело, дважды выстрелив в мишень, благо она оказалась не закреплена и болты после удара спокойно улетали в чистое поле. Поскольку стрелял он из арбалетов одновременно с нашими выстрелами, преподаватели решили, что в цель попали мушкетные пули и курсантам тупо повезло. После чего расположились на завтрак, ожидая возвращения погони.

Впоследствии д'Оффуга рассказал, что, по словам членов комиссии, высокая оценка за эту авантюру нам не грозила ни в каком случае. Обидевшись, он перезарядился и еще дважды поразил мишень, а потом с удовольствием наблюдал за суетливым бегом проверяющих вплоть до бесславного возвращения погони. Из вредности из схрона не вышел.

На последовавшем разборе наша группа получила высшую оценку, д'Оффуга – персональную благодарность за находчивость и ходил довольный и важный, как обьевишийся индюк.

А затем, уже после отъезда комиссии, де Ри за десять минут объяснил, почему так нельзя делать. И был прав. То, что сделали мы, называется дурью и годится для театра, для приключенческого романа, но ни в коем случае не для боевого применения. Если бы в составе отряда действительно было охраняемое лицо, его бы охрана закрыла сразу, как только упало дерево. А дальше все бы кончилось пшиком – если объект охраны цел, то захват нападающих принимает второстепенное значение, более того, такой демонстративный отход, как в нашем случае, будет расценен именно как отвлекающий маневр.

Так что расходились мы окрыленные успехом, но и изрядно осаженные выступлением начальника школы.

В ближайший выходной де Ри лично в доступных любому красноармейцу выражениях объяснил мне, что не надо учить курсантов авантурным методам работы – у них и без этого будет достаточно возможностей шею свернуть. Все верно, но что делать, если у меня и правда ребячливость стала проявляться? Гормоны действуют, что ли?

Через несколько дней, когда мы с де Бомоном остались с глазу на глаз, я поинтересовался, зачем он помог д'Оффугу засветиться перед высокой комиссией, если графы Амьенские явно хотят видеть его на своей службе? Ответ оказался интересным.

– Жан, извини за откровенность – сам напросился, но ты смотришь в будущее с дальновидностью крота. Вот Сезар что – великий фехтовальщик или гений стрельбы?

– Нет, конечно, зато голова у парня какая!

– Правильно, а так ли в Амьене необходимо десять прекрасных голов? Не думаю. Зато в канцелярии министра он, да еще и с нашей помощью, в гору пойдет, как хороший першерон³³. Боевиков мы всегда найдем, а вот иметь друга на хорошей должности в Париже – этого за деньги не купишь. Так что все просто отлично сложилось, а тебе отец просил отдельное спасибо сказать и напомнить о вашем разговоре. Кстати, а о чем разговор был?

– Вот как раз он меня в Амьен и звал, видимо, считает, что я прекрасный фехтовальщик, на худой конец – стрелок, – мне даже обидно стало – вроде и отношения у нас с юным графом почти дружеские сложились, а оказывается, в мое будущее никто и не верит совсем.

Но выяснилось, что здесь все еще интереснее.

– Э, нет, я отца знаю – если он кого лично приглашает – то точно не для махания шпагой. Так что ты обязательно к нам приезжай. Отказаться никогда не поздно, только я не припомню, чтобы кто-то по своему желанию от нас уезжал.

– Понятно, сделает предложение, от которого я не смогу отказаться. Звучит круто! Ладно, давай вернемся к разговору, когда патенты получим.

³³ *Першерон* – порода лошадей-тяжеловозов.

Глава XIII

И понеслась курсантская жизнь дальше. Но вот от неожиданных приключений, типа того, с Крисом и Колеттой, Господь нас хранил.

За занятиями, к моему стыду, мысли о Марте исчезли. В конце концов, жила же она без меня, и дальше проживет, чай не принцесса, чтобы я ее по всему белому свету искал. Так что на Рождество я с чистой совестью поехал в Безье, где в кругу семьи был обласкан всей ее женской частью и радушно встречен мужчинами.

В замке практически ничего не изменилось. Барон все так же крепок, баронесса прекрасна, близняшки подросли, но о замужестве им еще думать рано, а потому по-прежнему беззаботны.

Только Гастон заметно вытянулся, превратившись в нескладного, но на редкость серьезного юношу. К моей радости, от его былой жажды подвигов не осталось и следа. Все его разговоры, кроме баб, конечно, сводились к урожаям, скачкам цен на вино и оливковое масло и к стоимости современного сельскохозяйственного оборудования. Я в этом ничего не понимал, да и не хотел разбираться. Себе уяснил только то, что по мере вхождения Гастона в семейный бизнес, дела баронства пошли в гору.

Фехтованием Гастон, разумеется, занимался, но за все мое отсутствие косоного взгляда на себе не видел. Во-первых, потому что местный феодал, а во-вторых – брат самого Черного барона!

– А ну-ка, с этого места поподробнее. При чем здесь Черный барон?

– Как же, Жан! Балладу о Черном бароне и Прекрасной горожанке поют во всех тавернах, да ее вообще везде поют, сам услышишь. А про то, что Черный барон – это ты, знает вся Окситания! Да ты же местный герой!

Ой, мама, роди меня обратно! Мне же теперь с бароном объясняться, а ему романтика до факела! Конечно, даже по версии менестреля, я честь рода не уронил, но разговор все равно предстоит непростой. Правда, встретил де Безье меня радушно, поэтому, может быть, убьет не сразу.

И тем же вечером после ужина барон попросил меня задержаться в трапезной.

– Итак, полковник, я хотел бы услышать вашу версию баллады о Черном бароне.

– Что же, слышал я такую, но клянусь, это только фантазия заезжего менестреля. Я вообще-то в Клиссоне учусь, мне дышать порой некогда, не то что по девкам бегать.

– Вот только не надо рассказывать сказки, на это дело в твоём возрасте силы и время всегда найдутся.

– Вы, господин барон, про какой возраст говорите?

– А... ну... да... тебя что, вообще женщины не интересуют?

– У меня все в порядке, просто бегать по шлюхам интереса действительно нет, а те женщины, которые меня интересуют, в Клиссоне не водятся. Извините, так получилось.

– Ты кого имеешь в виду?

– Порядочных женщин, из которых барон де Безье может себе жену выбирать.

– То есть в этой балладе все ложь?

– Ну... – и вот тут я на своей шкуре понял, что такое Тайна Академии. А ведь всего-то хотел сказать, что помог поймать трех бандитов, одна из которых – женщина. И стою, как дурак, рот открыл, но сказать ничего не могу. Даже пальцы судорогой скрючило. Думаю, если бы решил ногой написать – тоже ничего бы не вышло. Попробовал через силу что-то сказать – так все тело болью свело. Все колдуны проклятые предусмотрели! Тайну Академии невозможно вырвать даже под пыткой. Человек просто ничего ни сказать, ни написать не сможет. А если

будет совсем упорствовать – умрет, наверное. Во всяком случае, желания проверить эту версию у меня не возникло.

И барон испугался, побледнел, суетливо сунул мне в руки бокал вина – здесь это считается универсальным лекарством. Кстати, реально помогло.

– Ладно, ладно, барон, закрыли тему. Я же так, из любопытства спросил. Не ожидал, что тебя так... А что это было?

– Господин барон, давайте закончим с вопросами, уверяю, мне одного вполне хватило. Лучше расскажите, что здесь происходит.

– Ничего не происходит. Все тихо, спокойно. Если бы Его Величество налоги не поднимал – вообще бы рай земной был. А так соседи ворчат. И то сказать – раньше вассал на сорок дней сеньору дружину выставил, десятину заплатил и живи в свое удовольствие. А сейчас мало что не каждые полгода налоги повышаются. Но ничего, слава богу, урожай в этом году собрали знатный, цены на вино и оливковое масло растут, так что, в общем, все в порядке.

Соседи ворчат? На дворе семнадцатый век – век дворянских заговоров, не ввяжется ли мой «отец» в один из них? В моем мире это было чревато. И для заговорщиков, и для их семей.

– Надеюсь, вы к ворчунам не относитесь? По моим ощущениям, в ближайшее время королевская власть будет укрепляться. И становиться у нее на пути опасно. Это я по опыту своего мира говорю.

– Я королю присягу дал более двадцати лет назад и никогда от нее не отказывался!

– Ну и хорошо. Есть какие новости из Монпелье?

– Никаких, их и раньше-то не было. Торгуем, но особо друг с другом не общаемся. Так что вроде бы пакостей от них не ждем, а там кто знает, что у реформистов на уме? Дружину я на всякий случай до пятидесяти человек увеличил, гоняю их каждый день, караулы лично проверяю. Теперь нас голыми руками не возьмешь. И еще раз спасибо тебе – если бы не ты, нас бы никого не было.

– А если бы не вы – меня бы не было. Так что на мою помощь можете всегда рассчитывать.

– Решил, чем после окончания Академии будешь заниматься?

– Пока нет, буду думать после практики в войсках. Меня усиленно в Амьен зовут, но я пока решения не принял.

– Почему тогда не на королевскую службу?

– Да кто меня там ждет? Хотя может и так получиться, я же говорю – позже буду решать.

– Летом почему не приезжал?

– Я же писал, что хочу попутешествовать, страну посмотреть. Для меня здесь все новое, незнакомое. А так с людьми пообщался, города посмотрел. Заезжал и в Париж, в королевский дворец, конечно, не ходил, но вокруг прошелся – впечатляющее зрелище.

В общем, из всех разговоров с домашними я сделал вывод, что мое возвращение в Безье в ближайшее время не требуется, так что можно с чистой совестью сосредоточиться на своих делах.

Только вечером, уже собираясь лечь спать, решил пересмотреть безделушки, лежавшие в верхнем ящике комода – разные брошки, висюльки, которые любят здесь надевать мужчины. И обратил внимание на... не свет, а ту ауру, что остается на вещах, подвергшихся магическому воздействию. Исходила она из вычурной золотой... ну или позолоченной брошки, один в один похожей на ту, что сегодня носил мой брат. Аура показалась знакомой, но очень хотелось спать, поэтому воспоминания решил отложить до утра. Только ночью все само вспомнилось, да так, что я с кровати вскочил, зачем-то оделся и больше не ложился. Заклятие ласточки! Вот что было на этой брошке! Уже слабое, за три с половиной года потерявшее наверняка свою силу – но то самое, которым юного барона убили. И у Гастона такая же! Сперва решил бежать к нему, потом одумался – на брошке брата никакого заклęcia не было, значит, нечего панику поднимать, утром спокойно во всем разберусь.

Однако молодость взяла свое, и я все-таки заснул сидя в кресле, так что к завтраку вышел хоть и слегка помятым, но выспавшимся и с ясной головой.

После трапезы задержал Гастона, ткнул пальцем в ту брошку и спросил, что это и откуда. Брат неожиданно покраснел.

– Жан, а разве у тебя такой нет? Сесиль говорила, что есть.

– Слушай, ты же знаешь, что у меня была потеря памяти. Так вот, вспомнил не все, так что рассказывай, при чем здесь наша красавица?

И он рассказал. Оказывается, эта плутовка подарила ему брошку в знак любви и просила не снимать. Нет, ни о каком замужестве Сесиль и близко не помышляла, более того, уже успела сама выйти замуж за солидного горожанина, родила, слегка располнела, но осталась такой же зажигалочкой, от старых привычек избавиться не смогла и не хотела. Поэтому провести часок-другой наедине с Гастоном для нее было естественно, как пообедать. Она искренне это даже за супружескую измену не считала.

И однажды Сесиль похвасталась брату, что когда-то также встречалась со мной, в смысле со старшим сыном барона, и даже подарила Жану такую же брошь, которую он носил до того рокового падения с лошади.

И вот здесь у меня случился когнитивный диссонанс, попросту говоря, я обалдел. Ну невозможно представить эту добрую любвеобильную простушку в роли хладнокровного убийцы. И уж если пыталась убить – зачем об этом брату жертвы рассказывать, да не просто рассказывать – хвастать?!

Однако эти вопросы надо было выяснять не у Гастона. Вопрос – где? И вот тут я совершил ошибку, слава богу, не ставшую роковой. Я встретил Сесиль во дворе и, без всякой задней мысли, попросил зайти ко мне в комнату. И на что я надеялся? Естественно, она пришла и, естественно, пару часов мне было не до разговоров. Все-таки одно дело избегать женщин и совсем другое – отказаться, когда тебя так обняли...

Но все же в какой-то момент силы у нас иссякли, и появилась возможность просто поговорить.

– Сесиль, а почему я вижу на Гастоне такую же брошь, какую ты подарила мне?

– Ваша милость, какое счастье – вы начали ревновать! Я о таком и мечтать не могла!

– Да, ревную страшно и намерен наказать! Только потом, когда силы вернутся. А пока кайся, неверная!

– Ой, конечно, но только если вы меня потом два раза накажете!

– Придется, но если все как на духу расскажешь.

– Как прикажете, господин барон, – она с лукавой скромностью потупила глазки. – Я когда-то решила, что буду любить всех баронов Безье, а поскольку вас трое, то купила три таких брошки. Кстати, у вашего папы такая же есть, только он ее от жены прячет.

– Да ты что? И давно она у него?

– Давно, господин барон, однако стоит ли нам об этом говорить? Неудобно, честное слово.

– И то правда, давай лучше обо мне. Ты знаешь, что я когда-то память потерял, даже забыл, что у нас с тобой было, представляешь, чего лишился. Расскажи, как мне брошь дарила.

– Ой, ваша милость, даже вспоминать жутко. Вы тогда такой были... Вас тут все боялись. Вот и хотела я вас, и подойти было страшно. Не решилась я сама дарить, попросила вашу няню, Абель, передать и брошь, и мое приглашение... Только вы ведь один раз со мной и были, а потом та беда случилась.

– Абель? Не помню. Кто это?

– Она за вами лет с пяти ухаживала, а потом в монастырь ушла, сейчас монахиня, сестра Джиннайн, в ближайшем монастыре, что рядом с Безье.

– И когда она ушла?

– А вот как мою просьбу выполнила, так и ушла.

– Понятно... Ладно, хватит болтать, иди сюда, красавица, наказывать буду...

Да... Оторвался я за все годы пребывания в этом мире. Но вот потом... То ли здорова Сесиль, то ли нет... Хорошо, что обошлось, но после такой встречи думать, не подхватил ли заразу, – все удовольствие насмарку.

Однако цель, как ни цинично звучит, достигнута. Заклятье могли наложить только в тот краткий период, когда брошь была у доброй Абель, или теперь уже – сестры Джиннайн. Ну не могли же злодеи заранее просчитать, когда и какую брошь купит эта плутовка. Поэтому следующим утром поехал я в тот монастырь.

Приехал, но ведь это монастырь, притом женский, так что ни к какой сестре Джиннайн меня не пустили. Вообще бы никуда не пустили, но я же барон де Безье, грубо говоря – представитель главного спонсора, потому был принят лично настоятельницей, матерью Филиппой. Пожилая женщина с властными чертами лица смотрела на меня сурово, словно осуждала за какой-то только ей известный грех.

– Господин барон, я благодарна вашей семье за поддержку нашей обители, но должна напомнить, что, когда женщина приходит в монастырь, она порывает мирские связи. И я не желаю, чтобы прошлое нашей сестры отвлекало ее от мыслей о Боге. Не скрою, особенно я не желаю ее встречи с вами – слишком дорого ей обошлось ваше знакомство.

– Досточтимая матушка, я клянусь, что мои помыслы чисты. Разговор с сестрой Джиннайн необходим мне, чтобы я смог покаяться в грехах. Несколько лет назад я потерял память. Многого вспомнил, но не все. Я действительно много грешил, за что сейчас раскаиваюсь, но если не смогу вспомнить свои грехи и отречься от них – как предстану перед Всевышним? Умоляю вас о милости. И, пожалуйста, прочтите письмо отца Гюстава.

Хорошо, что я догадался обратиться к нему прежде, чем ехать сюда. Думаю, что без этого письма не смог бы ничего добиться от матери-настоятельницы. Не знаю, что отец Гюстав написал – он передал мне его уже запечатанным, но именно оно помогло узнать правду.

– Хорошо, вам разрешается говорить с сестрой, но только в моем присутствии. Можете не волноваться, ничего нового для себя я не узнаю, и все, что будет здесь сказано, останется тайной исповеди.

В келью вошла женщина средних лет с добрым лицом и ясным взором, какой бывает только у искренне верующих людей. Взгляд у нее поменялся, только когда она посмотрела на меня. На мгновение, но в нем сверкнула такая ненависть...

– Матушка, вы звали меня?

– Да, сестра. Я прошу тебя ответить на вопросы господина барона. Я знаю, насколько это будет тяжело, но прошу о смирении и послушании. Твои ответы очень важны. Считаю этот разговор искупительной епитимьей.

Сестра Джиннайн повернулась ко мне.

– Что вам угодно знать, господин барон? – видно было, как тяжело ей со мной разговаривать.

– Три с половиной года назад вы передали мне брошь. Расскажите, пожалуйста, от кого вы ее получили и что с ней делали до того, как отдали мне.

Монахиня вздрогнула, словно от пощечины. Господи, что же там произошло, если простой разговор она воспринимает как изощренную пытку!

– Я получила ее от служанки замка по имени Сесиль. Она попросила передать вам брошь и передать просьбу о встрече для любовных утех. Сесиль хотела, чтобы вы постоянно носили брошь, – подчеркнуто ровным голосом ответила бывшая няня.

– До вручения мне броши кто-то другой мог ее взять?

– Да, я передала ее одному священнику из Монпелье, чтобы он наложил на нее заклятие мужского бессилия. Однако, судя по рассказам Сесиль, заклятие не сработало.

Вот это да! Всякого ожидал, но такого!

– Что это за священник и как вы познакомились?

– Отец... прошу прощения, матушка, но он так представился, отец Жабер. Он занимает какой-то важный пост в церкви реформистов. Я часто ездила в Монпелье к сестре, она теперь тоже реформистка, и мы ходили смотреть на казни. Там отец Жабер всегда был главным, – увы, смотреть на казни – вполне благочестивое времяпрепровождение даже для добрых людей. Такие вот нравы.

– Так как же вы познакомились?

– Нас познакомила сестра. Он зашел к ней, когда я гостила. Он очень добрый, с ним приятно разговаривать. И никогда ни слова плохого не сказал о нашей матери-церкви.

– Вы встречались только в Монпелье?

– Нет, отец Жабер часто приезжал в Безье, только не в церковном облачении, а в простой городской одежде, и всегда останавливался у нас. Но вы не подумайте, он никогда не добивался меня, мы просто беседовали о жизни. А когда Сесиль передала мне брошь, он попросил ее на три дня, чтобы наложить то заклятие. Я сказала на это время больной, а потом, когда отец Жабер привез брошь, передала ее вам.

– За что же вы так меня ненавидите?

– Монахиня не может ненавидеть, ваша милость, монахиня может только прощать. А тогда... Мой муж давно умер, у меня был только сын Матис, ему было десять лет. Вы изнасиловали его, заставляли делать всякие гадости. Он повесился, – все было сказано ровным голосом, совершенно лишенным хоть каких-либо эмоций. И именно от этого мне стало страшно.

– Благодарю вас за разговор. О прощении не прошу – такое нельзя простить. Клянусь до конца дней своих молиться за упокой Матиса. Знаю, что самоубийство – грех, но верю, что у ребенка есть надежда на милость Божию. Она всегда есть, у него – особенно.

– Ваша милость, вы простите меня?

– Вы ни в чем не виноваты, сестра. Господь не допустил вас до греха. Прощайте!

Возвращаясь в Клиссон, я не мог отделаться от мысли, что не сделал все, что был должен. Вроде бы раскрыл убийство юного барона, нашел виновного – видимо, этот «отец» являлся резидентом реформистской разведки в Безье, использовал мою няню втемную как агента и содержателя конспиративной квартиры. Наверняка для устранения Жана был подготовлен другой план, но тут вовремя возник вариант с брошью. Что же, теперь с этим Жабером будет разбираться сам барон, у которого достаточно ума и возможностей. Я ему все подробно рассказал, кроме, разумеется, некоторых подробностей, касающихся Сесиль, – нечего добропорядочной женщине жизнь портить.

И все же, что я не доделал? Только подъезжая к Клиссону понял – надо было сходить на могилу Матиса. Что же, сделаю это в следующий приезд. Если бы я только знал, когда снова увижу ставший родным Безье...

Глава XIV

Весенний семестр прошел, как и предыдущий – без особых хлопот, а вот сразу после его окончания произошло важное событие. В вялотекущую галло-кастильскую войну вмешался савойский герцог, причем не на нашей стороне.

Его войска внезапным ударом разгромили приграничные гарнизоны и бодрым маршем двинулись на север в обход Альп. Поскольку никаких крупных соединений в этом районе у Галлии не было, над страной нависла реальная угроза потери восточных провинций. Это обстоятельство вынудило галлийское командование бросить навстречу противнику все имеющиеся силы, не задействованные в войне с Кастилией. В понятие «все имеющиеся силы» попала и наша Академия.

В теплый июньский день, когда были сданы все экзамены и курсанты готовились развехаться на каникулы, объявили общее построение.

После того как полсотни человек замерли на плацу, вышел начальник Академии и сообщил:

– Господа курсанты! На нашу Родину напал жестокий враг! Воспользовавшись нашим доверием, савойская армия коварным ударом разбила наши войска и вторглась в Дофине. Несмотря на героическое сопротивление, противнику удалось захватить Гренобль. Его Величество король Галлии приказал собрать армию, которая разобьет врага и выкинет его с нашей священной земли! И мы его выкинем! Я говорю мы, потому что Академии приказано прибыть к месту сбора войск вблизи столицы. Я уверен, что каждый из вас будет биться с врагом не жалея жизни! Не посрамим чести Клиссона!

Каждое предложение сопровождалось энергичным взмахом правой руки. При этом с каждым разом сила и амплитуда взмахов возрастали. К концу этой эпической речи мы стали всерьез беспокоиться за ее сохранность, но, к счастью, де Ри вовремя перешел на деловой тон.

– Приказываю! Завтра в шесть часов утра курсантам под командованием начальников курсов конной походной колонной выдвинуться к пункту сбора армии. На месте первый курс поступит в распоряжение начальника тыла. Второй будет распределен по боевым подразделениям на должности сержантов – командиров взводов. Участие в боевых действиях будет зачтено как армейская практика, после которой вас будут ждать кратковременный отдых и выпускные экзамены.

Закончил полевой маршал в привычной для себя бравурной манере:

– Господа курсанты, я уверен, что вы не зря все это время кормили мух в наших аудиториях и не позволите врагу лишить отцов ваших будущих детей! И помните, Клиссон ждет вашего возвращения! Не только здоровыми, но и обязательно живыми! Академия, строим разойдись!

А ведь хорошо сказал! Настоящий отец курсантам. Но задержки в сборах не простит, благо порядок действий многократно отработан и доведен до автоматизма.

Подготовить оружие, коней, проверить снаряжение. Взять необходимые деньги, вещи.

На следующий день курсанты были готовы к выходу. Две походные колонны по трое. Обоз следовал отдельно и сопровождался подразделением из роты охраны замка.

Двигаясь форсированным маршем, мы достигли столицы на пятый день. Такая скорость была необходима, чтобы штаб армии успел распределить старшекурсников по подразделениям.

И тут мое «везение» явило себя во всей красе. Из всего курса только я был назначен не сержантом, а унтер-офицером роты, но роты, существующей лишь на бумаге. Ее только предстояло набрать, причем из тех самых наемников, основным занятием которых была охрана купеческих обозов.

Это нестандартное решение объяснялось просто – в будущее генеральное сражение планировалось бросить все боеспособные войска, в том числе и части тылового охранения. Таким образом, назначенному командиру новой роты лейтенанту де Фронсаку были выделены деньги для найма и поставлена задача в течение недели создать боеспособное подразделение общей численностью сто семьдесят человек, сведенных в четыре взвода, для охраны армейского обоза. Командовать взводами должны были командиры наемников, которым на период кампании присваивался чин сержантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.